

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

Т. 6, № 4. 2022

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписку на печатную версию журнала можно оформить
по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс – 85741

Подписано в печать 23.11.2022. Дата выхода в свет 20.12.2022.
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 11,72. Уч.-изд. л. 10,56.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 050.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Адрес типографии: 392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А,
тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2022

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Аль Махмед Гани Зтайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан	<i>e-mail: Ganiatia@inbox.ru</i>
Андрияшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления	<i>e-mail: andryashkomv@mail.ru</i>
Аубакирова Индира Ураловна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая Школа Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М. С. Нарикбаева	<i>e-mail: indastana@gmail.com</i>
Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»	<i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»	<i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок»	<i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования	<i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Гришина Яна Сергеевна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского права	<i>e-mail: grishinel@inbox.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума	<i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Гутников Олег Валентинович	д-р юрид. наук	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса	<i>e-mail: oleg_gutnikov@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»	<i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»	<i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Зиядова Дуряя Зиядиновна	д-р юрид. наук, профессор	ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», профессор	<i>e-mail: Zijadowa@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право»	<i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>

Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Крылов Константин Давыдович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора процессуального права <i>e-mail: kodakr@list.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Международное право» <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления «РАНХиГС при Президенте РФ», профессор <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Мельников Николай Николаевич	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: rurcredit@yandex.ru</i>
Мунам Замиль Саям	канд. экон. наук, профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления <i>e-mail: S_samer@mail.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlova@yandex.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминологии факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», доцент кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Гаджиев Г. А. Толкование Конституции РФ с учетом экономической нормативности (лекция 01 апреля 2022 г.).....	407
---	-----

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Великая О. С. Правовое регулирование перевозки заключенных в Финляндии в 1920-х гг.	425
Елизаров В. П. Свобода, равенство, регулирование: базовая дилемма американского электорального финансирования	435
Клименко Е. П. Формирование правовой базы деятельности торгового порта Хельсинки в конце XIX – начале XX вв.	447
Петров А. Я. Профессиональное образование и профессиональное обучение в России (1996 – 2012 гг.): правовые аспекты.....	455

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арапов А. С., Лаврик Т. М. Механизмы регулирования системы публичных торгов: актуальные изменения законодательства	464
Болдырев О. Ю. Некоторые актуальные проблемы конституционно-экономических исследований	478
Ленский В. М., Теткин Д. В. Понятие административной ответственности в сфере охраны общественного порядка и ее отличительные признаки	492
Орлова Е. Е. Настоящее и будущее парадигмы расширения возможностей содействия занятости населения	499

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Зиядова Д. З., Диева М. Г. Некоторые направления профилактики преступлений экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях.....	509
Скобликов П. А. Понятие «имущественные преступления» в российском уголовном законодательстве и правовой доктрине: история вопроса	520

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

Молчанова С. И., Косов Р. В. Отдельные вопросы оценки доказательств в процессе судопроизводства	528
--	-----

CONTENTS

Gadzhiev G. A. Interpreting the Constitution of the Russian Federation in Terms of Economic Normativity (Lecture April 01, 2022)	407
---	-----

THEORY AND HISTORY OF LAW

Velikaya O. S. Legal Regulation of the Transportation of Prisoners in Finland in the 1920s.....	425
Elizarov V. P. Freedom, Equality, Regulation: a Key Dilemma of American Electoral Financing	435
Klimenko E. P. Formation of the Legal Basis for the Activities of the Commercial Port of Helsinki in the End of the 19th – early 20th Centuries.....	447
Petrov A. Ya. Professional Education and Professional Training in Russia (1996 – 2012): Legal Aspects.....	455

PUBLIC LAW

Arapov A. S., Lavrik T. M. Regulation Mechanisms of the Public Bidding System: Current Changes in Legislation	464
Boldyrev O. Yu. Some Current Problems of Constitutional and Economic Research.....	478
Lenskiy V. M., Tetkin D. V. The Concept of Administrative Responsibility in the Field of Public Order Protection and Its Distinctive Features	492
Orlova E. E. The Present and Future of the Employment Opportunities Paradigm.....	499

CRIMINAL LAW

Zijadova D. Z., Dieva M. G. Some Areas of Prevention of Extremist Crimes in Educational Institutions.....	509
Skoblikov P. A. The Concept of “Property Crimes” in Russian Criminal Legislation and Legal Doctrine: Background	520

PRIVATE LAW

Molchanova S. I., Kosov R. V. Some Issues of Evaluating Evidence in the Process of Legal Proceedings	528
---	-----

01 апреля 2022 года в Точке кипения ТГТУ прошел научно-практический семинар «Толкование Конституции РФ с учетом экономической нормативности». Семинар проводил **Гадис Абдуллаевич Гаджиев** – судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Модератор семинара – профессор кафедры «Теория и история государства и права» Юридического института ТГТУ, д-р юрид. наук Валерий Григорьевич Баев¹.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционная экономика; экономическая нормативность; юридическая и метаюридическая контекстуальность.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра гражданского права и процесса,
Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО НИУ «Высшая школа
экономики», Санкт-Петербург, Россия;
судья Конституционного Суда РФ, Москва, Россия;
jurdekanat-spb@hse.ru

ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ С УЧЕТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НОРМАТИВНОСТИ (лекция 01 апреля 2022 г.)

Валерий Григорьевич Баев (приветственное слово)

Мы рады приветствовать Вас в Тамбове. Город наш, хотя и провинциальный, но заметный на карте России. Перед Вами преподаватели и студенты Юридического института Тамбовского государственного технического университета. Поскольку мы технический университет, здесь экономическая струя и экономическая составляющая довольно значительны, считаем важным и неперемнным право связывать с экономикой. Мы знаем, что Вы – видный эксперт в сфере конституционной экономики, одновременно с должностью судьи Конституционного Суда являетесь научным руководителем юридического факультета в ВШЭ в Санкт-Петербурге и ведете курс конституционной экономики. Я с Вами неоднократно встречался на питерских конференциях Алексея Алексеевича Ливеровского, слушал Ваши выступления. Примите это как дань уважения к Конституционному Суду и к Вам как судье Конституционного Суда лично. Мы обычно начинаем встречи с выдающимися правоведами нашей страны с вопроса о том, как Вы пришли в профессию, как стали судьей Конституционного Суда, какие ступени прошли. Это очень интересно для молодого поколения, часть из которых, наверное, лелеют надежду внутри себя достичь подобных высот в праве и конституционном правосудии.

¹ Текст подготовлен канд. юрид. наук, доцентом кафедры «Гражданское право и процесс» ТГТУ *Ириной Анатольевной Калининой*.

Полагаю, что для этого важно наличие ряда факторов, соответствующий background. Расскажите о семье и профессиональном пути. Знаем, что Вы учились на юридическом факультете Московского университета. Это, конечно, тоже высший пилотаж, но есть еще моменты – счастливый случай, который подталкивает иной раз человека в нужную струю. Просим уделить внимание и этому вопросу, а затем мы перейдем к лекции.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев (выступление)

Да, спасибо Вам большое, Валерий Григорьевич, за ваше любезное приглашение и эту возможность выступить перед Вами.

Я родом из Дагестана. Учился в 1970-е годы в Московском университете, там же защитил кандидатскую диссертацию, но без отрыва от производства. Как говорили в то время, будучи даже не аспирантом-заочником, а всего лишь прикрепленным. Мне приходилось работать на двух работах – в университете и, одновременно, юрисконсульт в правительстве Республики Дагестан. А потом в конце 1980-х годов я стал заниматься политикой. Сначала возглавлял союз юристов Дагестана, затем был избран народным депутатом Республики Дагестан. А когда в 1991 году начался процесс выдвижения кандидатов на должность судьи Конституционного Суда, я решил поучаствовать. У меня были весьма скромные в этом отношении успехи, потому что из отобранных кандидатов я, если не ошибаюсь, занимал 36 место в списке претендентов. Откровенно Вам скажу, я был далеко не первым. Но вот это ирония судьбы, когда шли выборы, а я наблюдал за ними по телевизору, один за другим кандидаты, которые были до меня, выходили на трибуну, но за них не голосовали. Так что, в конце концов, дошла очередь и до меня. И неожиданным образом, неизвестно почему, меня избрали. Я был самым молодым из кандидатов и в 37 лет стал судьей Конституционного Суда.

В нашей семье я первый юрист. Моя семья – это потомственные учителя, и для меня поэтому профессия преподавателя является главной. Все это время – пока я был судьей, преподавал и буду преподавать, когда уйду в отставку, потому что все-таки для меня это главная работа в жизни, наиболее полезная и, как я считаю, интересная. И я очень люблю преподавать, в этом смысле я предан педагогической работе.

Вы, Валерий Григорьевич, очень известный в нашей стране специалист в области немецкого конституционализма, потому очень хорошо знаете наследие Бисмарка, публиковали работы специально о нем, и, конечно знаете его, наверное, одно из самых известных высказываний и совет, как надо выступать с трибуны. Он говорил, как будто бы из пистолета стрелял: выступать надо «кратко и оскорбительно». Но понятное дело, что я делаю акцент только на первой части этого наставления и полагаю, что выступить надо как можно более кратко для того, чтобы была некая экспрессия в этом выступлении.

Попробую поупражняться вот в такой публичной форме в логических рассуждениях на тему о том, каким может быть толкование норм конституции, если принимать во внимание существующую в обществе экономическую нормативность.

Я могу заранее сказать, какой следует вывод из моих рассуждений. Это как бы подсказка при решении математических задач. Ответ на решение этой логической задачи таков: право и толкование конституционных норм должны быть сложно контекстуальными.

Соответственно, раскрою, что представляет из себя сложная контекстуальность при толковании наиболее важных для общества норм – норм конституции. Под сложной контекстуальностью я имею в виду связь и взаимодействие не только норм конституционного права с другими отраслями права, в этом смысле я различаю понятия «юридическая контекстуальность» и «метаюридическая контекстуальность». Когда при анализе норм конституции привлекаются идеи из метаюридических областей знания – из области экономической теории, философии, в частности, этики, – вот тогда-то и происходит эта самая сложная контекстуальность, – погружение юридических конституционных норм в более сложный, чем обычный юридический, контекст.

Приступлю к той самой процедуре доказывания своих главных тезисов. Для этого воспользуюсь простым и очень, надеюсь, понятным примером в виде вопроса и его разрешения. Итак, должник выполняет свое обязательство, взятое перед кредитором: он должен вернуть некую сумму денег и через установленный порядок, скажем месячный срок, должник эти деньги возвращает кредитору. Ответы на вопрос о том, почему долг исполнялся, были различны и неоднозначны в зависимости от аудитории: экономисты, политики и юристы.

Экономисты, которые изучают Адама Смита, считают, что исполнять договоры – это просто экономически выгодно. Это формула А. Смита – выгодно быть исполнительным в договорных обязательствах.

Специалисты в области политологии, изучающие этику, сказали, что мне очень понравилось, что происходит это исполнение обязательств только потому, что в глубоком детстве, раннем периоде жизни человека, наверное, у этого должника были хорошие родители, которые в самые первые годы его жизни объяснили «что такое хорошо и что такое плохо». И это «плохо», когда человек берет какие-то чужие вещи и не возвращает. А если он возвращает, значит это «хорошо». И тогда этот человек еще в таком младенческом возрасте, как говорят философы, усваивает эти установки, которые существуют в обществе и на которых общество покоится. Он делает их своими собственными. У хороших родителей и у хороших учителей такие растут дети, которые считают, что долг нужно неукоснительно выполнять.

И, наконец, ответ юристов, – исполнение обязательств, так же как исполнение обычных юридических норм, происходит из страха перед большим злом, из страха перед привлечением к юридической ответственности. Этот страх двигает человеком и выступает тем стимулом, который приводит к тому, что он исполняет это обязательство. То есть акцент на силу, на принудительность, на подавление в каком-то смысле воли – не поступать не в соответствии с правовой нормой.

Обратите внимание, коллеги, на то, что в общем-то отношение, которое возникает само по себе, этот найм, оно как бы едино. Это просто общественные отношения. Но на эти общественные отношения возникают

такие разные научные взгляды, определяющие научное осознание того, что происходит. И я думаю, что это не случайно, потому что в науке произошла такая специализация знаний. Известный экономист, лауреат Нобелевской премии Фридрих фон Хайек говорил даже о пагубной специализации научных знаний, то есть когда науки разошлись по своим научным квартирам и утратили возможность холистического восприятия (целостного восприятия предмета). Каждый занимается своей гранью отношений, забывая, что есть и другие такие же грани этого одного реально единственного общественного отношения.

Таким образом, я подхожу к идее о том, почему необходимо взаимодействие между различными социальными нормативными системами.

Что касается юридической системы, она существует и основывается на использовании юридических стен. Если экономисты мыслят категорией денег, если этики мыслят категориями деонтологии (долг, обязательность), то юристы мыслят категорией воли. Это отправная мысль в обучении студентов-юристов, мы им ее внушаем. Двадцать-тридцать лет назад мы говорили, что это есть воля господствующего класса, возведенная в закон. А теперь мы им говорим, что это некая всеобщая воля в этом смысле, как изначально обосновывали Фридрих Карл фон Савиньи и Гегель Георг Вильгельм Фридрих.

Итак, в праве существуют юридические силы, и из тьмы они, как свет, распадаются на различные цвета спектра, они разделяются и, по сути дела, это все сводится к трем категориям веления. *Во-первых*, веление в виде запретов, и это отрасль уголовного права (запрещено то или иное поведение). *Во-вторых*, веление как предписание, что относится к нормам административного права (на зеленый свет светофора можно идти, на красный – нельзя). И, наконец, *в-третьих*, есть веления в форме дозволений. Это любимое для меня гражданское право, потому что это моя узкая специализация в юридической профессии, я все-таки считаю себя не конституционалистом, а цивилистом.

Теперь, какие взаимоотношения возникают между этими тремя социальными нормативными системами – экономической, этической и юридической. Все они управляют человеком, все они составляют такую невидимую ткань, которая создает социальные отношения в обществе. По сути дела, именно благодаря этим трем нормативным системам, биологическое существо превращается в существо социальное – существо, которое живет в обществе и подчиняется законам, установленным в этом обществе. Сошлюсь на своего наставника и учителя в области философии академика Гусейнова Абдусалама Абдулкеримовича, бывшего директора института философии РАН, который любит повторять, несколько иронично обращаясь к юристам, что право слишком серьезное дело, чтобы можно было отдать его на откуп только юристам. Такое утверждение совершенно верно. Отсутствие монополии на право у юристов подтверждается и формированием в XX в. мощного течения в общественной науке, ориентированного на изучение юридических норм экономической наукой. Такой знаете экономический империализм в области заповедных угодий юристов. Поэтому для всех общественных наук, наверное, должны быть полезны исследова-

ния в области взаимоотношений между различными социальными системами.

В качестве практически аксиоматического онтологического факта, то есть не нуждающегося в подтверждении, рассматривается то, что основные социальные нормативные системы (правовая, политическая и экономическая), составляющие три формы культуры и лежащие в основе социальной жизни, расположены «рядом» и «вместе». Возможно, это несколько неожиданное высказывание: «рядом» и «вместе» – представьте себе, люди ведь могут сидеть «рядом» и «вместе», но при этом смысл у слов «рядом» и «вместе» очень разный. Можно сидеть «рядом», а можно сидеть «вместе»: смыслы, как вы чувствуете, тут различны.

У каждой из этих систем нормативного регулирования, конечно же, есть своя исконная сфера или область компетенций. Но между этими сферами в обществе неизбежны пересечения, неизбежны взаимодействия. И отношения между ними могут развиваться по типу горизонтальных, а могут носить и вертикальный, то есть соподчиненный, характер. Это может быть взаимодействие взаимодополнения или пересечения, и тому подобное.

То учение, возникшее в XX веке, о котором я ранее говорил, это так называемый экономический анализ права, который стал очень популярен в США. Оно исходило из того, что союза экономики и права быть не может, потому что надо исходить из приоритета экономической науки. А истинной целью права является эффективность. Я пытаюсь в своих работах доказать, что это ложное утверждение. И я не согласен с этой позицией. А вот с другой версией исследования права с точки зрения возможности экономической теории, оно даже так по названию отличается от экономического анализа права, называется «право и экономика» (law and economics), оно допускает то, что между этими нормативными системами должен существовать строгий паритет, то есть нельзя исходить из того, что право должно быть подчинено ценностям экономической теории и, прежде всего, эффективности.

Что касается этих взаимоотношений, если более подробно об этом высказаться, это очень похоже на загадку по типу, что первое возникло – курица или яйцо? И вы, наверное, знаете, что Герберт Спенсер в XIX веке предложил решение этой курьезной загадки: курица лишь способ, которым одно яйцо производит другое яйцо. Он устранил, таким образом, один из объектов загадки и решил ее, как считал нужным. В случае с первенством нормативных систем – на первенство претендовала в XIX веке экономическая система, как это произошло и в XX веке. В XIX веке созданная К. Марксом материалистическая система исходила из того, что базис – это экономические отношения; правовая настройка – это всего лишь производная от этого экономического базиса. Но вот что касается правогенеза, то есть того, как шел процесс происхождения права, я доверяю таланту и историческому чутью Фридриха Ницше. Его труд «Генеалогия морали» (1908 г.), на мой взгляд, это одно из лучших произведений о том, что из себя представляет право с точки зрения того, как возникло право, тот самый правогенез. Ницше действительно считает, что сначала этим самым яйцом были экономические отношения. Он доказывает, что главное этиче-

ское понятие «долг» производно и ведет свое начало от весьма материального понятия «долги» – банальные долги в отношениях между людьми, вытекающие из каких-то договорных отношений, не обязательно заемных. Идея эквивалентности появилась в практике договорных отношений, – говорит Ницше, – еще до того, как появилось понятие договора. И мир нравственных понятий (долг, совесть, обязанность, священность обязанности) имеет своим источником то самое долговое право. И корни этого долгового права, как корни всего великого на земле, я цитирую Ницше, основательно и долгое время орошались кровью. То есть для того, чтобы обеспечить эту самую нравственную пристойность человека, подчинение категории долга, человечество должно было пройти тысячелетия своей истории и своей практики. Чувство долга имеет своим источником древнейшие и первобытнейшие личные отношения и отношения покупателя к продавцу, кредитора к должнику. И здесь впервые выступила личность против личности, здесь впервые личность измерялась личностью. И когда возникает необходимость в определении той самой иерархии между нормативными системами, начинаются тупики, своего рода философские тупики, потому что на первенство претендуют и экономика, и этика. Экономика, как мы с вами только что выяснили, наверное, – потребность живого человека в товарах, в продовольствии – носит жизненно важный, как говорят философы, экзистенциальный характер. Но ведь и этическая нормативная система вправе претендовать на первенство.

Наш великий ученый, он все-таки был русский ученый, хотя жил в Варшаве, Лев Иосифович Петражицкий считал, что в основе всех правовых установлений лежат любовь и добро. Все, что существует в области права – это производная от этих этических категорий. Право не может, скорее всего, отрицать некую правомерность этих претензий со стороны двух других экономической и этической систем, и поэтому оно ищет способ интегрировать экономические и этические нормы в свое содержание, в конкретные юридические нормы. Это легко понять на уровне здравого смысла, некой самой очевидности, но трудно, даже невозможно, описать на научном уровне, на языке строгих терминов и понятий. Ибо у юриспруденции, которая изучает право, у этики, которая изучает мораль, у экономической теории, которая исследует экономические закономерности, – в силу той самой специализации знаний, сложились свои понятия и методы изучения. И это серьезная содержательная проблема, уходящая корнями в понимание социальной реальности и даже человеческой природы.

Что же является в таком случае сущностью права, где это имеет отношение к вопросу о взаимодействии нормативности: верно ли, что право есть некая всеобщая воля? Наверное, да, наверное, это и есть признак, характеризующий сущность права – всеобщность воли (право, как всеобщая воля). Действительно, правомерно пользоваться им, поскольку право и, скорее всего, в тех случаях, когда право выступает от имени всего общества, может считаться волей всеобщей, поскольку право – это всенепременно справедливое поле, я бы добавил добрая воля. Только при введении этих двух условий, я думаю, можно полагать, что право обладает качеством всеобщности воли. Если общество признает эту всеобщность права, всеобщность воли, то тогда возникает правовое сообщество, если нет, то

тогда мы имеем разные формы прямого или полуприкрытого волевого диктата. Но в любом случае, всеобщность права является его спецификой, его характерной особенностью. Конечно, всеобщность права выступает в форме всеобщности закона, то есть это конкретная всеобщая воля в смысле конкретности в обществе.

В любом случае, сама правовая система в снятом виде включает в себя и экономику, и этику в той мере, в которой и они имеют всеобщую форму. На примере доброй совести очень хорошо показать, как совсем недавно, уже в XXI веке, в Гражданском кодексе в ст. 1 появился, как его называют, царствующий принцип доброй совести. Но ведь это юридикация очень важной этической категории. В этом смысле право, экономика и этика как разные формы культуры, как нормативные системы – они не встроены в некий параллельный ряд. Их расположение все-таки, на мой взгляд, не горизонтальное, а вертикальное. И в этом смысле нормативной системой, претендующей на верховенство, все-таки является юридическая система. Это она интегрирует нормы других нормативных систем. И она им придает некое могущество. Но ценности, которые проповедуются в пределах каждой из этих форм человеческой культуры, могут вступать в коллизию друг с другом. Это жизнь. Как говорили экономисты, эффективность – это самая важная юридическая норма, и надо сделать так, чтобы юридические нормы были крайне эффективны. Однако тогда может появиться норма, известная, кстати сказать, по истории права средних веков в Европе, по которой курокрадам, то есть похитителям кур, определялось наказание в виде смертной казни – смерть курокрадам. Эффективно, но недопустимо, потому что эта эффективная норма противоречит нормам деонтологическим, то есть нормам справедливости, она несоразмерна и недопустима. Когда различные ценности, политические и экономические, оказываются вовлечены в состав юридической нормативной системы, в области права появляется возможность взвешивать их, если они вступают во взаимодействие и конфликт друг с другом. Это обстоятельство, на мой взгляд, самое лучшее доказательство того, что за юридической системой должно признаваться преимущество.

Перейдем от философских рассуждений к анализу конкретных юридических ситуаций. Это прием в обучении, который я начал использовать довольно давно, преподавая и гражданское право, и экономику, так называемый «Сократов метод» обучения, то есть анализ конкретного примера из судебной практики. Анализ конкретного примера судебной практики позволяет вывести какое-то абстрактное и общее суждение. Соответственно, продемонстрирую вам возможности экономического анализа для того, чтобы толковать конституцию.

Простой пример из практики суда. Итак, фабула дела. Две пожилые женщины. Одна приезжает из Санкт-Петербурга в Калининград и ищет квартиру для временного краткосрочного проживания. С помощью риэлтора находит квартиру, вступает в договорные отношения с наймодателем, заключает договор найма на один год. По этому договору предусматриваются обязанности наймодателя и нанимателя, и в конце договора раздел об изменении и расторжении договора. Изменение и расторжение договора допускается по соглашению сторон, то есть так, как это предусмотрено

в Гражданском кодексе. А далее, наймодатель может досрочно расторгнуть договор в одностороннем порядке с уведомлением нанимателя за три дня до расторжения договора в случаях, если наниматель не внесет плату за жилое помещение по истечении установленного срока в течение пяти дней. И вот это условие, попавшее в содержание договора, некоторым образом вступает в противоречие с той самой моделью, которая описана в Гражданском кодексе. В Гражданском кодексе в п. 2 ст. 687 предусмотрено, что наниматель жилого помещения вправе с согласия других граждан, которые проживают совместно с ним, в любое время расторгнуть договор найма с письменным предупреждением наймодателя за три месяца.

Обратите внимание на этот, я бы сказал, диспаритет. Что значит, что наниматель может в любое время расторгнуть договор найма, просто письменно предупредив за три месяца наймодателя, и без суда, без обоснования, без каких-либо предпосылок, просто проявив свою волю на расторжение? Возможности наймодателя по расторжению договора: договор найма жилого помещения может быть расторгнут, но только в судебном порядке. Отличие очень существенное. Судебный порядок в нашей стране до его завершения – это полтора-два года, если иметь в виду первую и вторую кассацию. Это право наймодатель может реализовать в случаях: невнесения нанимателем платы за жилое помещение за шесть месяцев, если договором не установлен более длительный срок, а при краткосрочном найме – в случае невнесения платы более двух раз по истечении установленного договором срока платежа. Если сравнить Гражданский кодекс и текст договора, то расхождение состоит, главным образом, в следующем. В договоре допускается возможность по инициативе наймодателя расторгнуть договор без суда, то есть минуя этот установленный Гражданским кодексом порядок, при таком условии, как неуплата за жилое помещение. Если это долгосрочный договор найма (договор найма заключается на срок до пяти лет), то тогда, если наниматель не вносит плату за жилое помещение за шесть месяцев, в таком случае можно расторгать договор, но только в судебном порядке. Если договор носит краткосрочный характер (до одного года), то тогда договор можно расторгать по инициативе наймодателя, но опять же только в судебном порядке в случае невнесения платы и более двух раз по истечении установленного договором срока. В конкретном договоре указан случай невнесения нанимателем платы за жилое помещение по истечении установленного срока в течение пяти дней, не два раза, а единожды.

В этом конкретном простеньком деле, с которым имел дело Конституционный Суд, оказалось, что в отношении вступили две женщины одного возраста одного социального положения, крайне ограниченные в денежных средствах. Причем наймодатель сдала двухкомнатную квартиру для того, чтобы она могла в конце года поехать в Швецию, там ей обещали провести медицинское обследование. Она онкологическая больная и крайне нуждалась в деньгах, чтобы купить билет в Швецию. Диагностика была оплачена Правительством Российской Федерации.

Наниматель, которая приехала, обосновывает, что она не заплатила единожды, но только потому, что квартира была запущенной, ей показалось, что лучше произвести ремонт. Она решила нанять рабочих, она

заплатила им деньги, других денег, чтобы платить, у нее нет. Так она объяснила неплатеж за найм жилого помещения. То, что она сделала, не было предусмотрено договором. Возник спор, и суды в этом споре поддержали наймодателя, посчитав, что наймодатель имеет право расторгнуть договор, поскольку есть принцип свободы договора, и нет необходимости в данном конкретном случае выполнять ту модель, которая предписана ст. 687 Гражданского кодекса.

Наниматель дошла до Верховного Суда, но все суды дистанционно признали, что нет оснований признавать заключенный договор найма не действительным как противоречащий нормам Гражданского кодекса и ст. 687. Когда мы начали рассматривать это дело, такова практика нашего суда, в некотором смысле сила нашего суда, в том, что мы сначала изучаем юридическую социологию проблемы, то есть мы анализируем, у нас есть специальные подразделения, которые помогают судьям, мы анализируем всю судебную практику по этому вопросу, которая сложилась. И обратили внимание на то, что нет единого правопонимания этой нормы, то есть можно ли договор найма жилого помещения основывать на придании норме Гражданского кодекса характера диспозитивных норм. Или же надо исходить из того, что эти положения, особенно п. 2 ст. 687, являются строго императивными. Если исходить, что это строго императивные указания, то тогда надо было защищать интересы нанимателя, то есть признавать заключенный договор противоречащим Гражданскому кодексу. Но все суды, включая Верховный Суд, поддержали наймодателя, видимо исходя из того, что все-таки важнее ценность свободы договора. Хотя эта самая свобода договора, в общем-то, нисколько не очевидна в ст. 687. Что касается социологии вопроса, то оказалось, что большинство решений в судебной практике основываются на признании судами возможности рассматривать ст. 687 как статью, содержащую диспозитивные нормы, то есть построенную на принципах свободы договора. И только два решения были найдены, в которых суд исходил из идеи того, что это строго императивные нормы. И это сопоставление двух потоков в судебной практике как бы доказывает для Конституционного Суда, что есть некая неопределенность правоприменения, тем более что Верховный Суд на своем высоком уровне не принял какого-либо разъяснения, устраняющего эту неопределенность. Что собой представляет такого рода неопределенность здесь для меня с точки зрения конституционного права? – Да все очень просто. В Конституции РФ есть ст. 19, – пожалуй, самая важная норма в конституционном механизме равенства граждан перед законом и судом. Конституция РФ гарантирует, что будет обеспечено равенство и перед законом, и перед судом, но когда в одном регионе какую-то норму гражданского права понимают так, а в другом регионе понимают иным образом, то тогда получается, что граждане в одном регионе оказываются в одном положении, а в другом регионе – в другом. Это означает неравенство перед судом, да и перед законом. Если это происходит, то тогда эта норма весьма подозрительна как не обеспечивающая равенство возможностей, то есть ее можно объявлять не соответствующей конституции как нарушающей конституционный принцип равенства.

Теперь мы подошли к самому концу этих рассуждений. Очень важное обстоятельство и доказательство. Речь идет о том, что юридическая норма в Гражданском кодексе, которая указывает, что собой представляет договор найма жилого помещения, изложена в духе этой самой немецкой пандектики предельно абстрактно: по договору найма жилого помещения одна сторона (собственник жилого помещения) обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) жилое помещение за плату во владение и пользование для проживания в нем. Очень абстрактно хотя бы потому, что в этом определении, в этой дефиниции не говорится, а какие это стороны – это физические лица или это юридические лица, это публично-правые образования или нет. Все это как бы растворяется в юридической абстрактности. Но самое главное, – это то, что в этом определении не акцентируется внимание на самом важном экономическом факторе – длительности проживания. Одно дело, когда договор заключается на непродолжительное время, и другое дело, когда договор заключается на длительный срок. Но это что-то вроде этих самых пресловутых договоров в Англии, когда договор заключает, с одной стороны, лендлорд, и они могут заключаться на сто, на сто пятьдесят лет. И практически существует отношение, когда есть собственник, есть наниматель, и они существуют в этих юридических ролях столетия. За все время существования Конституционного Суда, начиная с первых дней, в 1991 году, мне на практике один раз встретилась такая ситуация. Это дело Близинской, по моему, 2010 года. Здесь был заключен и тогда был приобретен земельный участок в 1824 году, и семья проживала в этом доме, это в Южном Бутово в Москве, до времен нашего губернатора Лужкова. Земля была предоставлена богатым крестьянином, который стал производить сукно для военно-морского флота, он выкупил своих односельчан и каждому предоставил земельный участок 25 соток. И вот с тех пор одна из семей – семья Близинской, и являлась собственницей этого земельного участка, пока не настали благословенные либеральные времена в России, и по закону города Москвы, который был принят в 2008 году, не установили предельный размер таких земельных участков в 9 соток. То есть все, что свыше 9 соток, было изъято у Близинских. Конституционный Суд ее защитил. Это пример того, какие вопросы решаются в Конституционном Суде. Вот, собственно говоря, самое важное здесь оказывается – это длительность срока. И некая конкретизация обнаруживается только в ст. 687, где из абстрактного понятия найма каким-то образом конкретизируются случаи краткосрочного найма. Только в этой статье появляется понятие краткосрочного найма. Я для себя это называю приемом номинализации (номен (*лат.* – имя) – название (имя существительное)). Когда говорят о краткосрочном найме, тут уже конкретизируется совершенно иная специфическая экономическая структура отношений – наниматель-наймодатель, но на короткий срок. И я сейчас не буду описывать всю эту гамму многообразия экономической специфики отношений, когда возникают длительные отношения, и когда возникают краткосрочные отношения, начиная с цены. Одно дело, когда договор заключается на длительный срок, и когда он заключается на краткое время, разница в цене очевидна, она есть.

Так вот мы, юристы, как бы не замечаем эту специфику, и отсюда возникают некие такие проблемы, когда нам кажется, что норму трудно понять, ее нужно толковать. Но если мы подключаем к этому процессу толкования экономические знания и экономическую теорию, мы вдруг начинаем видеть, как будто в инфракрасном облучении то, что не видно при обычном взгляде юриста. Экономические идеи подсказывают юристам, что должно быть сказано в порядке толкования – это то, что, по сути дела, я хотел вам рассказать.

Спасибо, уважаемые коллеги, за внимание!

Валерий Григорьевич Баев. Позвольте задать вопросы Вам со стороны Ваших слушателей. Всего в Интернете к нам присоединилось 48 – 50 человек, цифра слушателей колеблется и плюс сидящие здесь в зале.

В Вашей книге «Антология права» Вы привели в качестве эпиграфа мысль о том, что юристам кажется, что они все знают про юридическую реальность до тех пор, пока им не задали вопрос об этом. Вы только что сказали, что право должно быть добрым, а злое право – не право тогда?

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Да, если оно злое, то это не право.

Алексей Николаевич Марченко (канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института ТГТУ). От имени всех слушателей скажу, что очень приятна и полезна для нас встреча с Вами и хочу задать следующий вопрос. На Ваш взгляд судьи Конституционного Суда, есть ли сейчас перспективы перехода России к плановой экономике и отказа от рынка в связи со сложной внешнеполитической и экономической ситуацией? Благодарю.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Гипотетически такая возможность, конечно же, существует. Кстати сказать, в немецкой конституции тоже предусмотрена возможность введения социализма в Германии. То есть путем обобществления и национализации. Но этой возможностью в Германии не воспользовались. Если говорить не о гипотетических предположениях, а о том, что ожидает нас в реальности – не думаю, что мы вернемся к плановой системе. И я об этом сужу через жизненный опыт. Я сравниваю плановую систему и систему рыночную. Все-таки полагаю, что в плановой системе с точки зрения, конечно, экономической оценки было много недостатков. И самое главное, это отсутствие экономической свободы и отсутствие частной собственности. Уверен, что среди Вас в Вашей аудитории есть многие, кто со мной не согласится. Но ведь очень хорошо, когда есть разные точки зрения. Я говорю только о своем жизненном опыте. Исходя из него, я думаю, что наша конституция будет долго еще существовать со ст. 8, где утверждается свобода экономической деятельности и экономическая свобода. Если мы ее лишимся, мы ввергнем страну в очень серьезные трудности, которые я очень хорошо помню. Конец 1980-х годов, в магазинах ничего невозможно было купить, хотя на руках у людей были деньги. Унизительные времена, стояние в очередях, приобретение бутылки Pepsi-Cola за 180 рублей, вот были такие времена в нашей стране.

Роман Львович Никулин (канд. ист. наук, доцент, и.о. зав. кафедрой, доцент кафедры «Конституционное и административное право» Юридического института ТГТУ). Вы в начале лекции упомянули о том, что наше законодательство, в частности гражданское законодательство, в настоящее время активно усваивает этические категории. На Ваш взгляд, есть ли такая проблема, что вовлечение этических категорий, этики в сферу права имеет своей обратной стороной утрату правовыми нормами определенности? Как бы Вы прокомментировали данную проблематику?

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Вы, коллега, абсолютно правы. Я, точно так же, как и Вы, считаю, что такая угроза существует. Более того, у меня сейчас появилась возможность вспомнить события 2009 года, когда была первая встреча Президента Дмитрия Медведева с членами Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. И на этом мероприятии в Кремле обсуждался первый проект изменений в Гражданский кодекс. И тогда уже зашел разговор о том, нужна ли нам добросовестность, нужно ли нам в Гражданском кодексе предусмотреть этот принцип? Перед заседанием ко мне подошел Александр Маковский, человек, которого безмерно уважаю, цивилист номер один в нашей стране, и он попросил меня выступить на тему о том, нужна ли нам добросовестность. Очень кратко я говорил, – вне всякого сомнения, нужна, но при этом с осознанием того, что мы вступаем в полосу жутких рисков, потому что начнется экономическое цензурирование с помощью судов, которые не очень-то понимают, что из себя представляет добросовестность. А этот принцип основан на чрезвычайно широкой судебной дискреции. И вот тогда появляется то, о чем Вы, уважаемый коллега, сказали – возможность для правовой неопределенности. Да, это реальности права – чуть-чуть добавляешь в этот микс этических норм, как тут же право утрачивает все самое полезное, в чем оно состоит – правовую определенность. Это не значит, что нужно отказаться от принципа доброй совести, конечно, нет. Просто надо мучительно долго осваивать, выработать практику, осваивать каковы же критерии, так называемые реквизиты доброй совести. У нас цивилисты, и очень многие, например, мой друг и коллега Константин Скловский, считают, что в Гражданском кодексе в десятках норм используется понятие добросовестности. Но определение, что есть добросовестность, субъективная добросовестность – «знал или должен был знать» – содержится только в ст. 302. И он говорит, в духе пандектистики опять же, что это определение, эти критерии доброй совести должны распространяться на все случаи упоминания в норме доброй совести в Гражданском кодексе. Уверен, что нет, что это неправильно. Более того, теперь я в своей уверенности опираюсь на постановление Конституционного Суда по делу гр. Волкова о ст. 234 Гражданского кодекса о приобретательной давности. В этом постановлении четко сказали «нет», те признаки доброй совести, которые подходят к ситуации, когда речь идет о добросовестном приобретателе, не подходят случаи, когда речь идет о приобретательной давности. А если речь идет о ст. 1109, посвященной невозможности возврата излишне выплаченной зарплаты, при условии, что имела место добросовестность работника, то и здесь эти критерии ст. 302 не работают. То есть и здесь происходит то, что я так для себя

(не уверен, что это очень правильно) называю «номинализация». То есть отход от некой абстрактности, как бы выстраивание некоторого спектра на основе абстрактных норм Гражданского кодекса. Так мы поступили, кстати сказать, со ст. 302 Гражданского кодекса по виндикационному иску. Абсолютно абстрактная норма, традиционная норма римского права, хотя это еще не доказано, значит, не все так просто, и тем не менее мы, казалось бы, посягнули на святое, своим решением, по сути дела, внесли изменения. И на основе решения по жалобе гр. Дубовца законодатель внес изменения в ст. 302, выделив особую категорию собственников в виде публичных собственников и изменив этот баланс между правовыми возможностями собственника и добросовестного приобретателя. Это я и называю некой номинализацией.

Наталья Евгеньевна Садохина (канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Института права и национальной безопасности ТГУ им. Г. Р. Державина). Здравствуйте. Большое спасибо за интересное выступление. И большое спасибо коллегам за предоставленную возможность послушать выступление. У меня два вопроса. Один из них носит содержательный характер, а второй, – скорее, формальный. Первый вопрос касается философских обоснований права, с чего Вы начали. Размышляя о сущности права, Вы рассматривали его с точки зрения взаимодействия нравственной, экономической и правовой систем. Если бы нужно было расставить приоритеты между экономикой, политикой и правом, как бы в этом случае Вы поступили? Как-то у нас политика несколько ушла из этих обсуждений. Сегодня мне интересно было бы Ваше мнение. Что касается второго вопроса, который связан с формальной составляющей. Я преподаю конституционное право. И характеризуя для студентов источники конституционного права, всегда, конечно, обращала внимание на акты Конституционного Суда и на их двойственную природу, прецедентно-доктринальную форму. После того как перестало публично публиковаться особое мнение судей Конституционного Суда и из регламента Конституционного Суда исчезло понятие «инициативное научное заключение», можем ли мы сейчас говорить о том, что Конституционный Суд участвует в формировании правовой доктрины? Насколько это правомерно? Большое спасибо.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Спасибо Вам за этот вопрос, за то, что Вы, по сути дела, вспомнили Николая Семеновича Бондаря, потому что эта характеристика правовой позиции принадлежит моему другу профессору Бондарю. Это он в свое время говорил о том, что Конституционный Суд – это рихтовщик, он должен рихтовать норму, он должен давать конституционно-правовое истолкование и, в конце концов, получается, что это не просто прецедентное решение, это некое направление в доктрине, это некое иногда тектоническое изменение в правовой системе. Да, бывает и так. Конечно, далеко не каждое постановление суда носит такой характер, но бывают и такие очень важные решения. Кстати, решение по жалобе гр. Дубовца относится к такому роду очень важным решениям для гражданского права.

Что касается вопроса политики, я о ней не говорю хотя бы потому, что это не правовая система, точнее сказать не нормативная система. Политика – это область хаоса. Я о политике никогда не высказываюсь. У меня есть горький жизненный опыт, и я научен событиями 1993 года. Никогда ни при каких обстоятельствах не вступаю ни в какие политические дискуссии. Потому что, если ты хочешь сохранить преданность праву, не надо путать право и политику. Вот, собственно говоря, ответ на ваш вопрос, почему я вообще ничего не говорю о политике.

Михаил Александрович Желудков (д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» Юридического института ГГТУ). Добрый день. Спасибо за интересное выступление. Вы привели три позиции по обязательствам: психологов, юристов, педагогов и т.д. Я хотел бы спросить Вас в отношении обязательств, которые были нарушены западными странами. Мы на какой позиции стоим, то есть мы стоим на позиции того, что мы боимся, – страх с юридической точки зрения, как Вы говорили, или мы стоим на позиции того, что нас приучили с какого-то времени отдавать долги? То есть мы должны долги отдавать или нет? Спасибо.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Спасибо, хороший вопрос и самое главное на него можно ответить, не вступая в область политики, ссылаясь только на решение Конституционного Суда. У нас года четыре назад было решение, которое сейчас имеет очень важное значение для страны. Мы, в общем, по сути дела, первые легализовали так называемый параллельный импорт. Параллельный импорт – это возможность для мелких предпринимателей завозить из-за пределов нашей страны какие-то товары, на которые есть право интеллектуальной собственности, товарные знаки без разрешения обладателей товарных знаков. Исходя из того, что если правообладатель выпустил товар, если он уже стал частью оборота, допустим, если в Японии товар произведен, и он уже продается в Польше, то наши предприниматели имеют право приобрести его в Польше и продать в России. Причем оказывается, как это не парадоксально, что в таком случае цена на продаваемый товар будет на 25 % дешевле, чем цена такого товара, которая продается в фирменных магазинах правообладателя этого знака. Вот когда мы приняли это постановление, там в самом конце появилось добавление, в самый последний момент в период голосования мы сочли необходимым высказаться о незаконности санкционных ограничений. Незаконно потому, что это грубо противоречит уставу, нормативным актам права ВТО, ведь не случайно сейчас наша страна вышла из ВТО, хотя мы стояли в приемной этой организации без малого 20 лет и потратили огромные деньги, пошли на огромные уступки для того, чтобы туда попасть. Почему? Потому что эта организация оказалась организацией, которая просто-напросто прикрывает интересы каких-то игроков, акторов, как их называют на международных рынках, вы догадываетесь, о ком я говорю, и, по сути дела, само по себе это право – право ВТО, оно разрушено, разрушено не нами, не мы начали первыми не выполнять свои обязательства. Это ответ на Ваш вопрос.

Глеб Командин (студент Юридического института ТГТУ). Добрый день, Гадис Абдуллаевич. Примите слова благодарности от всех студентов за Вашу лекцию. Мой вопрос следующий. Вы говорите о том, что фактически разрушено право ВТО. Я бы даже, наверно, Вас дополнил в этом смысле, потому что сейчас фактически, на мой взгляд, рушится вся система международного права, то есть не только право ВТО, но и право в том числе, допустим каких-то контактов, в том числе Совета Европы. И как раз по поводу Совета Европы мой вопрос. Российская Федерация вышла из этой организации, и как следствие мы можем теперь не исполнять решения ЕСПЧ, поскольку мы фактически не подпадаем под их юрисдикцию. Так как Вы считаете, какое место будет в обновленной судебной системе занимать Конституционный Суд РФ? Спасибо.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Мы по нашей инициативе вышли добровольно из-под юрисдикции ЕСПЧ. Причем получилось весьма оригинально – Министерство иностранных дел оповестило о том, что Россия денонсирует заключенный международный договор, и уже после того как состоялся акт выхода, буквально через два дня Совет Европы исключил нас из этого списка стран-участников, объясняя это тем, что документы, которые поступили из Министерств иностранных дел, или опоздали по почте, или пришли несвоевременно, речь идет об официальных документах с печатями на бумаге, хотя устное оповещение было сделано до того, как состоялся этот акт «изгнания» России из благородного европейского сообщества. Разные были истории в мире на этот счет. В свое время Греция вышла во времена хунты, а потом опять вернулась в ЕСПЧ. Так что всякое может быть в будущем. То, что происходило в ЕСПЧ в последнее время, нам очень не нравилось, и это притом, что ЕСПЧ действительно сосредоточение юридической мудрости. Мы очень многому научились. Я никогда не буду говорить односторонне и без сожаления о том, что мы вышли. Мы действительно получили очень много полезного из того, что накоплено в этом юридическом опыте Европы. Но, к сожалению, та самая пресловутая политика все-таки взяла верх. А когда политика берет верх, даже единичные решения, которые принимаются этим судом, оказываются крайне обидными, очень болезненными. Вот таким было очень обидным и несправедливым решение по России, с которым мы так долго воевали. В конце концов, у нас в Конституционном Суде, помните, появилось право не выполнять решения ЕСПЧ, если они вступают в противоречие с Конституцией РФ. А что делать, если Европа исходит из идеи таких вот универсалистски понимаемых прав человека. А этот универсализм, если его применять к нашей национальной правовой почве, оказывается не допустим. Он вступает в противоречие с теми самыми этическими нормами, которые не позволяют нам согласиться с таким толкованием. «Европа разных скоростей» тоже не сработала. Не хотели в ЕСПЧ признавать эту доктрину, не хотели понимать, что мы – это большая страна, в которой в регионах разный уровень культуры, и мы должны учитывать все это, – это наши трудности. В общем, не получилось. Не получилось у европейцев.

Сергей Александрович Иванов (канд. юрид. наук, доцент кафедры «Международное право» Юридического института ТГТУ). У нас есть

романо-германская система права и англосаксонская система права. Англосаксонская система права основана на прецеденте, а романно-германская – на верховенстве закона. Грозит ли Российской Федерации перейти на прецедентную систему права или нет? И принципы общего права, которые основаны на добре и зле, где больше реализованы в романно-германской или англосаксонской системе права?

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Спасибо, Сергей Александрович. Можно я последнюю часть Вашего вопроса упусти, а ответу на главный вопрос, о том, грозит ли России перейти на рельсы общего права. Нет, конечно, нет. Более того, несмотря на то что элементы прецедентно ориентированного правопонимания, конечно же, есть, так как они есть во всех странах континентального права, тем не менее перейти на те очень сложные системы доказывания, на те совершенно иные источники принятия решений, которые сложились в англосаксонском праве, начиная со средневековья, – у нас нет ничего подобного. Наша правовая культура не сориентирована на прецедент. Я помню, была так называемая речь о прецеденте Антона Александровича Иванова. Вы наверно помните на Сенатских чтениях в Конституционном Суде. Антон Александрович, будучи председателем Высшего Арбитражного Суда, размышлял о судьбе прецедентов. Иная точка зрения состояла в том, что есть некая такая инерция в мышлении, в сознании, в практике. Именно эта инерционность, не в плохом смысле слова, без отрицательной констатации, она не позволяет вдруг стране отказаться от того, что было, от того, на чем воспитывались действующие юристы, и перейти совершенно на новые рельсы. Это настолько тяжелый и большой маховик, что практически это невозможно. Да и особой необходимости в этом нет. Достаточно в некоторых случаях в умеренных дозах использовать прецедентно ориентированный подход и подходы, ориентированные на использование традиционных источниковедческих баз.

Валерий Григорьевич Баев. Спасибо, Гадис Абдуллаевич.

Наш институт уже два раза проводил конференции по конституционной экономике и однажды на одной конференции прозвучал такой вопрос: вообще есть государство в мире, экономическое развитие которого идет в русле конституционных требований? Или конституционная экономика выступает пока только как учение?

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Я действительно пытался понять, что такое конституционная экономика. В некотором смысле я испытывал в определенный период времени разочарование от того, что я прочитал. Потом мне больше показалось интересным понять, что из себя представляет law and economics. И тут я испытал и некое разочарование, но и находки. Не считаю, что я потратил время зря при изучении этих дополнительных взглядов на право, дополнительной аналитики. Что касается конституционной экономики, то сколько есть стран в мире, столько же есть и различных моделей конституционной экономики. Это как рисунок пальцев человека, это как его глаза, все настолько индивидуально. Поэтому даже говорить о каких-то грубых обобщениях с точки зрения конституци-

онно-правового облика, наверное, не приходится. Мы очень отличаемся друг от друга. Мы и Белоруссия очень отличаемся, несмотря на то что практически один народ, дружественный во всех отношениях, мы братья. А с точки зрения организации экономических отношений у нас не все так одинаково, иногда возникают некие непонимания. Поэтому, что говорить о странах, которые далеко от нас, они нас не понимают, а мы их не понимаем. Так что здесь, наверное, говорить о каких-то идеальных образцах не приходится.

Валерий Григорьевич Баев. Гадис Абдуллаевич, и еще в завершение нашей сегодняшней встречи. В последний раз, когда мы видели живым Петра Давидовича Баренбойма, здесь на экране он предлагал в Тамбове на базе юридического института открыть научно-образовательный центр кондигионной экономики. Вы в питерской вышке ведете дисциплины или у вас организован научно-образовательный центр конституционной экономики?

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. У нас такого центра нет. Я веду специальный курс для студентов 4 курса бакалавриата, который называется «Право и экономика». Но в основном он посвящен все-таки вопросам взаимодействия различных нормативных систем и имеет своей целью донесение до студентов методики принятия решений по так называемым трудным делам, то есть некая методика выделения сложных дел и привитие навыков рассмотрения такого рода дел.

Борис Александрович Куркин (д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры «Международное право» Юридического института ТГТУ). Я посмотрел резюме Вашей статьи о правах искусственного интеллекта или роботов. Если система, условно говоря, «мыслит», значит она есть субъект права. Вы считаете, что способность совершать логические операции, быстрое действие – это уже достаточное условие для того, чтобы воспринимать некую систему как живой субъект, как правообладателя? Интересно Ваше мнение, в том числе в контексте того, что человек первичен по отношению к мыслительной деятельности, и что человек наделяет смыслами информацию.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Большое спасибо за Ваш вопрос. Мы с коллегой Е. Войниканис написали статью. Дело в том, что я имею увлечение онтологией права. В контексте ее исследования я пытался понять, что собой представляют субъекты права. Это побудило меня стать участником дискуссии о том, являются ли роботы и прочие такого рода создания техники обладателями так называемого искусственного интеллекта. Здесь сразу надо, наверное, провести границу между artificial intelligence и человеческим интеллектом, это совершенно разные вещи. И никогда artificial intelligence не заменит разум человека, по моему глубокому убеждению.

Борис Александрович Куркин. Спасибо за Ваш ответ. Позвольте комментарии, почему соблюдаются договоры. Я могу напомнить, что в рома-

но-германской антропологии вопрос решается так, люди рождаются с инстинктом взаимности. А если посмотреть на право, как на заповеди, то вся проблема видится совершенно в другом ключе. Влияет и то, что в одном случае выгодно соблюдать договор, а в другом – нет. Поэтому нет единого критерия, почему соблюдаются обязательства, причины – самые различные в каждом конкретном случае.

Гадис Абдуллаевич Гаджиев. Спасибо.

Валерий Григорьевич Баев. Еще раз громадное спасибо, что нашли время и возможность выступить перед нами. Для нас это большая честь. Благодарим и надеемся на дальнейшее взаимодействие.

Interpreting the Constitution of the Russian Federation in Terms of Economic Normativity (Lecture April 01, 2022)

**G. A. Gadzhiev, Dr. Sci. (Law), Professor,
Department of Civil Law and Process,
St. Petersburg branch of Higher School Economics”, St. Petersburg, Russia;
Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia;
jurdekanat-spb@hse.ru**

*On April 01, 2022, a scientific and practical seminar “Interpreting the Constitution of the Russian Federation in Terms of Economic Normativity” was held at the TSTU Tochka Kipeniya. The seminar was held by **Gadis Abdullaevich Gadzhiev**, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor at the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg. The moderator of the seminar was Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the TSTU Law Institute, Doctor of Law Valery Grigorievich Baev.*

Keywords: Constitution of the Russian Federation; constitutional economics; economic normativity; legal and meta-legal contextuality.

© Г. А. Гаджиев, 2022

Статья поступила в редакцию 10.05.2022

При цитировании использовать:

Гаджиев Г. А. Толкование Конституции РФ с учетом экономической нормативности (лекция 01 апреля 2022 г.) // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 4. С. 407 – 424. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.407-424

В Великом княжестве Финляндском для урегулирования вопросов перевозки заключенных использовались нормы письма от 11 августа 1812 г. о перевозке заключенных и обращении с ними; декларации от 3 мая 1881 г. о правилах, связанных с учреждением Финляндского совета тюремной службы; закон от 3 октября 1889 г. перевозки заключенных по государственным железным дорогам.

В условиях обретения независимости Финляндии и реорганизации ее государственного аппарата вообще и пенитенциарной системы в частности, были разработаны и приняты новые нормативные акты. Закон «о перевозке заключенных» от 17 июня 1925 года (220/25) установил отмену с 1 января 1927 г. обязанность владельцев земли и обязанность некоторых городов обеспечивать перевозку заключенных, возложив организацию и данный процесс с указанного периода полностью на государство.

Закон «О перевозке заключенных» 13 июля 1926 г. конкретизировал данный процесс более детально. Основными его новеллами можно считать создание институтов перевозчиков заключенных (особо нанятые для данного процесса лица), а также установление станций, участков и остановок, где концентрировались для отправления заключенные или же принимались после процесса транспортировки.

Ключевые слова: Финляндия; перевозка; заключенные; закон; перевозчик заключенных; железная дорога; станции; остановки.

Ольга Сергеевна Великая, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, полковник внутренней службы, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России», Санкт-Петербурге, Россия; olga10703200@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ В 1920-х гг.

Введение

Организация, планирование, регулирование и непосредственное осуществление перемещения заключенных, осужденных, задержанных, конвоированных и иных лиц подобных категорий всегда являлось сложносоставным элементом деятельности уполномоченных на то органов и лиц независимо от страны осуществления подобной деятельности.

История организации данного процесса знает практически все известные человечеству средства и способы перемещения указанных категорий лиц с учетом потребностей и возможностей страны, ее размеров и иных факторов. В большинстве стран для этих целей сегодня в основном используется железнодорожный транспорт, несколько менее – автомобильный, еще реже – авиационный. Широко применявшаяся, к примеру,

в XIX в. в России пешеходно-гужевая транспортировка практически полностью исчезла к концу этого же века.

В некоторых случаях применяются комбинированные способы перевозки всех вышеперечисленных категорий лиц.

Основная часть

Важнейшей частью организации перемещения и перевозки заключенных является ее правовая составляющая. В Финляндии до определенного периода времени, то есть до появления во второй половине XIX в. централизованной пенитенциарной системы, ее фактически не существовало.

Обосновывая свой тезис, укажем, что условно в первой половине XIX в. пенитенциарную систему данного государства можно разделить на три основные части: 1) губернские тюрьмы, находившиеся зачастую вблизи от губернских же центров; 2) военные крепости; 3) городские тюрьмы и места временного содержания.

Таким образом, лишь сопровождение осужденных в военные крепости могло представлять сколько-нибудь сложный процесс в связи возможным значительным расстоянием от места осуждения до места заключения, а также негативными природными факторами.

Однако в подобные заведения в основном заключались лица, совершившие тяжкие преступления (без учета приговоренных к смерти, для которых данное наказание сопровождалось ссылкой в Сибирь) [1, 2]. Кроме того, в связи с весьма частым использованием для их этапирования военных чинов, данная проблема мало касалась общегражданских и местных органов власти.

Начало реорганизации и упорядочения процесса перевозки заключенных было заложено с реформированием органов управления пенитенциарной системы.

При создании пенитенциарного совета в указе от 15 мая 1881 г. неоднократно упоминалось о сохранении за губернаторами обязанности транспортировки заключенных (§ 5), а сам процесс по-прежнему оставался в обязанности местного (сельского) населения, хотя и с оплатой его со стороны государства (§ 6). При этом на пенитенциарный совет возлагалась обязанность проверки и ревизии всех поступающих счетов и потраченных на перевозку заключенных средств (§ 7); одновременно более детально устанавливался порядок отчетности при перевозке и потраченных в ходе ее организации средств (§ 8) [3].

Также следует отметить и тот факт, что начало перестройки пенитенциарной системы Финляндии в 1860 – 1870-х гг. совпало с ускоренным развитием внутренней транспортной сети Финляндии, в том числе железных дорог [4, 5].

Удобство, скорость и практически всесезонность железнодорожной перевозки достаточно быстро была отмечена всеми заинтересованными лицами, однако лишь в 1889 г. вместе с введением нового Уголовного кодекса появился соответствующий нормативный акт, регулирующий правила перевозки заключенных по государственным финским железным дорогам [6].

Данный документ достаточно долгое время устраивал руководство пенитенциарной системы Финляндии, однако появление новых видов транспорта в первую очередь автомобильного, а также иные существенные изменения в жизни всей страны после обретения независимости потребовали модернизации уже имеющихся норм и принятия новых.

Первый закон в данном направлении «О перевозке заключенных» был принят 17 июня 1925 года (220/25) [7], в нем были обозначены как основные стороны данного процесса, так и установлены важнейшие нормы, конкретизированные впоследствии в 1926 г.

В частности, данным законом устанавливалась отмена с 1 января 1927 г. обязанность владельцев земли и обязанность некоторых городов обеспечивать перевозку заключенных, а перевозка заключенных должна была осуществляться с указанного периода государством и за счет государства (§ 1).

Если же был заключен договор о перевозке заключенных, срок действия которого превышал дату, указанную в ст. 1, то государство с этого момента должно было выплачивать компенсацию, предусмотренную договором (§ 2).

Иные, более подробные положения об осуществлении данного закона должны были устанавливаться соответствующим декретом, то есть новым законом (§ 3) [8], который и был принят уже 13 июля 1926 г. – Закон «О перевозке заключенных».

Учитывая, что данный нормативный акт был комплексным, детально продуманным, продолжал действовать без изменений до 1954 г., а сила его действия продлилась и в последующие десятилетия, рассмотрим его подробнее.

Закон от 13 июля 1926 г., в соответствии со ст. 3 Закона от 17 июня 1925 г. «О перевозке заключенных» по ходатайству министра юстиции состоит из следующих пяти глав: Глава I «Общие условия» (§ 1 – 3), Глава II «Перевозка» (§ 4 – 14), Глава III «Тюремные станции и остановки» (§ 15 – 19), Глава IV «Обязанности тюремных перевозчиков, а также их обязанности и права» (§ 20 – 28), Глава V «Разные регламенты» (§ 29 – 37) [8].

Законом однозначно устанавливалось, что перевозка заключенных является делом провинциальной тюремной администрации.

При этом руководители и служащие полиции обязывались оказывать советам и директорам окружных тюрем необходимую исполнительную помощь в управлении подвозом заключенных и надзоре за ними (§ 1).

При этом порядок перевозки заключенных должен был осуществляться органами, которые получили право на лишение свободы в соответствии с законом, а также органами, исполняющими приговоры (§ 2).

Перевозка заключенных осуществляется специальными тюремными перевозчиками в соответствии с районированием, установленным Министерством юстиции, если закон не предусмотрел иное (§ 3).

Здесь, очевидно, следует пояснить, что «перевозчик», в понимании данного закона, – это особое лицо, уполномоченное на перевозку заключенных и совмещавшее в себе обязанности начальника их охраны и карательного, ответственное за своевременную и безопасную доставку заключенных из пункта отправления в пункт доставки на всем протяжении мар-

шрута. Обязанности «тюремного перевозчика» детализировались последующими нормативными актами.

Для перевозки заключенного орган, определяющий транспорт, должен был оформить паспорт заключенного (существует и сегодня), в котором указывались его фамилия, имя, род занятий и место жительства, причина задержания; место, куда направлялся заключенный, цель задержания; транзит, должен ли заключенный быть скован и как, дата и номер паспорта и транзитер.

В случае, когда осужденный был приговорен к наказанию, то в паспорте полагалось зафиксировать и характер преступления, за которое был вынесен приговор, и вопрос о праве, на котором основывалось решение, а также вопрос о том, высказывал ли осужденный недовольство решением, а также представление, если оно имело место. В случае, когда была особая причина опасаться, что заключенный попытается сбежать, это также следовало записать в паспорте (§ 4).

Перевозку заключенных следовало осуществлять без излишних задержек.

В выходные и праздничные дни перевозка заключенных допускалась только в случае крайней необходимости. Также заключенных не рекомендовалось перевозить по дороге в темное время суток (§ 5).

Кроме того, предписывалось, что заключенные должны перевозиться, если безопасность не гарантировалась иным образом, при необходимости в кандалах. Однако женщин не следовало заковывать в цепи, если этого не требовали обстоятельства.

Если во время перевозки заключенного необходимо было заменить кандалы, то следовало получить согласие ближайшего органа, имеющего право на транзит. Если же согласие не могло быть получено таким образом, то такую меру следовало безотлагательно представить в указанный орган для утверждения (§ 6).

Устанавливалось, что перевозка заключенных должна осуществляться, по возможности, по железной дороге с использованием стационарных вагонов для заключенных.

В обязанности Министерства юстиции, по согласованию с железнодорожной управой, входило определение постоянных смен для перевозки заключенных на железных дорогах.

Кроме того, Министерство юстиции должно было договариваться с заинтересованными сторонами об организации перевозки заключенных на частной железной дороге (§ 7).

При обычной перевозке заключенных по железной дороге следовало использовать либо специальный вагон для заключенных, либо изолированную секцию другого вагона.

Кроме того, один или несколько охранников всегда должны сопровождать регулярные смены карет для заключенных.

Для арестантского вагона требовался специальный охранник, который назначался правлением уездной тюрьмы по определению Министерства юстиции и в порядке, установленном тюремной администрацией (§ 8).

В случае дополнительной перевозки заключенного железнодорожным транспортом, соответствующие билеты следовало заказывать у дежурного

по железнодорожной станции на проезд заключенного, а также сопровождающего его охранника или перевозчика заключенного на проезд туда и обратно, в соответствии с тем, что для них отдельно оговаривалось.

Если для перевозки дополнительных заключенных требовался специальный арестантский вагон или вагон-купе, то они заказывались у дежурного по железнодорожной станции, как это предусматривалось для кредитных перевозок.

Заключенный, одетый в тюремную одежду, не мог быть доставлен в купе вагона, доступное для других пассажиров (§ 9).

Компенсация за перевозку заключенных железнодорожным транспортом предусматривалась отдельно (§ 10).

Если железная дорога не могла быть использована для перевозки заключенного, его полагалось перевозить на автомобиле, водном транспорте или с использованием других подходящих средств. Если расстояние не превышало пяти километров, то заключенного позволялось транспортировать пешком (§ 11).

Директору тюрьмы позволялось, когда того требовали особые обстоятельства, приказать охраннику помочь тюремному надзирателю в транспортировке заключенного или в осуществлении перевозки (§ 12).

Если заключенные не сопровождались специальной охраной, то одному перевозчику заключенных для перевозки автомобильным транспортом должно было предоставляться одновременно не менее двух и не более пяти заключенных (§ 13).

Наручники и ножные кандалы, а также оружие охранника и перевозчика, необходимое для перевозки заключенных, закупались государством (§ 14). В целях содержания заключенных во время перевозки по дорогам, по которым перевозят заключенных более регулярно, следовало предусмотреть специальные места работы (посадки-высадки).

К открытым местам, упомянутым выше, относились более крупные пенитенциарные отделения, поддерживаемые государством и обслуживаемые тюремной охраной, и небольшие тюремные остановки, которые обслуживались тюремными надзирателями.

Тюремные участки и автобусные остановки должны были иметь достаточное количество заключенных, то есть не простаивать (§ 15). Очевидно, что так законодатель пытался установить уровень их рентабельности в целях недопущения устройства за счет государства подобных пунктов, реальная потребность в которых была незначительна.

Согласно приказу Министерства юстиции, управление и учет денежных средств на станциях и остановках исправительных учреждений могло быть возложено на специальное лицо (§ 16).

Тюремную же охрану принимало на себя правление уездной тюрьмы по решению Министерства юстиции и в порядке, установленном тюремным управлением (§ 17).

Камеры в тюремных участках и автобусные остановки, а также постельные принадлежности и другое оборудование тюремных участков закупалось государством. На остановке перевозчик заключенного должен был выдать ему необходимые постельные принадлежности (§ 18).

В тюремных участках и на остановках, если позволяло место, также могли содержаться лица, арестованные для допроса в полиции или в других целях (§ 19).

Что до тюремных перевозчиков (гл. IV), их обязанностей права, устанавливалось, что таковые принимаются на работу правлением окружной тюрьмы на основании контракта после подачи заявления в течение тридцати дней на срок не более трех лет.

Бланки заявлений, к которым должны быть приложены гарантии от двух трудоспособных лиц за надлежащее выполнение работы, а также уведомление о требуемой компенсации и другие необходимые разъяснения, следовало передать соответствующему государственному служащему по месту жительства заявителя или места пребывания, или в соответствующий орган полиции, который и отправлял их вместе с собственными заявлениями директору окружной тюрьмы в течение четырнадцати дней после окончания периода подачи заявления.

Компенсация перевозчику заключенных (то есть оплата за конкретный эпизод работы) должна была одобряться Министерством юстиции до того, как сама работа будет завершена.

Кроме того, предусматривалось, что при необходимости соответствующий уполномоченный должен быть немедленно уведомлен об аресте и освобождении перевозчиком заключенных (§ 20).

В обязанности перевозчика входило тщательно охранять заключенного, которого ему поручено перевезти, обеспечить его жильем и предписанным питанием, а также доставить его к месту судебного заседания, ближайшей арестантской остановке или тюремному вокзалу, к железнодорожному вагону или в тюрьму, как это указано в паспорте заключенного.

В случае, когда заключенного сопровождал специальный охранник, перевозчик заключенного также должен обеспечить ему ночлег и подвоз (§ 21).

Перевозчик заключенного должен был прибыть в тюрьму или на тюремный вокзал либо на ближайшую железнодорожную станцию, пристань или остановку судов, или в другое подобное место для приема заключенного, которого он перевозит, после получения соответствующего уведомления. Во время обычной смены перевозки заключенных перевозчик должен был прибыть на железнодорожную станцию, пристань корабля или другое место остановки в соответствии с тем, что было оговорено при исполнении (§ 22).

Если перевозчик заключенного не выполняет свои обязанности, соответствующее должностное лицо должно было обеспечить незамедлительную доставку заключенного. Расходы, понесенные государством, взыскивались с перевозчика заключенных или его поручителей (§ 23).

Когда перевозчик тюрьмы не мог выполнять свои обязанности, он должен был назначить заместителя, утвержденного директором окружной тюрьмы, или назначенного короной (§ 24).

Перевозчику, как лицу, исполняющему государственные обязанности, полагалось, прежде чем приступить к работе, принести присягу в общем суде низшей инстанции или дать иное эквивалентное заверение в том, что он будет усердно и добросовестно выполнять свои обязанности (§ 25).

Также перевозчик заключенных должен был носить форму или значок при исполнении служебных обязанностей, которые обеспечивало государство (§ 26).

Компенсация перевозчику заключенных выплачивалась соответствующим уполномоченным короны за каждый месяц или квартал из средств, заказанных у директора окружной тюрьмы (§ 27).

Кроме того, предусматривалось, что в договоре с перевозчиком заключенных следовало четко указать права и обязанности, включенные в акт (§ 28).

И, наконец, в завершающей части закона (гл. V), устанавливалось, что власти, осуществляющие депортацию заключенных, должны вести список транзитных операций с указанием номера паспорта за каждый год, дат, имени лица, находящегося в пути, и места, куда был отправлен заключенный.

Кроме того, перевозка заключенных должна была фиксироваться в специальном дневнике, который вело лицо, предоставляющее транспорт (§ 29).

В случае, когда заключенный совершил дисциплинарный проступок при транспортировке, этот вопрос следовало рассматривать в исправительном учреждении, куда осужденный прибыл для отбытия заключения (§ 30).

Раз в полгода представитель власти должен был осматривать тюремные станции и остановки в своем районе, а также государственное имущество, находящееся во владении арестантского перевозчика, и протокол осмотра отправлять директору уездной тюрьмы в течение четырнадцати дней. Аналогичную проверку следовало производить с составлением протокола при отказе перевозчика заключенных от исполнения своих обязанностей (§ 31).

Сотрудник полиции, обнаруживший небрежность или ошибку при транспортировке заключенных, должен немедленно сообщить об этом директору соответствующей уездной тюрьмы или Министерству юстиции (§ 32).

И, наконец, устанавливалось, что все предусмотренное в данном постановлении о директоре или правлении окружной тюрьмы, следовало применять соответственно к директору или правлению заместителя тюрьмы в провинции Аландские острова (§ 33).

При перевозке заключенных и уходе за ними во время перевозки следовало соблюдать применимые положения указа об учреждении по уходу за тюрьмами от 21 марта 1925 года.

Аналогичным образом, положения декрета, упомянутого в п. 1, касающегося тюремной администрации, следовало применять к тюремным перевозчикам и охранникам тюремных участков и тюремных вагонов в ином случае, за исключением того, что в соответствии с § 33 упомянутого указа перевозчику тюрьмы могло быть приказано потерять максимум одну тысячу марок вместо потери месячной заработной платы.

Также особо подчеркивалось, что перевозчики заключенных и охранники тюремных участков и тюремных вагонов также не имели права на официальный отпуск, предусмотренный ст. 34 вышеупомянутого постановления (§ 34).

Кроме того, устанавливалось, что все постановления в отношении перевозки заключенного, следовало соблюдать и в других случаях, когда в соответствии с правилом использовался транспорт для заключенных (§ 35).

Данный декрет отменял письмо от 11 августа 1812 г. о перевозке заключенных и обращении с ними, декларацию от 3 мая 1881 г. о правилах, связанных с учреждением Финляндского совета тюремной службы, и декларацию от 3 октября 1889 г. перевозки заключенных по государственным железным дорогам, а также другие положения, противоречащие этому указу (§ 36).

Сам же данный закон вступал в силу с 1 января 1927 года (§ 37). Однако в случаях, когда срок действия договора перевозки заключенных превышал срок, указанный в п. 1, государство брало на себя ответственность выплатить компенсацию, предусмотренную договором, если иное не было согласовано с соответствующим начальником тюрьмы.

Заключение

Подводя общий итог, можно указать, что в Великом княжестве Финляндском для урегулирования вопросов перевозки заключенных использовались нормы письма от 11 августа 1812 г. о перевозке заключенных и обращении с ними; декларации от 3 мая 1881 г. о правилах, связанных с учреждением Финляндского совета тюремной службы; закон от 3 октября 1889 г. перевозки заключенных по государственным железным дорогам.

В условиях обретения независимости Финляндии и реорганизации ее государственного аппарата вообще и пенитенциарной системы в частности, были разработаны и приняты новые нормативные акты. Закон «О перевозке заключенных» от 17 июня 1925 года (220/25) установил отмену с 1 января 1927 г. обязанность владельцев земли и обязанность некоторых городов обеспечивать перевозку заключенных, возложив организацию и данный процесс с указанного периода полностью на государство.

Закон «О перевозке заключенных» от 13 июля 1926 г. конкретизировал данный процесс более детально. Основными его новеллами можно считать создание институтов перевозчиков заключенных (особо нанятые для данного процесса лица), а также установление станций, участков и остановок, где концентрировались для отправления заключенные или же принимались после процесса транспортировки.

Список литературы

1. **Дегальцева Е. А.** Финляндские уголовные преступники в сибирской ссылке (XIX век) // Новый исторический вестник. 2019. № 60. С. 6 – 20.
2. **О распоряжении** для препровождения в Сибирь финляндских преступников. 31 августа 1826 г. // Полное собрание законов. Собрание (1825 – 1881): Т. I (12 декабря 1825 – 1826). № 31. С.-Петербург: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1827. С. 910 – 911.
3. **Милостивое воззвание** Его Императорского Величества содержит положения, связанные с Финляндией с созданием пенитенциарного правительства. 15 мая 1881 года.

4. **Высочайшая** Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания Правительственными железными дорогами Великого Княжества Финляндского, со штатом окладов содержания чиновников и служащим оных дорог. 18 мая 1872 г. // Собрание постановлений финляндских. 1872. № 20, 2 ³/₄ листа, печатан в Гельсингфорсе 23 января 1873 г. С. 1.

5. **Высочайшая** Его Императорского Величества Инструкция для управления железных дорог в Финляндии. 25 июля 1877 г. № 20. – 4 ¹/₂ листа, печатан в Гельсингфорсе, 17 декабря 1877 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии, 1895. С. 1 – 25.

6. **The Criminal Code of Finland** (39/1889, amendments up to 766/2015 included) / Translation from Finnish Legally binding only in Finnish and Swedish Ministry of Justice. Finland. 210 p. URL: https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039_20150766.pdf (дата обращения: 01.11.2022).

7. **Laki vankien kuljetuksesta** [Электронный ресурс]. 17.06.1925. URL: <https://finlex.fi/fi/laki/smur/1925/19250220> (дата обращения: 01.11.2022).

8. **Закон «О перевозке заключенных»** [Электронный ресурс]. 17 июня 1925 года. URL: <C:\Temp\HE0028.v03.pdf.pdf> (eduskunta.fi) (дата обращения: 01.11.2022).

References

1. **Degal'tseva Ye.A.** [Finnish criminals in Siberian exile (XIX century)], *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical bulletin], 2019, no. 60, pp. 6-20. (In Russ.).

2. **[On the order** for the transfer to Siberia of Finnish criminals. August 31, 1826], *Polnoye sobraniye zakonov. Sobraniye (1825 – 1881)* [Complete collection of laws. Collection (1825 - 1881): Vol. I (December 12, 1825-1826), no. 31. S.-Peterburg: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1827, pp. 910-911. (In Russ.).

3. **Milostivoye vozzvaniye Yego Imperatorskogo Velichestva, soderzhit polozheniya, svyazannyye s Finlyandiyye s sozdaniyem penitentsiarnogo pravitel'stva** [The gracious appeal of His Imperial Majesty contains provisions related to Finland with the creation of a penitentiary government], May 15, 1881. (In Russ.).

4. **[His Highest** Imperial Majesty Instructions for the management and management of the Government Railways of the Grand Duchy of Finland, with a staff of salaries for the maintenance of officials and servants of these roads. May 18, 1872], *Sobraniye postanovleniy finlyandskikh* [Collection of Finnish resolutions], 1872, no. 20, 2 ³/₄ lista, pechatan v Gel'singforse, January 23, 1873, p. 1. (In Russ.).

5. **Vysochayshaya Yego Imperatorskogo Velichestva Instruksiya dlya upravleniya zheleznykh dorog v Finlyandii** [His Highest Imperial Majesty Instruction for the management of railways in Finland], July 25, 1877, no. 20. 4 ¹/₂ lista, pechatan v Gel'singforse, December 17, 1877. Gel'singfors, v Senatskoy tipografii, 1895, pp. 1-25 (In Russ.).

6. **available at:** https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039_20150766.pdf (accessed 01 November 2022).

7. **available at:** <https://finlex.fi/fi/laki/smur/1925/19250220> (accessed 01 November 2022).

8. **available at:** <C:\Temp\HE0028.v03.pdf.pdf> (eduskunta.fi) (accessed 01 November 2022).

Legal Regulation of the Transportation of Prisoners in Finland in the 1920s

O. S. Velikaya, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law, Colonel of the Internal Service,
St. Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia; St. Petersburg Russia;
olga10703200@yandex.ru*

The Grand Duchy of Finland used the norms of the letter of August 11, 1812 on the transportation and treatment of prisoners to regulate the transportation of prisoners; the declaration of May 3, 1881 on the rules relating to the establishment of the Finnish Prison Service Council; law of October 3, 1889 on transporting prisoners by state railways. In the context of Finland's independence and the reorganization of its state apparatus in general and the penitentiary system in particular, new regulations were developed and adopted. The law "On the transportation of prisoners" of June 17, 1925 (220/25) abolished the obligation of landowners and the obligation of some cities to ensure the transport of prisoners, entrusting the organization of this process entirely to the state from January 1, 1927. The law "On the transportation of prisoners" of July 13, 1926 specified this process in more detail. Its main novelties included the creation of institutions for transporting prisoners (persons specially hired for this process), as well as the establishment of stations, sections and stops where prisoners were concentrated for departure or received after the transportation process.

Keywords: Finland; transport; prisoners; law; transporter of prisoners; railway; stations; stops.

© O. С. Великая, 2022

Статья поступила в редакцию 01.07.2022

При цитировании использовать:

Великая О. С. Правовое регулирование перевозки заключенных в Финляндии в 1920-х гг. // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 4. С. 425 – 434. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.425-434

Рассмотрена дискуссия, развернувшаяся в американском юридическом сообществе во второй половине XX – начале XXI вв. относительно базовых принципов электорального финансирования. Утверждается, что эта дискуссия сводится к поиску путей решения базовой для американского избирательного права дилеммы электорального финансирования: свобода vs равенство. В настоящее время в США существуют два подхода к решению этой дилеммы: либертарианский и эгалитарный. В зависимости от своей принадлежности к одному из этих подходов представители американского юридического сообщества (как академические юристы, так и правоприменители) формулируют свои способы решения данной дилеммы.

Ключевые слова: избирательное законодательство; избирательные фонды; электоральные расходы; электоральные финансы; судебная практика; конституционное право; финансирование избирательных кампаний.

Виталий Павлович Елизаров, канд. полит. наук, доцент,
кафедра теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический
университет», Санкт-Петербург, Россия;
summo-jure@yandex.ru

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, РЕГУЛИРОВАНИЕ: БАЗОВАЯ ДИЛЕММА АМЕРИКАНСКОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Введение

Американский опыт избирательных кампаний является по-своему уникальным. США – пример страны с долгой традицией электоральной политики, которая не прерывалась с момента возникновения государства. Благодаря этому мы имеем не только самую богатую практику организации и проведения избирательных кампаний в целом, но и беспрецедентный по полноте опыт обсуждения всех аспектов правового регулирования выборов, включая вопрос о деньгах, которые тратятся на их проведение.

Рассмотрим один из аспектов правового регулирования электоральных финансов, а именно проблему определения ограничений для практики финансирования избирательных кампаний частными агентами. Под частными агентами понимаются все физические и юридические лица, не имеющие аффилиации с государством и имеющие право на финансовую поддержку избирательной кампании того или иного кандидата/политической партии.

Для американской электоральной политики вопрос о правовом регулировании электорального финансирования имеет особенно значимый характер. Критики американской электоральной политики традиционно обращаются к проблеме взаимоотношения денег и выборов. Тезис о том, что на американских выборах побеждают не столько кандидаты/политические партии, сколько их бюджет воспринимается как не требующий доказательств.

Предлагаемая статья представляет собой анализ работы американского правового сообщества по разрешению одной из ключевых проблем правового регулирования электоральных финансов. Более специфично эта проблема может быть сформулирована как проблема соблюдения баланса между такими ключевыми принципами избирательного права, как принцип свободы и принцип равенства. Говоря о принципе свободы в американском контексте нужно оговориться, что в него входит весь набор индивидуальных прав, который традиционно ассоциируется с Первой поправкой к Конституции США. Сюда входят такие свободы, как свобода слова и свобода собраний, – а, говоря шире, свобода гражданского участия, включающая в себя и финансовое участие граждан в выборах. Под принципом равенства понимается, прежде всего, принцип финансового равенства участников электорального соревнования, реализация которого призвана не допускать искажающее влияние «больших денег» на избирательный процесс. Иначе говоря, предметом рассмотрения станет базовая дилемма американских электоральных финансов: свобода или равенство (свобода vs равенство).

Задачи правового регулирования деятельности по финансированию избирательных кампаний

В своей классической статье 1994 года «Политическое равенство и непреднамеренные последствия» [12], посвященной возможностям правового регулирования электорального законодательства К. Санстейн выделяет три ключевых задачи правового регулирования электоральных финансов.

Первая задача – защита электорального процесса от практик, базирующихся на обмене *quid pro quo* между спонсорами кампании и участниками электорального соревнования. В начале речь идет о политической коррупции. Это может быть прямая покупка голосов, или, в более мягком варианте, оказание политических услуг в обмен на деньги. Политическая коррупция прямо противоречит базовой установке избирательного права, согласно которой чиновник, занимающий выборную должность, должен действовать исходя из задач обеспечения публичного блага, а не под влиянием его/ее частных интересов.

Вторая задача – обеспечение политического равенства. Экономическое неравенство не должно транслироваться в плоскость политического действия. Недопустима ситуация, при которой лица, обладающие значительными финансовыми ресурсами, будут иметь возможность влиять на политику в большей степени, нежели их менее состоятельные сограждане. Это не означает необходимости экономического уравнивания. Скорее, это означает правило выравнивания политических возможностей, которое может быть сформулировано в виде принципа «один человек – один голос». К примеру, именно на решение этой задачи направлены нормы, устанавливающие ограничения на электоральные расходы.

Третья задача – логическое продолжение первых двух. Правовые нормы, регулирующие электоральное финансирование могут способствовать решению задачи, как выражается К. Санстейн, «наполнения смыслом публичной политики» [12, с. 1391–1392]. Публичная политика не сводится

только к регистрации и подсчету личных интересов граждан, которые мы можем установить по тому факту, в пользу какого именно политика избиратель готов внести денежный взнос. В американской конституционной традиции политика обладает важной функцией публичного обсуждения. Избирательная кампания является тем полем, на котором сталкиваются соревнующиеся за голоса избирателей политические идеологии и позиции. Это свободное состязание и свободный обмен идей и есть публичная политика. Иначе говоря, это поле свободного соревнования. И здесь впервые возникает проблема. С одной стороны, свобода (слова, идей и мнений) требует поддержки граждан, в том числе поддержки финансовой. Принцип свободы участия означает, в том числе и принцип участия граждан в финансировании тех политиков, которые выражают их политические позиции. С другой стороны, деньги, получаемые политиками, являются препятствием на пути решения этой задачи, поскольку под их влиянием политик может действовать, исходя не из логики публичного блага, а под влиянием своих частных интересов. Именно поэтому правовое регулирование должно минимизировать возможность вмешательства денег в публичную дискуссию [12, с. 1391–1392].

Две правовых традиции в идеологии правового регулирования электоральных финансов

Традиционно исследователи выделяют два идеологических полюса в обсуждении базовой дилеммы американского электорального финансирования. Вслед за известной исследовательницей американских реформ в области электорального финансирования Я. Дэвуд обозначим их как «либертарианский» и «эгалитарный» подходы [7]. В основе каждого из этих подходов лежит предпочтение, отдаваемое одному из двух основных принципов электорального законодательства: свободы (финансового участия), с одной стороны, и равенства (участников электорального соревнования) – с другой.

С точки зрения либертарианского подхода государство не должно никак ограничивать свободу слова участников электорального соревнования. Такими ограничениями могут быть, в частности, ограничения на взносы, сделанные для целей проведения избирательной кампании (те взносы, из которых складываются избирательные фонды), а также ограничения на электоральные расходы (расходы, сделанные из этих избирательных фондов). С либертарианской точки зрения любые такие правовые ограничения являются ограничениями свободы слова, которая защищена конституцией (прежде всего, Первой поправкой). Как строится эта логика? Отправной точкой является утверждение о том, что коммуникация идей зависит от возможности кандидатов и политических партий поддерживать деньгами свои политические позиции и(или) тратить деньги на политическую рекламу. Именно поэтому свобода слова является одним из краеугольных камней, обеспечивающих существование и работоспособность демократии. Свобода слова позволяет гражданам критиковать власть, не опасаясь при этом подвергнуться репрессиям за выражение своей публичной позиции. Если правительство получает возможность регулировать процесс

публичного обсуждения и выражения своей гражданской позиции представителями общества, свобода слова и демократия оказываются под угрозой. Таким образом, в рамках либертарианского подхода конституционная защита свободы слова означает, в том числе, и защиту от государственного регулирования электоральных финансов [7]. Можно сказать, что либертарианец в принципе отрицает необходимость любого правового регулирования деятельности по финансированию избирательных кампаний. Если у вас есть деньги, вы можете потратить любую сумму в поддержку вашего кандидата/политической партии. Кандидат/политическая партия, в свою очередь, потратит полученные от вас и ваших единомышленников деньги любым способом, который сочтет нужным.

На другом полюсе располагаются сторонники эгалитаристского подхода. В его рамках государственное регулирование политической коммуникации и публичной дискуссии необходимо, поскольку оно позволяет исключить монополизацию политической дискуссии теми частными агентами (физическими и юридическими лицами), которые обладают несоразмерно большими по сравнению с простыми гражданами экономическими и финансовыми ресурсами. Возможность для такой монополии создает тот факт, что производство и распространение идей и политических взглядов является очень дорогим предприятием. Иначе говоря, частные агенты (физические и юридические лица), имеющие в своих руках значительные финансовые ресурсы, способны заглушить голос тех людей, которые такими ресурсами не обладают. Доминирование денег на рынке идей препятствует тому, чтобы на этом рынке было представлено все богатство идей и мнений. В сфере законодательства, которое напрямую связана со сферой коммуникации идей и мнений, такая ситуация ведет к тому, что законодатели окажутся под влиянием корпораций и шире – «больших денег». Поэтому полноценное публичное обсуждение требует, чтобы государство посредством вводимого им законодательства ограничивало возможности тех участников публичной коммуникации, которые обладают существенным преимуществом перед другими. Это позволит обеспечить условия, при которых каждый голос может быть услышан. Ограничивая голос чрезмерно богатых лиц и организаций, такие правовые ограничения позволяют уравновесить их влияние со стороны простых граждан, и обеспечить, таким образом, условия честного электорального соревнования [5, 7, 11].

Таким образом, мы видим, что обсуждение проблемы правового регулирования электоральных финансов принято рассматривать в рамках конфликта между принципом свободы и принципом равенства. Разрешение этого конфликта исследователи видят по-разному. Так, по мнению О. М. Фисса [9], выбор между свободой и равенством невозможен по определению, а Конституция США не дает подсказки в том, как этот конфликт может быть разрешен. По его мнению, речь идет не о выборе между свободой и равенством, а о выборе между двумя пониманиями свободы [7, 9]. С одной стороны, свобода слова и участия ограничивается правом, которое регулирует электоральное финансирование. С другой стороны, свобода слова и участия защищена таким правом. С этой точки зрения, регулирование публичной коммуникации (в том числе той, которая проис-

ходит в рамках избирательных кампаний) может быть защитой свободы подобно тому, как регулирование рынка защищает свободу предпринимательства от провалов рынка. Если электоральное финансирование никак не регулируется, мы сталкиваемся с опасностью монополизации публичного обсуждения со стороны частных агентов, обладающих большими деньгами. О. М. Фисс исходит здесь из того понимания государства, согласно которому государство играет ключевую роль в защите свободы граждан со стороны частной монополии на власть [7].

Другой точки зрения придерживается Р. Дворкин [8]. Он исходит из теории равенства ресурсов, согласно которой свобода является не абстрактным правовым принципом, а одним из видов ресурсов, который может (и должен) быть распределен на условиях равенства доступа к ресурсам (в нашем случае – финансовым ресурсам). По мнению Р. Дворкина, правовое регулирование электорального финансирования допустимо или даже полезно в тех случаях, когда законы не создают неравных условий для сторонников какой-либо идеологии, политической партии или политического курса. Иначе говоря, в тех случаях, когда законодательство, регулирующее электоральное финансирование обеспечивает доступ к равному участию для всех граждан. Это означает, что государство обязано брать на себя ответственность за обеспечение некоторого базового равенства ресурсов участников электорального соревнования. И делает оно это за счет правового регулирования и установления ограничений на электоральное финансирование [7, 8].

Судебная практика: дело Бакли против Валео (Buckley vs Valeo)

Какие пути разрешения дилеммы между свободой и равенством предлагали американские законодатели? Если принцип свободы защищен на конституционном уровне Первой поправкой, и именно этот принцип превалировал в американской электоральной политике вплоть до середины XX века, то с принципом равенства ситуация была гораздо сложнее. США традиционно считаются страной, где частные деньги являлись и до сих пор остаются одним из ключевых источников бюджета избирательных кампаний как для независимых кандидатов, так и для кандидатов, выдвигающихся от политических партий. Задача обеспечения финансового равенства может быть решена на уровне контроля над процедурой пополнения бюджетов избирательных кампаний, а также на уровне организации расходов избирательных фондов. Другими словами, речь идет о введении законодательных ограничений на предельные суммы расходов избирательных кампаний и требования публикации информации о спонсорах кандидатов/политических партий. Идеологически американские законодатели полагали, что такие ограничения позволят избежать превращения выборов в состязание денежных мешков. Однако на практике решение этой проблемы оказывалось не настолько простым.

Первый шаг в обеспечении условий финансового равенства для участников электоральной политики был сделан в 1907 году в результате принятия Акта Тиллмана (Tillman Act, 1907). Данный закон устанавливал

запрет для корпораций и крупных банков (которые работали в нескольких штатах) делать пожертвования в пользу кандидатов, выдвигающихся на выборах федерального уровня. Однако кардинально ситуацию Акт Тиллмана не менял, практика накачивания избирательных фондов «большими деньгами» продолжилась вплоть до 1971 года, когда Конгресс США принял рубежный для американского электорального законодательства Федеральный закон об избирательной кампании (Federal Election Campaign Act, 1971). Данный закон предусматривал требования по раскрытию и публикации информации о спонсорах избирательных кампаний кандидатов/политических партий, а также вводил ограничения на предельные размеры электоральных расходов. Задача, которую ставили перед собой законодатели, заключалась в устранении угрозы политической коррупции и создании условий для обеспечения финансового равенства участников выборов.

Именно принятие Федерального закона об избирательной кампании стало тем рубежом, который привел к столкновению двух описанных выше принципов правового регулирования электоральных финансов в американской правоприменительной практике. Это столкновение произошло в ходе рассмотрения и вынесения решения по делу «Бакли против Валео» (Buckley vs Valeo, 424 U.S. 1 (1976)). Дело «Бакли против Валео» стало одним из самых знаменитых, а решение по нему признано одним из самых противоречивых, среди дел, рассмотренных Верховным судом США во второй половине XX века.

Название дела «Бакли против Валео» связано с именами известных американских политиков: одним из инициаторов дела был сенатор (представитель республиканской партии) Джеймс Л. Бакли, а в роли ответчика от лица американского правительства выступил Френсис Р. Валео – секретарь Сената США и члена Федеральной избирательной комиссии США (*ex officio*).

В центре рассмотрения дела «Бакли против Валео» стал вопрос решения дилеммы свобода vs равенство. Как уже было отмечено, одна из правовых позиций в этом споре сводится к отрицанию возможностей неограниченного финансирования избирательных кампаний (как в отношении процедур пополнения избирательного фонда, так и в отношении практики его расходования), поскольку такие возможности связаны с моральной угрозой политической коррупции. Их противники утверждали, что финансируя того или иного кандидата/политическую партию, избиратель реализует свое право на свободу слова. Ограничивая такие возможности для граждан, законодатели покушаются на право, закрепленное Первой поправкой.

Решение Верховного суда стало настолько же значимым, насколько противоречивым стали его оценки среди американских юристов. Верховный суд постановил, что ограничения на электоральные расходы, установленные Федеральным законом об избирательной кампании 1971 года, не соответствуют Конституции США. Аргументация Верховного суда сводилась к тому, что данные ограничения противоречат Первой поправке поскольку способствуют ограничению свободы выражения мнений (Buckley vs Valeo, 424 U.S. 1 (1976)). Как отмечает Я. Дэвуд, в решении по делу Бакли против Валео Верховный суд США категорически отверг при-

менение уравнительного принципа, сформулировав свою позицию в ключевой фразе, гласящей, что «концепция, предусматривающая возможность правительства ограничить свободу слова для некоторых элементов нашего общества ради того, чтобы другие члены общества имели больше возможностей для выражения своего мнения, абсолютно не соответствует Первой поправке» [1, с. 43].

Таким образом, сторонники принципа свободы слова победили. Пытаясь разрешить дилемму «свобода vs равенство», Верховный суд в деле «Бакли против Валео» встал на сторону принципа свободы слова. Логика судебного решения может быть продемонстрирована в следующей цитате: «ограничение денежных сумм, которые человек или группа могут потратить на политическую коммуникацию во время избирательной кампании, неизбежно сокращает масштаб дискуссии, ибо уменьшает количество поднимаемых вопросов, делает более легковесным их обсуждение, сужает размеры затронутой дискуссией аудитории». И там же: «Полная свобода выражения политических взглядов, ограниченная всего лишь предельными цифрами затрат, сравнима с полной свободой езды на автомобиле как угодно далеко и как угодно часто, но при наличии всего лишь одного бака бензина» [2, с. 76–77].

Для избирательного права США решение Верховного суда по делу «Бакли против Валео» имело два важных следствия. Вплоть до начала XXI века практика финансирования американских выборов была избавлена от жестких ограничений, которые повсеместно вводились во второй половине XX века в большинстве европейских стран. Кроме того, благодаря тому, что Верховный суд запретил устанавливать ограничения на электоральные расходы, на протяжении нескольких десятилетий в США оказалось возможным собирать достаточно надежные данные, которые позволяли анализировать рынок электоральных финансов [11]. Однако исходная дилемма электорального финансирования разрешена не была.

Проблема с решением Верховного суда США по делу «Бакли против Валео» заключалась в том, что это решение создало правовые условия для перевода экономического неравенства в неравенство политическое. Как отмечает Касс Санстейн, это решение не находилось в рамках американской конституционной традиции, защищавшей ценность политического равенства [12, с. 1413], и оставило без окончательного ответа вопрос о возможности разрешения дилеммы «свобода vs равенство».

Следующий виток обсуждения состоялся в начале XXI века. В 2003 г. в деле «МакКоннелл против Федеральной избирательной комиссии» (McConnell vs FEC, 540 U. S. 93 (2003)) Верховный суд подтвердил конституционность большинства положений Закона о реформировании избирательных кампаний основных партий (Bipartisan Campaign Reform Act, 2002). В свою очередь, Закон о реформировании избирательных кампаний основных партий (Bipartisan Campaign Reform Act, 2002) подтверждал Федеральный закон об избирательных кампаниях 1971 года, который устанавливал ограничения на финансирование избирательных кампаний и стал причиной дела «Бакли против Валео». Таким образом, решение Верховного суда 2003 года позволило преодолеть решение Верховного суда 1976 года.

Возможные пути решения

В судебных решениях (таких, как решение по делу «Бакли против Валео») проявилась позиция практических юристов, имеющих дело с противоречиями внутри действующего законодательства. Но академические юристы и законодатели также вели непрерывный поиск выходов из ключевой дилеммы электорального финансирования, сформулированной как свобода vs. равенство. К концу XX века определились два основных варианта возможных решений.

Система «стимулы вместо запретов»

Первый подход можно озаглавить «стимулы вместо запретов». Признавая отказ от установленного решением по делу «Бакли против Валео» запрета на электоральные расходы, сторонники данного подхода предположили вместо этого увеличить возможности финансирования выборов из публичных фондов (прежде всего, на федеральном уровне). Возможность такого финансирования предполагает нейтральные условия для участников электоральной политики (кандидатов/политических партий). Такая система подразумевает наличие стимулов для привлечения публичных фондов к финансированию избирательных кампаний при сохранении возможности использования денег частных лиц. Предполагается, что такой подход поможет сбалансировать экономическое неравенство кандидатов за счет вмешательства государства. Система стимулов может иметь разные варианты. Это может быть, например, условие отказа от частных денег в пользу получения государственных субсидий. Впрочем, сторонники такого подхода признают, что полный отказ от денег частных лиц в пользу государственных субсидий трудно признать конституционным при существующей позиции Верховного суда. Поэтому решением мог бы стать подход, при котором публичные субсидии выделяются кандидатам и/или политическим партиям с целью уравнивать их шансы в борьбе с более богатыми конкурентами. Критики этой системы отмечают, что ее реализация может быть связана с рядом проблем, прежде всего, административных. Главный вопрос заключается в том, кто будет решать, какие кандидаты заслуживают поддержки? Трудно сконструировать такую систему принятия решений, которая полностью исключит риск несправедливых исключений, что может свести на нет ее преимущества [12, с. 1411–1412].

Система ваучеров или «голосуя долларом»

Второй подход к разрешению дилеммы свобода/равенство связан с именем выдающегося американского юриста, специалиста по конституционному праву, профессора Йельской школы права Б. Аккермана. В 1993 году Б. Аккерман предложил создать принципиально новую систему финансирования избирательных кампаний, цель которой заключалась в том, чтобы исключить возможные коррупционные эффекты «больших денег». Изначально эта система строилась на основе взятого из опыта экономики механизма ваучеров [4]. В рамках этой системы каждый избиратель получал бы специальный ваучер, который мог потратить исключи-

тельно на цели избирательной кампании в пользу того или иного кандидата/политической партии. Очевидно, что эта система автоматически должна была уравнивать всех потенциальных спонсоров избирательных кампаний, решая таким способом проблему наличных денег в избирательных кампаниях. Она также позволила бы (как любая система ваучеров) уменьшить проблемы, связанные с централизованным, бюрократическим контролем над финансами и выборами. Кроме того, эта система хорошо подходит для целей обеспечения политического равенства.

Критики обращали внимание на то, что реализация такой системы сопряжена с рядом проблем. Прежде всего, она не исключает риски обхода системы. На практике бывает крайне сложно провести четкую линию между ваучерами и обычными деньгами. Кроме того, необходим специальный административный аппарат для обеспечения действия системы ваучеров, что увеличивает возможность злоупотреблений со стороны надзорных органов государства.

Проанализировав аргументы критиков, Б. Аккерман продолжил разрабатывать эту идею и вместе с другим известным конституционалистом Я. Эйрсом в 2002 опубликовал книгу с показательным названием «Голосу долларом: новая парадигма электорального финансирования» [3], которая вызвала оживленную дискуссию в американском юридическом сообществе. В своей книге Б. Аккерман и Я. Эйрс предложили обновленный механизм решения дилеммы свобода vs равенство. Задача, которую они ставили перед собой, заключалась в том, чтобы выработать принципиально новую систему финансирования избирательных кампаний. Эта система должна была сохранить возможность граждан участвовать в финансировании избирательных кампаний близких им кандидатов/политических партий, но при этом была бы свободна от проблем, присущих традиционной системе электоральных взносов, поступающих от частных лиц (физических и юридических). Эта система подразумевает создание двух специально сконструированных институциональных механизмов, обеспечивающих передачу денег от граждан к кандидатам/политическим партиям. Первый механизм они условно называют механизмом «патриота» или «картой патриота» (*patriot card*), а второй «кабиной для взносов» (*donation booth*).

Механизм «карты патриота» (который можно назвать продолжением идеи электорального ваучера) заключается в том, что каждый избиратель получает определенную сумму денег, которую может передать на нужды того или иного кандидата/политической партии в определенном электоральном цикле [3, с. 12 – 24]. Механизм «кабины для взносов» работает так, чтобы сделать пожертвования граждан в избирательные фонды кандидатов/политических партий анонимными. Для этой цели должен быть создан специальный слепой траст, который будет служить институциональным посредником между избирателем и кандидатом/политической партией. Получатель взноса (кандидат/политическая партия) не знает его отправителя (физическое или юридическое лицо). В свою очередь, жертвователь не может доказать, что он сделал взнос в пользу того или иного кандидата/политической партии. Предполагается, что этот механизм позволяет разорвать порочный круг покупки политических услуг по принципу *quid pro quo* [3, 10].

По мнению Б. Аккермана и Я. Эйрса такая система позволит обеспечить наполнение избирательных фондов деньгами, исходящими от множества частных граждан, и при этом снимет угрозу политической коррупции, идущей от неформальных связей между политиками и частными интересами (прежде всего, крупных корпораций). Кроме того, по их мнению, такая система позволит снять необходимость прибегать к услугам крупных спонсоров (тех же корпораций), что по определению снижает угрозу влияния на электоральный процесс со стороны «больших денег». В конечном итоге, это позволит реализовать принцип политического равенства на деле, обеспечив избирателей-спонсоров сопоставимым количеством финансовых ресурсов для поддержки политически близких им кандидатов/политических партий [10, с. 1071].

Проблемой обоих подходов остается тот факт, что их обсуждение проходит преимущественно в рамках академического сообщества американских юристов, слабо пересекаясь с правовой практикой, складывающейся в стенах американских федеральных судов, хотя и такие примеры также есть [1]. Такое положение вещей не случайно. Подводя итог как теоретической дискуссии между сторонниками свободы слова и сторонниками финансового равенства, так и истории судебных решений, отражающей эту дискуссию в практической плоскости, Я. Дэвуд приходит к заключению о том, что дилемма выбора между свободой и равенством носит если не неразрешимый, то, во всяком случае, неизбежный характер. Следовательно, вместо того, чтобы пытаться примирить непримиримые позиции, следует открыто признавать и указывать на элементы такого конфликта в действующем законодательстве [6].

Заключение

Анализ американского опыта работы над разрешением одной из ключевых дилемм электорального финансирования, актуальной для всех стран, практикующих конкурентные выборы, сводится к тому, чтобы извлекая уроки из академических споров и судебной практики, помнить о необходимости поиска компромисса, который, по мнению Я. Дэвуд, подразумевает три ключевые цели. *Во-первых*, не допустить доминирования «больших денег» на выборах. *Во-вторых*, сохранить свободу слова и мнений, в том числе направленных на критику правительства. И, *в-третьих*, обеспечить состязательность электорального процесса [1, с. 48]. Нахождение этого компромисса подразумевает совместную работу как законодателей и правоведов, так и профессионалов судейского сообщества, которые могут применять в своей работе находки академических юристов и законодателей. В США именно суды выносят свой вердикт, оценивая, справилась ли законодательная власть с поставленной задачей решения проблем правового регулирования электоральных финансов. В заключение следует отметить, что в настоящее время мы наблюдаем движение в сторону эгалитарного подхода, что видно, например, как из Закона о реформировании избирательных кампаний основных партий 2002 года, так и из рубежных решений Верховного суда, таких как «МакКоннелл против Федеральной избирательной комиссии».

Список литературы

1. Дэвид Я. Демократия, власть и Верховный суд: сравнительный анализ реформ финансирования избирательных кампаний // Избирательное право. 2006. № 4. С. 39 – 50.
2. Закерман Э. Комитеты политических действий и финансирование кампаний: справочник по политическому консультированию / под ред. Д. Д. Перлматтера. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 76–77.
3. Ackerman B, Ayres I. Voting with Dollars: A New Paradigm for Campaign Finance. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2002. P. 314.
4. Ackerman B. Crediting the Voters: A New Beginning for Campaign Finance, American Prospect, Spring. 1993. At. 71.
5. Bartels L. Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2008. P. 424.
6. Dawood Y. Freedom of speech and democracy: rethinking the conflict between liberty and equality // Canadian Journal Law Jurisprudence. 2013. P. 26:293–311.
7. Dawood Y. Campaign Finance and American Democracy // The Annual Review of Political Science. 2015. P. 18:25.1–25.20.
8. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 528.
9. Fiss O. Liberalism Divided: Freedom of Speech and the Many Uses of State Power. Boulder, CO: Westview, 1996. P. 204.
10. Mayer R. K. Political Realities and Unintended Consequences // University of Richmond Law Review. 2003. Vol. 37, Issue 4, 5-2003. P. 1069–1110.
11. Scarrow S. Political finance in comparative perspective // Annual Review of Political Science. 2007. P. 10:193–210.
12. Sunstein C. R. Political Equality and Unintended Consequences // Columbia Law Review. 1994. Vol. 94. P. 1390–1414.

References

1. Dawood Y. [Democracy, power, and the Supreme Court: Campaign finance reform in comparative context], *Izбирatel'noe pravo* [Electoral Law], 2006, no. 4, pp. 39-50. (In Russ.).
2. Zakerman E., Perlmatter D.D. (Ed.) *Komitety politicheskikh deistviy i financirovanie kompaniy* [Political action committees and campaign financing: Handbook on political consulting], Moscow: INFRA-M, 2002, pp. 76-77. (In Russ.).
3. Ackerman B, Ayres I. Voting with Dollars: A New Paradigm for Campaign Finance. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2002, p. 314.
4. Ackerman B. Crediting the Voters: A New Beginning for Campaign Finance, American Prospect, Spring, 1993, at. 71.
5. Bartels L. Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2008, p. 424.
6. Dawood Y. Freedom of speech and democracy: rethinking the conflict between liberty and equality, *Canadian Journal Law Jurisprudence*, 2013, p. 26:293-311.
7. Dawood Y. Campaign Finance and American Democracy, *The Annual Review of Political Science*, 2015, p. 18:25.1–25.20.
8. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000, p. 528.
9. Fiss O. Liberalism Divided: Freedom of Speech and the Many Uses of State Power. Boulder, CO: Westview, 1996, p. 204.
10. Mayer R. K. Political Realities and Unintended Consequences, *University of Richmond Law Review*. 2003, vol. 37, issue 4, 5-2003, p. 1069-1110.

11. **Scarrow S.** Political finance in comparative perspective. *Annual Review of Political Science*, 2007, p. 10:193-210.

12. **Sunstein C. R.** Political Equality and Unintended Consequences, *Columbia Law Review*. 1994, vol. 94, p. 1390-1414.

Freedom, Equality, Regulation: a Key Dilemma of American Electoral Financing

V. P. Elizarov, *Cand. Sci. (Political)*, Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia;
summo-jure@yandex.ru

The article concerns with the debate on basic principles of electoral financing, which took place on American legal community during second half of 20th century – early 21st century. This discussion was focused on searching the way of the key American electoral financing dilemma, which can be stated as freedom vs. equality. Two basic approaches can be defined as libertarian and egalitarian. Depending on their belonging to one of these approaches, representatives of the American legal community (both academic lawyers and practicing lawyers) formulate their own ways of solving this dilemma.

Keywords: electoral law; electoral funds; electoral spending; electoral finance; court practice; constitutional law; electoral campaign financing.

© В. П. Елизаров, 2022

Статья поступила в редакцию 01.07.2022

При цитировании использовать:

Елизаров В. П. Свобода, равенство, регулирование: базовая дилемма американского электорального финансирования // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 435 – 446. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.435-446

Правовая организация административного управления торгового порта Хельсинки в конце XIX – начале XX вв. условно разделена на части: 1) управление капитана порта; 2) управление города; 3) таможенное управление. Основные административные полномочия между собой разделяли капитан порта и городская власть, в то же время основное время по обеспечению должного правопорядка в порту (полицейского, административного, технического и т.п.) все же возлагалось на капитана порта, как это было принято в исследуемый период во многих морских портах иных стран.

К недостаткам действовавших положений и норм отнесены: недостаточное определение взаимодействия и разграничения ответственности между портовым управлением и железнодорожным ведомством; отсутствие четких критериев пропуска на территорию порта и нахождения различных лиц; весьма общие предписания относительно полицейских функций капитана порта; отсутствие у ответственных служащих необходимого вооружения и т.п. Впрочем, последнее замечание, скорее вызвано: а) непосредственной принадлежностью портовой территории к городу, что автоматически распространяло на нее деятельность городской полиции; б) осуществлением охраны складов и товаров их собственниками, а судов экипажами.

Особо отмечено отстранение администрации порта от большинства вопросов технической безопасности, не связанных с входом-выходом судов, их швартовкой, опасностью груза; отсутствием права разрешать мелкие споры на местах и т.п.

Ключевые слова: торговый порт Хельсинки; правовое регулирование; администрация порта; капитан порта; взаимоотношения; портовая территория.

Екатерина Петровна Клименко, канд. юрид. наук, доцент, кафедра истории и теории права, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; kerp65@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО ПОРТА ХЕЛЬСИНКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Введение

Роль транспортной системы в жизнедеятельности каждой страны сложно переоценить. Особенно остро сегодня это ощущается в России, в связи со сложным международным положением. В данном контексте проблемы изучения направлений и форм правовой организации различных структур, в том числе и торговых портов, представляет актуальную задачу для современных исследователей истории и теории государства и права России. Подобный подход и произведенный анализ позволили выявить забытые организационные формы, а также способствовать появлению новых, что существенным образом должно отразиться на деятельности всей отечественной транспортной инфраструктуры. Отсюда и интерес к фор-

мам организации и способу их осуществления в отношении одного из важнейших когда-то портов Российской империи – порту г. Хельсинки, долгое время находившегося именно в муниципальном управлении.

Основная часть

Торговые порты, расположенные в черте городов или по соседству с ними, как правило, придают существенный импульс развитию всей жизни города – социальной, промышленной, транспортной, культурной, образовательной и т.д. Подтверждений данному тезису в истории человечества достаточно много, в том числе таким фактам, когда город появлялся позже торгового порта, а сам порт становился градообразующим предприятием.

Финляндия, входившая в состав Российской империи на протяжении более века, во многих отношениях отличалась от метрополии. Не был исключением и правовой статус торговых портов данной страны.

Следует обратить внимание на изначально различный статус торговых портов периода начала XIX в. в России и Финляндии. В Российской империи торговые порты, вплоть до 1891 г., в качестве административных единиц практически не существовали, а наличие в некоторых из них представителей органов власти (таможенных, карантинных и иных служб) при общем отсутствии как администрации порта, так и определенной портовой территории, оставляла данный вопрос на усмотрение заинтересованных лиц, компаний и т.п.

Отношение же городских властей к данной территории скорее можно охарактеризовать как негативное, так как в связи с регулярным дефицитом бюджета городского самоуправления полноценно заниматься развитием порта, содержанием портовой администрации и выполнением на данной территории полицейских функций было практически невозможно.

Несколько иначе обстояла ситуация в Великом княжестве Финляндском. Финляндские города, еще по шведской традиции, имели весьма широкое самоуправление, дополнявшееся в XIX в. различными нормативными актами, в первую очередь направленными на развитие в них портов и пристаней, складского дела и т.п. Дополнительным фактором в данном вопросе служила зависимость организаций моряков от городских органов власти, судов.

Тем самым создавалась прочная основа взаимозависимости благополучия городов и уровня организации деятельности торгового и промышленного флота.

Вторая половина XIX в. внесла существенные коррективы в деятельность торговых портов Финляндии. Вызвано это было значительным усилением товаропотоков благодаря соединению многих рек и озер посредством судоходных каналов с морскими портами [1, 2], появлением и быстрым развитием железнодорожного сообщения [3].

В то же время организация торговых портов в качестве административно-самостоятельной единицы, пусть даже и подчиненной городскому самоуправлению, в Финляндии существенно задерживалась. Очевидно, что это было связано с нежеланием городской власти создавать соответствующие структуры, за исключением самых необходимых шагов.

С другой стороны, Российская империя не видела необходимости создания по собственному образцу в Финляндии государственных портовых администраций. Очевидно, потому что данный процесс мог вызвать недовольство изменением правового статуса припортовых городов. В результате, государственные торговые порты и их администрации появились в Финляндии позже, нежели в России [4].

В то же время сложный и дорогостоящий процесс строительства торговых каналов и железнодорожных путей [5] со всей очевидностью показал невозможность передачи в руки торговых объединений, компаний, лиц, крупных торговых портов, в связи с отсутствием у них должного количества необходимых средств для развития портовой инфраструктуры, а также возможного ущемления интересов мелких и средних предпринимателей.

Можно также упомянуть о том, что в 1894 г. в Южной гавани появилась первая ветка железной дороги, а вместе с ней и первый подъемный кран. В 1895 г. припортовая дорога дошла до Катаяноки [6].

Тем не менее проблемы существовали, и решать их было необходимо. Среди таких попыток в отношении порта Хельсинки можно упомянуть решение соответствующего губернатора от 4 июля 1907 г. об утверждении правила железнодорожного движения в порту [7, с. 385].

В данном случае сложно определить, кто именно был инициатором создания данных Правил – сам губернатор, городское управление или же правление железной дороги, но очевидно, что: 1) в наведении определенного порядка были заинтересованы все стороны; 2) внедрение подобных норм в иных портах являлось обычной практикой [8, с. 320 – 436].

В частности, данные правила касались запрета на привязь лошадей в отдельных местах, с возложением ответственности на нарушение данного правила на самих нарушителей; констатировалось право персонала железной дороги издавать необходимые правила, а иным сторонам предписывалось соблюдать их.

Таким образом, город снял с себя обязанность регулировать данные отношения, полностью оставив их во власти железнодорожной администрации [9].

Несколько иначе обстояло дело с управлением водным транспортом порта. Как известно, первый капитан порта Хельсинки был назначен в 1839 году, что дало существенный толчок строительству порта. В то же время первые правила гавани Хельсинки и Статут капитана порта были изданы еще в 1845 году. Создание и внедрение соответствующих нормативных актов в данном направлении продолжались и в последующие годы.

Так, более совершенный нормативный акт в отношении данного порта был утвержден Императорским сенатом 15 января 1879 г., а 23 апреля и 1 ноября 1887 года в него были внесены необходимые поправки.

В данном нормативном акте в § 1 устанавливались границы порта, в § 2 предписывалось, что порядок в портовом районе контролируется капитаном порта и находящимися под его командованием начальником порта и портовыми служащими (п. 2.1). Основной задачей капитана порта объявлялось: сохранение правопорядка в порту, в том числе в ходе его

развития (строительства); взаимодействие с городской финансовой палатой, представители которой находились в офисе порта (Южная гавань) (п. 2.2).

Все финансовые дела (сборы за грузы, учет, налоги и т.п.) были основной задачей капитана порта, которая стояла выше его иных обязанностей (контроль деятельности портовых служащих и сторожей; служебные взаимоотношения с моряками).

Начальник порта с двумя портовыми констеблями, размещенный в Сернасе, должен был следить за порядком в порту, в том числе за процессом погрузочно-разгрузочных работ, строго соблюдая соответствующие предписания по этому вопросу (п. 2.4).

Основные финансовые вопросы в работе порта возлагались на бухгалтера, несшего персональную ответственность за результаты своего труда (п. 2.3).

При этом офисы городского порта были открыты в течение судоходного сезона каждый будний день для получения необходимых уведомлений (п. 2.5) [7, с. 137]. Обычное время работы офисов – с 6.00 до 18.00, однако оно могло меняться в зависимости от длины светового дня. В холодное время года, когда порты замерзали, действовал лишь один офис в Южной гавани, время действия которого регулировалось городскими комиссарами.

Капитан порта, согласно положению, устанавливал место стоянки военных и торговых судов, право их входа [7, с. 138]; положением также ограничивалась скорость движения в порту, порядок поднятия на борт заинтересованных лиц после установления таможенного надзора (§ 3); порядок регистрации прибывших судов, их перестановки (§ 4) [7, с. 139]; приписанным к порту судам следовало сообщать о возможном изменении тоннажа; соблюдать правила перевозки пассажиров; предоставлять необходимую информацию о грузе и экипаже судна капитану порта.

Специфику оформления и производства в порту погрузочно-разгрузочных операций устанавливал § 6, порядок самообозначения судов с легко воспламеняемыми и взрывчатыми веществами, место их разгрузки определял § 7.

Ответственным за исправное состояние выгруженных товаров объявлялся их получатель – § 8 Положения [7, с. 142]; устанавливалась специфика хранения груза на непригодных участках порта; порядок поиска владельца не востребовавшего товара, продажа такого товара; порядок передвижения по территории порта, выгрузки балласта и мусора и т.п. [7, с. 143], в том числе рубка леса, купание, противопожарные меры (§ 10) [7, с. 144–145]; оговорен запрет на самовольное строительство (§ 11), порядок удаления или ремонта затонувшего плавсредства (§ 12) [7, с. 145]; порядок оплаты портовых сборов (§ 14).

Отдельно определялся порядок перестановки судов и их перемещения из одного порта в другой портовыми констеблями, которые назначались по предложению капитана порта и ему же подчинялись (§ 15) [7, с. 146–147].

В данном контексте следует отметить, что определение границ торговых портов в иных регионах в Российской империи произошло гораздо позже, а фактически была оформлена уже в советский период [8, с. 78 – 85], хотя, безусловно, данный процесс происходил активно и в начале XX в.

в ходе оформления портовых управлений и, соответственно, портовой территории.

Кроме того, следует указать на то, что в Хельсинки была задействована одноступенчатая система управления торговым портом, вместо применявшейся в Российской империи двухступенчатой. В частности, согласно положению об административном заведывании торговым мореходством и портовой полиции в приморских торговых портах от 7 мая 1891 г., руководство торговых портов состояло из портового присутствия, портового управления, капитана порта. Кроме того, положение от 7.05.1891 однозначно определяло власть портовой администрации не только над территорией порта, но и портовыми водами – «как портовые воды (гавань, рейд), так и прибрежное в приморской местности пространство, занятое портовыми сооружениями: пристанями, молами и набережными, и вообще все морское побережье, служащее для целей торгового мореходства и морских промыслов» [8, с. 392].

Основная разница, как нам представляется, в том, что: 1) портовые управления создавались государством, а не муниципалитетом (как в Хельсинки), и именно государство имело право распоряжения всей необходимой территорией; 2) портовые управления в Российской империи имели высшее руководство в лице губернатора, обычно редко вмешивавшегося в их деятельность и осуществлявшего скорее надзорные функции; 3) коллегиальность управления торговым портом по положению от 7.05.1891 лишь разделяла зоны ответственности всех установленных управленческих органов, таким образом упрощая деятельность важнейших и крупнейших торговых портов между капитаном порта и остальной администрацией.

Подобный подход позволил капитану сосредоточиться на разрешении ежедневных важнейших задач – заниматься управлением всех находящихся, приходящих и уходящих судов, их установкой, переустановкой, контролем за приходом и отходом, соблюдением ими таможенных и карантинных формальностей и т.п.

Одним из важнейших, по нашему мнению, положительных отличий норм порта Хельсинки стало определение подчиненных капитану портов так называемых комиссаров, исполнявших лоцманские функции на портовой территории. Разрешение данной простой задачи в Российской империи происходило сложнее из-за конфликтов с администрацией лоцманов и военно-морским ведомством.

Заключение

Таким образом, правовую организацию административного управления торгового порта Хельсинки в конце XIX – начале XX вв. условно можно разделить на три основные части: 1) управление капитана порта; 2) управление города; 3) таможенное управление.

Основные административные полномочия между собой разделяли капитан порта и городская власть, в то же время основное время по обеспечению должного правопорядка в порту (полицейского, административного, технического и т.п.) все же возлагалось на капитана порта, как это было принято в исследуемый период во многих морских портах иных стран.

К недостаткам рассмотренных положений и норм следует отнести: недостаточное определение взаимодействия и разграничения ответственности между портовым управлением и железнодорожным ведомством; отсутствие четких критериев пропуска на территорию порта и нахождения различных лиц; весьма общие предписания относительно полицейских функций капитана порта, отсутствие у ответственных служащих необходимого вооружения и т.п. Впрочем, последнее замечание скорее вызвано: а) непосредственной принадлежностью портовой территории к городу, что автоматически распространяло на нее деятельность городской полиции; б) осуществлением охраны складов и товаров их собственниками, а судов экипажами.

Отдельно следует отметить отстранение администрации порта от большинства вопросов технической безопасности, не связанных с входом-выходом судов, их швартовкой, опасностью груза; отсутствием права разрешать мелкие споры на местах и т.п.

Список литературы

1. **Гаук А. М.** Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелист (Финляндия) во второй половине XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 8 – 13.

2. **Гаук А. М.** Правовое регулирование деятельности Сайменского канала во второй половине XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73), № 1. С. 16 – 21.

3. **Kohi Pertti.** Maa-ja vesi rakennustoiminta Suomessa 1900 – 1960. Land and waterway construction in Finland. Suomen Pankki Helsinki. Helsinki: Uudenmaan Kirjapaino Oy, 1977. 60 s.

4. **Клименко Е. П.** Правовое регулирование погрузочно-разгрузочной деятельности в торговых портах СССР и Финляндии в 1920 – 1930-х гг. (сравнительно-правовой аспект) // Наука в современном информационном обществе: материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф. 11–12 июля 2022 г. Bengaluru, India, 2022. С. 162 – 166.

5. **Marika Tandefelt** (red.) Finländsk svenska från 1860 till nutid. Svenskan i Finland – i dag och i går III:2. Helsingfors, 2019. 458 s. URL: <https://www.sls.fi/sites/default/files/publications/pdf/2542.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

6. **Port of Helsinki.** URL: <https://www.portofhelsinki.fi/en/port-helsinki> (дата обращения: 01.11.2022).

7. **Helsingin Satamahallitus.** Helsingin Kaupungin. Kunnallinen Asetuskokoelma. Sisältää. 1911. Vuoden loppuun asti annetut kunnalliset asetukset. Helsinki, 1914. 708 s. URL: https://www.hel.fi/static/tieke/digitoidut_asiakirjat/helsingin_kaupungin_kunnalliset_asetuskokoelmat/pdf/Kunnallinen_asetuskokoelma_1911.pdf (дата обращения: 01.11.2022).

8. **Змерзлый Б. В.** Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. 512 с.

9. **Высочайшая** Его Императорского Величества Инструкция для управления железных дорог в Финляндии. 25 июля 1877 г. № 20, 4 ½ листа, печатан в Гельсингфорсе, 17 декабря 1877 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии, 1895. С. 1 – 25.

10. **Любинецкий А. Н.** Установление границ морских торговых портов и их статус в СССР в 1920 – 1930-х гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3(60), № 3. С. 78 – 85.

References

1. **Gauk A.M.** [Legal regulation of the activities of canals and locks of the Pielist River (Finland) in the second half of the 19th century.], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences], 2020, vol. 6 (72), no. 2, pp. 8-13. (In Russ.).

2. **Gauk A.M.** [Legal regulation of the Saimaa Canal in the second half of the XIX century], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences], 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 16-21. (In Russ.).

3. **Kohi Pertti.** Land and waterway construction in Finland 1900-1960. Land and waterway construction in Finland. Bank of Finland Helsinki. Helsinki: Uusimaan Kirjapaino Oy, 1977. 60 p. (In Fin.).

4. **Klimenko Ye.P.** [Legal regulation of loading and unloading activities in the commercial ports of the USSR and Finland in the 1920s - 1930s. (comparative legal aspect)], *Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve: materialy XXIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science in the modern information society: materials of the XXIX Intern. scientific-practical. conf.], July 11-12, 2022. Bengaluru, India, 2022, pp. 162-166. (In Russ.).

5. **available at:** <https://www.sls.fi/sites/default/files/publications/pdf/2542.pdf> (accessed 01 November 2022).

6. **available at:** <https://www.portofhelsinki.fi/en/port-helsinki> (accessed 01 November 2022).

7. **available at:** https://www.hel.fi/static/tieke/digitoidut_asiakirjat/helsingin_kaupungin_kunnalliset_asetuskokoelmat/pdf/Kunnallinen_asetuskokoelma_1911.pdf (accessed 01 November 2022).

8. **Zmerzlyy B.V.** *Pravovoye regulirovaniye torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale XX vv.* [Legal regulation of merchant shipping in the Black Sea-Azov region in the late 18th - early 20th centuries], Simferopol': Predpri-yatiye Feniks, 2014. 512 c. (In Russ.).

9. **available at:** [Postanovleniye o perezovzke zaklyuchennykh – Vikiteka \(fi-wikisource-org. translate.goog\)](https://www.wikisource.org/translate.goog) (accessed 01 November 2022).

10. **Lyubinetskiy A.N.** [Establishment of the boundaries of commercial sea ports and their status in the USSR in the 1920-1930s], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo uni-versiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences], 2017, vol. 3(60), no. 3, pp. 78-85. (In Russ.).

Formation of the Legal Basis for the Activities of the Commercial Port of Helsinki in the End of the 19th – early 20th Centuries

E. P. Klimenko, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of History and Theory of Law,
Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol', Russia;
kep65@bk.ru*

The legal organization of the administration of the commercial port of Helsinki at the end of the 19th – early 20th century is conditionally divided into the following parts: 1) harbor captain administration; 2) city administration; 3) customs administration. The main administrative powers were shared between the harbor captain and the city authorities; at the same time, most of the time to ensure proper law and order in the port (police, administrative, technical, etc.) was nevertheless assigned to the harbor captain, as was customary in the study period in many seaports of other countries. The shortcomings of the existing regulations and norms include insufficient definition of interaction and delimitation of responsibility between the port authority and the railway department; lack of clear criteria for admission to the port territory and the presence of various persons; very general regulations regarding the police functions of the harbor master, the lack of necessary weapons for responsible employees, etc. However, the last remark is more likely caused by: a) the direct belonging of the port area to the city, which automatically extended the activities of the city police to it; b) the implementation of the protection of warehouses and goods by their owners, and ships by crews. Particularly noted is the removal of the port administration from most technical safety issues not related to the entry and exit of ships, their mooring, the danger of cargo; lack of the right to resolve minor disputes locally, etc.

Keywords: commercial port of Helsinki; legal regulation; port administration; port captain; relationships; port area.

© Е. П. Клименко, 2022

Статья поступила в редакцию 01.07.2022

При цитировании использовать:

Клименко Е. П. Формирование правовой базы деятельности торгового порта Хельсинки в конце XIX – начале XX вв. // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 4. С. 447 – 454. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.447-454

Статья является продолжением исследования, посвященного правовым вопросам эволюции системы обучения рабочих и профессионального образования в ПТУ в Советском Союзе. Рассмотрены актуальные правовые вопросы профессионального образования и профессионального обучения в России в 1996 – 2012 гг. Суммирована нормативная база, лежащая в основе образовательного процесса и форм организации образования, сформулированы тренды эволюции правового регулирования в означенной области, обозначены принципиальные точки соприкосновения правового регулирования в области профессионального образования и трудового права.

Ключевые слова: профессиональное образование; профессиональное обучение; Россия 1996 – 2012 гг.; правовое регулирование; концепция и национальная доктрина модернизации российского образования.

Алексей Яковлевич Петров, д-р юрид. наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
alexey.petrov@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В РОССИИ (1996 – 2012 гг.): ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Введение

Профессиональное образование как институт трудового права чрезвычайно исторически укоренен [2, 3]. Исторический обзор нормативной базы профессионального образования в России дан в предыдущих публикациях [например, 4]. Отмечено, что «правовые явления нужно изучать в их историческом развитии. Сегодняшние правовые реалии определяются правовым прошлым. Более того, правовые реалии сегодняшнего дня в значительной мере диктуют завтрашний день».¹

Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» внес определенный вклад в развитие профессионального образования (*далее – Закон*)².

Примечательно, что в соответствии со ст. 2 Закона государственная политика в области высшего и послевузовского профессионального образования основывалась, в частности на *принципах непрерывности и преемственности процесса образования*.

Гражданам Российской Федерации гарантировалось получение на конкурсной основе бесплатного высшего и послевузовского профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях высшего профессионального образования в пределах федеральных государственных образовательных стандартов, федеральных

¹ См. Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 8.

² Утратил силу; см. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 275 – ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

государственных требований и устанавливаемых в соответствии с п. 4 ст. 5 Федерального закона образовательных стандартов и требований, если образование данного уровня гражданин получал впервые.

Ст. 6 Закона предусматривала, что получение образования по следующим образовательным программам высшего профессионального образования рассматривается как получение второго высшего профессионального образования:

– по программам бакалавриата или программам подготовки специалиста – лицами, имеющими диплом бакалавра, диплом специалиста, диплом магистра;

– программам магистратуры – лицами, имеющими диплом специалиста, диплом магистра, если иное не установлено федеральными законами³.

Согласно ст. 11 Закона, учебная и производственная практика, предусмотренная федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования, осуществлялась на основе договоров между высшими учебными заведениями и предприятиями, учреждениями и организациями, в соответствии с которыми указанные предприятия, учреждения и организации независимо от их организационно-правовых форм обязаны были предоставлять места для прохождения практики студентов высших учебных заведений, имеющих государственную аккредитацию.

Ст. 17 Закона закрепила гарантии и компенсации, предоставляемые лицам, совмещающим учебу в высшем учебном заведении с работой.

Так, лицам, успешно обучающимся в имеющих государственную аккредитацию высших учебных заведениях независимо от их организационно-правовых форм по заочной и очно-заочной (вечерней) формам, по месту их работы предоставляются дополнительные отпуска с сохранением средней заработной платы, начисляемой в порядке, установленном для ежегодных отпусков (с возможностью присоединения дополнительных учебных отпусков к ежегодным отпускам):

– для сдачи зачетов и экзаменов на первом и втором курсах соответственно по сорок календарных дней, на последующих курсах соответственно по пятьдесят календарных дней;

– подготовки и защиты дипломного проекта (работы) со сдачей государственных экзаменов четыре месяца;

– сдачи государственных экзаменов один месяц.

Дополнительные отпуска без сохранения заработной платы по месту работы предоставлялись:

– лицам, допущенным к вступительным испытаниям в высшие учебные заведения, пятнадцать календарных дней;

– слушателям подготовительных отделений при высших учебных заведениях для сдачи выпускных экзаменов пятнадцать календарных дней;

³ Для трудового права представляется важной норма ст. 6 Закона о том, что квалификация (степень) «бакалавр», квалификация (степень) «специалист», квалификация (степень) «магистр» при поступлении на работу дают гражданину право претендовать на занятие должности, для которой квалификационными требованиями предусмотрено высшее профессиональное образование, если иное не установлено федеральными законами.

– студентам высших учебных заведений очной формы обучения, совмещающим учебу с работой, для сдачи зачетов и экзаменов пятнадцать календарных дней в учебном году.

Студентам, обучающимся по заочной форме в высших учебных заведениях, которые имеют государственную аккредитацию, один раз в учебном году организация-работодатель оплачивает проезд к месту нахождения высшего учебного заведения и обратно для выполнения лабораторных работ, сдачи зачетов и экзаменов, а также для сдачи государственных экзаменов, подготовки и защиты дипломного проекта (работы).

Для работников предприятий, учреждений и организаций независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, совмещающих учебу в высших учебных заведениях с работой, коллективным договором или трудовым договором (контрактом) могли предусматриваться нормы (обязательства) об увеличении продолжительности дополнительных отпусков, о предоставлении отпуска с сохранением заработной платы вместо отпуска без сохранения заработной платы и иные меры поддержки⁴.

При обучении студента, совмещающего учебу с работой одновременно в двух высших учебных заведениях, указанные выше гарантии и компенсации могли иметь место только по одному из этих высших учебных заведений (по выбору студента).

В соответствии со ст. 19 Закона лицам, допущенным к вступительным испытаниям в аспирантуру, предоставлялись отпуска продолжительностью тридцать календарных дней с сохранением средней заработной платы по месту работы.

Аспиранты, обучающиеся в аспирантуре по заочной форме обучения, имели право на ежегодные дополнительные отпуска по месту работы продолжительностью тридцать календарных дней с сохранением средней заработной платы.

К ежегодному дополнительному отпуску аспиранта добавлялось время, затраченное на проезд от места работы до места нахождения аспирантуры и обратно с сохранением средней заработной платы. Указанный проезд оплачивала организация-работодатель.

Аспиранты, обучающиеся в аспирантуре по заочной форме обучения, имели право соответственно на один свободный от работы день в неделю с оплатой его в размере 50 % получаемой заработной платы, но не ниже 100 рублей. Организация-работодатель была вправе предоставлять аспирантам по их желанию на четвертом году обучения дополнительно не более двух свободных от работы дней в неделю без сохранения заработной платы.

За докторантами сохранялись все права по месту работы, которые они имели до поступления в докторантуру (права на получение жилой площади, присвоение ученого звания и др.), а также право на возвращение на прежние места работы.

Для завершения диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук или доктора наук работникам предприятий, учреждений и организаций по месту работы могли предоставляться отпуска с сохранением зара-

⁴ Словосочетание «иные меры поддержки» в силу неопределенности неприемлемы для права вообще и для трудового права, в частности (*прим. автора*).

ботной платы продолжительностью соответственно три или шесть месяцев в порядке, установленном положениями об аспирантах, докторантах и соискателях.

Соискатели, работающие над диссертациями на соискание ученой степени доктора наук и имеющие значительные научные результаты по актуальным социально-экономическим проблемам или приоритетным направлениям фундаментальных научных исследований, могли быть переведены на должности научных работников на срок до двух лет для подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук. За соискателями, переведенными на должности научных работников, сохранялись получаемые ими должностные оклады и право на возвращение на прежние места работы.

Закон предусматривал:

- что научно-педагогические работники высшего учебного заведения обязаны систематически заниматься повышением своей квалификации⁵;
- государство гарантирует создание необходимых условий для повышения квалификации не реже чем один раз в пять лет научно-педагогических работников государственных высших учебных заведений и научно-педагогических работников государственных научных учреждений (организаций), действующих в системе высшего и послевузовского профессионального образования.

В целях обеспечения организаций народного хозяйства специалистами в области управления и организации производства, отвечающими современным требованиям экономики и стандартам образования указом Президента РФ от 23 июля 1997 г. № 774 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации» были закреплены правила:

- 1) о направлении на конкурсной основе на переподготовку, повышение квалификации ежегодно не менее 5000 специалистов;
- 2) подготовке и стажировке за рубежом управленческих кадров в соответствии с соглашениями с иностранными государствами, а также с международными и национальными органами и организациями.

С 1997 года начинается этап формирования дополнительных профессиональных образовательных программ. Приказом Минобразования России от 18 июня 1997 г. № 1221 утверждены «Требования к содержанию дополнительных профессиональных образовательных программ» (далее – Приказ), регламентирующие организацию повышения квалификации, профессиональной переподготовки и стажировки, их учебно-методическое обеспечение.

В Приказе предусматривалось, что повышение квалификации проводится в течение всей трудовой деятельности работников, а периодичность повышения квалификации устанавливается работодателем и определяется по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет.

Повышение квалификации могло осуществляться как краткосрочное тематическое обучение, тематические и проблемные семинары, длитель-

⁵ Вместо словосочетания «систематически заниматься повышением своей квалификации» следовало бы – «систематически повышать свою квалификацию» (прим. автора).

ное обучение для углубленного изучения актуальных проблем или приобретения профессиональных навыков, самостоятельное обучение, обучение по индивидуальным программам.

Повышение квалификации заканчивалось сдачей соответствующего зачета, экзамена, защитой реферата или итоговой работы. Слушатели, выполнившие все требования учебного плана, получали соответствующий документ (удостоверение или свидетельство о повышении квалификации).

Профессиональная переподготовка должна была проводиться как длительное обучение по учебным программам, необходимым специалисту для выполнения нового вида профессиональной деятельности. Форма и сроки обучения устанавливались в соответствии с целями обучения.

Организация стажировки регулировалась работодателем (периодичность, продолжительность, содержание).

Стажировка носила индивидуальный характер и могла предусматривать:

- самостоятельную теоретическую подготовку;
- приобретение профессиональных и организаторских навыков;
- изучение организации и технологии производства, работ;
- непосредственное участие в планировании работы организации;
- работу с технической, нормативной и другой документацией;
- выполнение функциональных обязанностей должностных лиц (в качестве временно исполняющего обязанности или дублера);
- участие в совещаниях, деловых встречах и др.

По результатам прохождения стажировки стажеру должен был выдаваться документ о краткосрочном или длительном повышении квалификации в зависимости от сроков обучения.

Стажировка рассматривалась как самостоятельный вид профессионального обучения.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 213 «О внесении изменений и дополнений в Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов» был принят приказ Минобразования России от 06 сентября 2000 г. № 2571 «Об утверждении Положения о порядке и условиях профессиональной переподготовки специалистов»⁶.

Данным нормативно-правовым актом *профессиональная переподготовка специалистов была признана самостоятельным видом дополнительного профессионального образования*, проводилась с учетом профиля полученного образования специалистов и осуществлялась образовательными учреждениями повышения квалификации и подразделениями обра-

⁶ Утратил силу с 15 ноября 2013 г. на основании приказа Минобрнауки России от 18 сентября 2013 г. № 1074 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

См. также постановление Правительства Российской Федерации от 22 июня 1999 года № 659 «О мерах по поддержанию занятости населения», в котором указывалось на необходимость расширения направления профессиональной переподготовки специалистов в целях повышения их профессиональной мобильности с учетом изменения ситуации на рынке труда // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

зовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования по дополнительным профессиональным образовательным программам двух типов, один из которых обеспечивал совершенствование знаний специалистов для выполнения нового вида профессиональной деятельности, другой – для получения дополнительной квалификации.

Профессиональная переподготовка для выполнения нового вида профессиональной деятельности осуществлялась на основании установленных квалификационных требований к конкретным профессиям или должностям.

Профессиональная переподготовка для получения дополнительной квалификации проводилась по дополнительным профессиональным образовательным программам, формируемым в соответствии с государственными требованиями к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для присвоения дополнительной квалификации. Дополнительные профессиональные образовательные программы для получения дополнительной квалификации могли осваиваться параллельно с освоением основных образовательных программ по направлениям или специальностям высшего или среднего профессионального образования.

Профессиональная переподготовка специалистов проводилась с отрывом от работы, без отрыва от работы, с частичным отрывом от работы. Формы профессиональной переподготовки устанавливались образовательным учреждением в зависимости от сложности образовательных программ и в соответствии с потребностями заказчика на основании заключенного с ним договора.

Профессиональная переподготовка специалистов проводилась на базе высшего и среднего профессионального образования.

Нормативный срок прохождения профессиональной переподготовки специалистов:

– для выполнения нового вида профессиональной деятельности свыше 500 часов аудиторных занятий;

– получения специалистами дополнительной квалификации не менее 1000 часов трудоемкости [1, 5, 6]⁷.

В учебных планах профессиональной переподготовки специалистов в качестве одного из разделов могла предусматриваться стажировка слушателей. Стажировка проводилась в целях формирования и закрепления на практике профессиональных знаний, умений и навыков, полученных в результате теоретической подготовки. Она предусматривала изучение передового опыта, приобретение профессиональных и организаторских навыков для выполнения новых профессиональных обязанностей.

Стажировка специалистов могла проводиться как в Российской Федерации, так и за рубежом, на предприятиях (объединениях), в ведущих научно-исследовательских организациях, образовательных учреждениях, консультационных фирмах и в органах исполнительной власти⁸.

⁷ Термин «трудоемкость» вряд ли уместен в трудовом праве. В принципиальном смысле это не юридическая, а экономическая категория (*прим. автора*).

⁸ См. рекомендации Минобрнауки России от 21 ноября 2000 года, № 35-52-172 ин/35-29 «Об итоговой государственной аттестации слушателей образовательных учреждений дополнительного профессионального образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

С 1997 по 2011 годы Правительством РФ были разработаны концепции и доктрина, направленные на реформирование и модернизацию российского образования⁹.

В частности, Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года определяла основные направления и первоочередные меры образовательной политики и ставила целью обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Национальная доктрина образования в Российской Федерации провозглашала основную цель образования – подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов. При этом перед государством ставились, в частности, такие задачи, как обеспечение светского характера образования, обеспечение высокой занятости трудоспособного населения, прежде всего молодежи, создание условий для профессиональной подготовки и переподготовки работающего населения, высвобождаемых работников и безработных граждан и др.

В постановлении Правительства РФ от 23 декабря 2005 г. № 803 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006 – 2010 годы» отмечалось:

– в системе образования продолжают развиваться такие негативные тенденции, как система профессионального образования не полностью соответствует структуре потребностей рынка труда, не получает должного развития система непрерывного профессионального образования, что сдерживает технико-технологическое обновление экономики, не позволяет эффективно модернизировать социальную сферу;

– высшее образование слабо интегрировано с научной деятельностью¹⁰.

В постановлении Правительства РФ от 07 февраля 2011 г. № 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011 – 2015 годы» подчеркивалось, что для современного российского образования характерно несогласование номенклатуры предоставляемых образовательных услуг и требований к качеству и содержанию образования со стороны рынка труда. Наиболее ярко это выражено в профессиональном и непрерывном образовании.

Проблемным продолжало оставаться начальное профессиональное образование. Попытки реформирования начального профессионального образования, нацеленные на усиление его социальной направленности, не дали должного эффекта¹¹.

⁹ См. постановление Правительства РФ от 21.07.1997 № 908 «О Концепции реформирования системы начального профессионального образования // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3647; постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 41. Ст. 4089; распоряжение Правительства РФ от 29.12.2001 № 1756-р «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. II). Ст. 119.

¹⁰ СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 186.

¹¹ СЗ РФ. 2011. № 10. Ст. 1377.

Трудовой кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 01 февраля 2002 г., впервые в истории трудового права предусматривал специальный раздел, посвященный регулированию профессиональной подготовки, переподготовки и повышению квалификации работников, а также гл. 26 «Гарантии и компенсации работникам, совмещающим работу с обучением».

В декабре 2012 г. был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹², который существенно изменил систему профессионального образования, а также определил новые подходы к их развитию.

Заключение

Таким образом, история правового регулирования профессионального образования и обучения – это опосредованное нормами российского права становление и развитие отношений между обучаемыми и обучающими у мастера, в мастерских и ремесленных школах, на производстве и предприятии, в организации, фабрично-заводских училищах, профессионально-технических училищах, техникумах и вузах. При этом на всех этапах отечественной истории система профессионального образования и обучения формировалась в соответствии с социально-экономической ситуацией в стране и политикой государства.

Список литературы

1. **Бондарь А. Л.** Правовое регулирование образовательно-трудовых отношений в условиях перехода к рыночной экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 25 с.
2. **История профессионального образования в России:** учеб. пособие / С. Я. Батышев и др.; под науч. ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова, Е. Г. Осовского. М.: Профессиональное образование, 2003. 663 с.
3. **Новикова Н. В.** Правовое регулирование отношений по повышению квалификации в России: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2007. 25 с.
4. **Петров А. Я.** Профессиональное образование и обучение работников (персонала): правовые основы: учебник. М.: Юрайт, 2019. 317 с.
5. **Сойфер В. Г.** Проблемы правового регулирования профессионального образования персонала // Законодательство и экономика. 2008. № 3. С. 76 – 81.
6. **Шкатулла В. И.** Образовательное законодательство: теоретические и практические проблемы. Общая часть. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 1997. 164 с.

References

1. **Bondar' A.L.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Yekaterinburg, 1999, 25 p. (In Russ.).
2. **Batyshev S.Ya. et al. Batyshev S.Ya., Novikov A.M., Osovskiy Ye.G. (Eds.)**. *Istoriya professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [History of vocational education in Russia], Moscow: Professional'noye obrazovaniye, 2003, 663 p. (In Russ.).
3. **Novikova N.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Perm', 2007, 25 p. (In Russ.).

¹² СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

4. **Petrov A.Ya.** *Professional'noye obrazovaniye i obucheniye rabotnikov (personala): pravovyye osnovy* [Vocational education and training of workers (personnel): legal foundations], Moscow: Yurayt, 2019, 317 p. (In Russ.).

5. **Soyfer V.G.** [Problems of legal regulation of professional education of personnel], *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and economics], 2008, no. 3, pp. 76-81. (In Russ.).

6. **Shkatulla V.I.** *Obrazovatel'noye zakonodatel'stvo: teoreticheskiye i prakticheskiye problemy. Obshchaya chast'* [Educational legislation: theoretical and practical problems. A common part], Moscow: Issled. tsentr problem kachestva podgot. spetsialistov, 1997, 164 p. (In Russ.).

Professional Education and Professional Training in Russia (1996 – 2012): Legal Aspects

A. Ya. Petrov, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
alexey.petrov@yandex.ru

The article is a continuation of a study devoted to the legal issues of the evolution of the system of training workers and vocational education in vocational schools in the Soviet Union. Topical legal issues of vocational education and vocational training in Russia in 1996 – 2012 are considered. The normative base underlying the educational process and forms of organization of education is summarized, trends in the evolution of legal regulation in the designated area are formulated, and the fundamental points of contact between legal regulation in the field of vocational education and labor law are identified.

Keywords: vocational education; professional education; Russia 1996 – 2012; legal regulation; concept and national doctrine of the modernization of Russian education.

© А. Я. Петров, 2022

Статья поступила в редакцию 04.07.2022

При цитировании использовать:

Петров А. Я. Профессиональное образование и профессиональное обучение в России (1996 – 2012 гг.): правовые аспекты // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 455 – 463. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.455-463

Проведено исследование теоретического и практического подходов к методам использования отдельных составляющих механизма публичных торгов, как виду правового инструмента антикризисного регулирования, основанного на внешнеполитической и внутриполитической ситуации; изменении законодательных актов Российской Федерации в части закупки товаров, работ и услуг для удовлетворения нужд государственных заказчиков и отдельных видов юридических лиц, целью которых является снижение пагубного эффекта от негативных факторов воздействия, основанных на анализе условий финансово-экономической и геополитической нестабильности.

Сформированная система взаимоотношений субъектов права, принимающих участие в организации и проведении публичных торгов, регламентирована не только узконаправленными нормативно-правовыми актами, но и закреплена нормами гражданского права. Механизмы обеспечения конкуренции требуют публично-правовой регламентации ввиду заложенной основы публичного характера проведения торговых процедур, составляющих основу конституционного строя России.

Проведенный анализ изменений правовой системы закупок в период внешнего давления, оказывающих отрицательный эффект на область публичных торгов, позволяет сформировать ключевые проблемы в правовом поле закупочных процедур, рассмотреть множество положительных и отрицательных факторов воздействия на ключевые показатели правового регулирования, которыми характеризуются потенциал и эффективность принимаемых правительством антикризисных мер.

Ключевые слова: государственные закупки; электронная торговая площадка; публичные торги; конкурсная процедура; единое положение о закупке; субъекты малого и среднего предпринимательства; национальный режим; единая информационная система; антикризисные меры; правовые инструменты антикризисных мер.

Александр Сергеевич Арапов, старший специалист,
отдел по организации и планированию закупочной деятельности,
АО «ТЗ «Ревтруд», Тамбов, Россия;
sashedoff@mail.ru

Татьяна Михайловна Лаврик, канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
lavriktan@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНЫХ ТОРГОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение

Существующая система публичных торгов – важное звено экономического развития Российской Федерации, на которое оказывают воздействие различные внешние факторы. Одним из них является уровень развития мировой торговли, выраженный в воздействии на отношения между участниками публичных торгов, находящие свое отражение в формировании требований к продукции, начальной максимальной цены товаров, работ и услуг, существенных условий исполнения договора и ответственности сторон, что фиксируется нормативно-правовыми актами законодательного органа государства.

Актуальность исследуемой темы научной статьи заключается в рассмотрении вопроса антикризисных мер не с точки зрения механизма стабилизации и развития российской экономики для достижения установленных плановых показателей, закрепленных указом Президента Российской Федерации, а с точки зрения изменения правового поля государства, за счет реализации которых они воплощаются в жизнь.

Изученность поставленной проблемы с точки зрения законодательства особо не рассматривается в научных журналах и публикациях. Изучаются узконаправленные темы по отдельно взятым операциям в сфере закупок (коррупционные составляющие, электронный документооборот, банкротство (как отдельный вид проведения публичных торгов), исполнение государственных контрактов и т.д.). Имеется упоминание о данных проблемах при изучении статей по направлению экономика и финансы [1, 2]. В данных работах исследуются математические модели финансовых показателей как следствие изменения правового поля публичных торгов. Целесообразность разработки данной темы заключается в комплексном подходе к изучению изменений публичных торгов с учетом различных факторов воздействия на сложившуюся систему.

Научная новизна выражена в комплексном рассмотрении правовых изменений, затрагивающих сферу торгов и их возможные последствия.

Цель статьи – раскрыть основные правовые инструменты, применяемые для решения смягчения негативных факторов воздействия в сформированной системе публичных торгов.

Задачи: рассмотреть принцип реализации механизмов правового регулирования публичных торгов и сформировать их практическую значимость.

Теоретическая значимость – рассмотрение эталонного применения механизмов правового регулирования системы публичных торгов.

Практическая значимость – рассмотрение возможных сценариев реализации механизмов правового регулирования системы публичных торгов на практике.

Механизмы регулирования системы публичных торгов

Для установления плановых показателей экономического развития России необходимо определить направление государственной политики в долгосрочной перспективе, в рамках которой формируется стратегия

развития государства, закреплённая указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

Реализация потенциала закупочной деятельности является катализатором достижения национальных целей развития, так как приобретает особую значимость в силу формирования во внешней среде комплекса факторов экономического, технологического, логистического и информационно-коммуникативного характера, которые непосредственно влияют на достижение поставленных целей, например увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых (до 25 млн человек), достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики, а также государственного управления и увеличения вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий.

Исходя из того, что все нормативно-правовые акты Российской Федерации составляют взаимосвязанную систему, то достижение целевых показателей в экономической сфере, как следствие, ведет к поэтапному преобразованию законодательной базы.

Одним из немаловажных этапов реформирования является преобразование системы публичных торгов, цель которых – выделение специфических требований для отдельных областей закупок и сфер деятельности, стандартизация условий и требований к размещаемым закупкам. При этом иногда кардинально меняется подход к правилам проведения закупки, но эти изменения имеют четкое объяснение с позиции тех функций государства, которые закреплёны Конституцией РФ.

При изучении и анализе основных принципов проведения торговых процедур, размещения заказов в публичном информационном поле возникает потребность в оперативном воздействии на сформированную правовую систему и совершенствование ее финансово-экономических показателей. При возникновении негативных внешних факторов, воздействующих на удовлетворение потребностей организаций, преобразования в данной сфере формируются в первую очередь в целях реализации комплекса антикризисных мер, направленных на сглаживание последствий социально-экономического дисбаланса.

В настоящее время правовую основу удовлетворения нужд в товарах, работах и услугах для различных хозяйствующих субъектов Российской Федерации составляют два нормативных правовых акта: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (*далее* – 44-ФЗ), основными субъектами которого являются государственные и муниципальные заказчики; Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (*далее* – 223-ФЗ) для заказчиков с долей государ-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

ственного участия. Указанные акты можно причислить к правовым инструментам воздействия на российскую экономику при реализации различных антикризисных мер, вводимых при воздействии внешних негативных факторов. Современная система нормативно-правовых актов закупочной деятельности характеризуется интеграцией всех основополагающих функций проведения торговых процедур в электронный вид, в том числе расширением принципов автоматизации процессов, увеличением количества потенциальных участников за счет размещения информации в общедоступных источниках, стандартизацией процессов на электронных площадках, закреплением исчерпывающего перечня требований к документам для предоставления в составе заявки.

Правовое регулирование исследуемого вопроса представляет собой одновременно важное и сложное сплетение законодательных и подзаконных актов, которые позволяют сформировать самый широкий круг поставщиков (подрядчиков, исполнителей), обеспечить состязательность и прозрачность процессов, снизить коррупционную составляющую, реализовать возможность жесткого контроля. Рассматривая причинно-следственные связи в торгово-закупочной деятельности, необходимо отметить, что увеличение конкуренции снижает цены, открытие доступа к закупкам в других регионах способствует развитию бизнеса, для контролирующих органов открытость и доступность информации дает возможность проводить камеральные проверки, а также выявлять нарушения в режиме онлайн по текущим закупкам, выдавать предписания об их устранении, не допуская тем самым нерационального, неэффективного или нецелевого использования денежных средств.

Верным представляется утверждение о том, что система публичных торгов не является статичной и постоянно меняет свой облик. Так, например, изменения законодательства в области закупок для государственных и муниципальных нужд, закрепленные Федеральным законом от 2 июля 2021 года № 360 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившие в силу с 1 января 2022 года, суть которых состоит в переводе основополагающих процессов контрактной системы в электронный вид документооборота, автоматизации различных этапов проведения государственных закупок.

Изменение порядка проведения процедур направлено на обеспечение эффективности, стабильности, единообразия в толковании и применении положений законодательства, исключение дублирования и избыточного регулирования закупочных процессов. Закон затрагивает вопрос автоматизации процессов с использованием различных информационных систем (единая информационная система (*далее* – ЕИС), региональные и муниципальные информационные системы, электронные торговые площадки), что оказывает прямое воздействие на совершенствование отдельных вопросов информационного обеспечения и организацию электронного документооборота.

Возложена ключевая роль на функциональные возможности ЕИС по следующим направлениям:

1) обмен документами (электронными уведомлениями при применении мер ответственности по контракту в ЕИС);

2) направление решений об одностороннем отказе от исполнения контракта (заказчик/поставщик) с помощью ЕИС;

3) заключение в электронной форме контракта со следующим участником после расторжения контракта с победителем.

Таким образом, процессы закупки товаров, работ и услуг функционально переведены в плоскость электронного документооборота. Исключением остаются только процедуры, сведения о которых составляют государственную тайну.

Отдельное внимание необходимо уделить исследованию правовой системы публичных торгов как инструменту реагирования на воздействие внешних негативных факторов, ответная реакция на которые выражается в формировании подзаконных актов Российской Федерации в рассматриваемой сфере. В качестве основных направлений совершенствования нормативно-правовых актов, регламентирующих закупочную деятельность и позволяющих сгладить последствия давления внешних факторов на количественную и качественную составляющую системы закупок, можно выделить следующие элементы:

– поддержку среднего и малого предпринимательства, осуществляющуюся через установление требования в приобретении товаров, работ и услуг в процентном соотношении от годового объема закупочных процедур Заказчика;

– применение национального режима в целях защиты внутреннего рынка Российской Федерации и развития национальной экономики, а также поддержки отечественных товаропроизводителей.

Субъекты малого и среднего предпринимательства являются катализатором экономического роста, это обусловлено возможностью быстрой адаптации к новым требованиям и повышению конкурентоспособности рынка, обеспечение трудовыми местами населения, наравне с крупными предприятиями и корпорациями, более простым механизмом внедрения передовых технологий и инноваций. В связи с этим данное направление является одним из приоритетных для поддержания стабильного роста экономики страны.

Основные положения правового регулирования сектора малого и среднего предпринимательства (*далее* – МСП) и социально ориентированных некоммерческих организаций в качестве субъектов закупочной деятельности устанавливаются различными нормативно-правовыми актами. Для государственных и муниципальных предприятий порядок закреплен в ст. 30 «Участие субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в закупках» 44-ФЗ, если рассматривать юридические лица с долей государственного участия, то это постановление Правительства РФ №1352 от 11.12.2014 года «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»².

² Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: постановление Правительства РФ от 11.12.2014 № 1352 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7438.

Функционально эти два документа идентичные, но содержат три принципиально разных взгляда на проведение торговых процедур.

Первая точка зрения характеризуется вовлечением в состязательный процесс субъектов МСП наравне с крупными корпорациями, иными словами любое юридическое лицо или несколько юридических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала либо любое физическое лицо или несколько физических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, в том числе индивидуальный предприниматель или несколько индивидуальных предпринимателей, выступающих на стороне одного участника закупки, могут стать субъектами системы закупок. При данном подходе возникает неравноправная конкуренция, которая выражается в противостоянии отработанной системы изготовления, контроля качества, проверенных технологий и гарантированного удовлетворения в потребности поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг, что подразумевает под собой увеличение себестоимости, и поставки товаров, работ и услуг, удовлетворяющих требованиям технического задания Заказчика, но имеющих сомнительное качество, надежность и т.д., но с меньшей себестоимостью. Особенно это выражается при закупке энергоемких и технологически сложных проектов, что заранее сводит на нет все преимущества, установленные законодательством, когда при реализации системных проектов важны качество, сроки и надежность.

Вторая точка зрения предполагает конкуренцию только между субъектами МСП. Регулирование данной процедуры закупки осуществляется множеством подзаконных актов, устанавливающих предельную стоимость проведения торгов, обеспечение исполнения договора, сроки оплаты и процентное соотношение совокупного объема закупок к закупкам у субъектов МСП. Здесь требуется вновь обратиться к изменениям, вступившим в силу в 2022 году и затронувшим наиболее широкий круг заказчиков, а именно субъектов 223-ФЗ:

– в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 07.07.2021 № 1125 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»³ годовой объем закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства (*далее* – МСП) устанавливается в размере не менее чем 25 % совокупного годового стоимостного объема договоров, заключенных за-

³ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 07.07.2021 № 1125 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5553.

казчиками по результатам закупок. При этом совокупный годовой стоимостной объем договоров, заключенных заказчиками с субъектами МСП, по результатам закупок участниками которых являются только субъекты МСП, должен составлять не менее чем 20 % совокупного годового стоимостного объема договоров, заключенных заказчиками по результатам закупок;

– в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 21.03.2022 № 417 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁴ максимальный срок оплаты по результатам закупки, должен составлять не более 7 рабочих дней со дня подписания заказчиком документа о приемке поставленного товара (выполненной работы, оказанной услуги) по договору.

Третья точка зрения тесно связана с обязанностью выполнения корпоративными заказчиками процентного соотношения, установленного в размере 25 % от совокупного годового объема закупок, выраженного в денежном соотношении, тем самым заставляет изначально просчитывать возможность привлечения для выполнения энергоемких и технологически сложных проектов субъектов МСП в качестве субподрядчиков. Данное условие о привлечении субподрядчиков, соисполнителей из числа субъектов МСП включается в договор с указанием объема такого привлечения, установленного в виде процента от стоимости договора. Данный подход обязывает привлекать к исполнению крупных проектов малое и среднее предпринимательство и социально ориентированные некоммерческие организации, что, как уже было описано ранее, имеет положительное влияние с экономической точки зрения за счет увеличения движения денежных средств и объема договоров с субъектами МСП, но также несет негативные последствия в реальном выражении результатов исполнения договорных обязательств, так как они не всегда обладают должным потенциалом для качественного выполнения договорных обязательств.

Применение национального режима в правовой системе закупок становится особенно актуальным в целях развития и формирования наиболее выгодных условий для российских производителей, создание для них экономически выгодных условий участия в закупках.

Порядок применения национального режима в процессе закупок имеет большое влияние в рамках удовлетворения нужд государственных и муниципальных заказчиков, а также законодательно закреплен постановлением Правительства РФ от 30.04.2020 № 616 «Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных госу-

⁴ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: постановление Правительства РФ от 21.03.2022 № 417 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 13. Ст. 2079.

дарств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства»⁵ и постановлением Правительства РФ от 30.04.2020 № 617 «Об ограничениях допуска отдельных видов промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁶.

Реализация данного порядка при проведении торговых процедур имеет три варианта использования его функциональных возможностей:

– полный запрет поставки импортной продукции. Под действие попадает продукция машиностроительной отрасли, легкой промышленности, программное обеспечение, мебельная продукция, а также товары с оборонным предназначением;

– ограничение допуска товаров иностранного производства. Под действие попадают лекарственные препараты, радиоэлектроника, медицинские изделия;

– предоставление преференций для товаров российского производства. При этом устанавливаются меры защиты от воздействия «внешних» хозяйствующих субъектов, не затрагивая взаимную торговлю в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза (*далее* – ЕАЭС).

Введение в правовую систему данных постановлений преследует цель увеличения доли продаж российского сегмента, привлечения на российский рынок субъектов из ЕАЭС, снижения доли закупок товаров двойного назначения иностранного производства, снижения зависимости оборонного комплекса от товаров иностранного производства, поддержания и роста российской экономики, обеспечения независимости от внешних факторов в целях национальной безопасности.

Особая роль в эпоху развития информационных технологий уделяется правилам приобретения в сфере закупок радиоэлектронной продукции. Так, в целях развития данной отрасли и объемов производства критически значимой продукции во всех сферах на территории Российской Федерации принято постановление Правительства РФ от 10.07.2019 № 878 «О мерах

⁵ Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства: постановление Правительства РФ от 30.04.2020 № 616 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 19. Ст. 2993.

⁶ Об ограничениях допуска отдельных видов промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: постановление Правительства РФ от 30.04.2020 № 617 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 19. Ст. 2994.

стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»⁷, которое устанавливает запрет заказчика на закупку продукции иностранного происхождения, а также продукции отечественного происхождения, если информация о такой продукции отсутствует в едином реестре российской радиоэлектронной продукции. На практике это выражается в отклонении всех заявок, содержащих предложения о поставке радиоэлектронной продукции, произведенной в иностранных государствах, если на участие в закупке подана одна (или более) заявка, удовлетворяющая требованиям извещения об осуществлении закупки и/или документации, содержащая предложение о поставке товара, произведенного в России или странах – членах ЕАЭС. При проведении аналогии процедуры закупок с участием субъектов МСП очевидно, что приобретение аналогичной продукции отечественного производства не всегда гарантирует ее надежность при использовании, что по факту может сводить на нет экономическую составляющую проведенной закупки.

Исходя из существующей нестабильности мировой экономики, следует проанализировать возникающие проблемы государственных и муниципальных заказчиков, основанные на невозможности удовлетворения своих потребностей в товарах, работах и услугах для обеспечения своей хозяйственной деятельности в связи со стремительным увеличением санкций в отношении России.

Так, изменение существенных условий контракта, предметом которого является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведению работ по сохранению объектов культурного наследия, заключенного до 31 декабря 2022 года, по независящим от сторон обстоятельствам без изменения согласованных в тексте соглашения положений невозможно, вводится механизм проведения их корректировки, который законодательно закреплен постановлением Правительства Российской Федерации от 19.12.2013 № 1186 «Об установлении размера цены контракта, предельного размера цены контракта, при которых или при превышении которых существенные условия контракта могут быть изменены по соглашению сторон на основании решения Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и местной администрации, в случае если исполнение

⁷ О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 10.07.2019 № 878 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29. Ст. 4023.

контракта по независящим от сторон контракта обстоятельствам без изменения его условий невозможно»⁸.

В целях сохранения конкурентного рынка для удовлетворения нужд в товарах, работах и услугах предусмотрены следующие послабления для исполнителей по заключенным контрактам:

– постановлением Правительства Российской Федерации от 04.07.2018 № 783 «О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом»⁹ предусмотрено списание сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), по контрактам, обязательства по которым не были исполнены в полном объеме в связи с существенным увеличением в 2022 году цен на строительные ресурсы;

– постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»¹⁰ предусмотрен отказ о включении информации о поставщике (подрядчике, исполнителе) (если основанием для направления обращения является расторжение контракта в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением поставщиком (подрядчиком, исполнителем) условий контракта) в реестр, если в результате проведения проверок надлежащее исполнение оказалось невозможным, вследствие обстоятельств непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств, в том числе в связи с введением политических или экономических санкций иностранными государствами, совершающими

⁸ Об установлении размера цены контракта, предельного размера цены контракта, при которых или при превышении которых существенные условия контракта могут быть изменены по соглашению сторон на основании решения Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и местной администрации, в случае если исполнение контракта по независящим от сторон контракта обстоятельствам без изменения его условий невозможно: постановление Правительства РФ от 19.12.2013 № 1186 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6887.

⁹ О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом: постановление Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 28. Ст. 4242.

¹⁰ О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5508.

недружественные действия в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, и (или) введением иностранными государствами, государственными объединениями и (или) союзами и (или) государственными (межгосударственными) учреждениями иностранных государств или государственных объединений и (или) союзов мер ограничительного характера. К таким обстоятельствам не относится отказ поставщика (подрядчика, исполнителя) от исполнения контракта по причине введения санкций и (или) мер ограничительного характера в отношении заказчика.

Итак, исследуя правовое регулирование системы публичных торгов, как инструмента, оказывающего влияние на экономическую составляющую Российской Федерации, можно сделать вывод, что приоритетным направлением является создание наиболее благоприятных условий субъектам МСП и социально ориентированных некоммерческих организаций в качестве стратегической составляющей функционального обеспечения постоянного экономического роста.

Однако у каждой благой цели есть и негативные последствия. Ограничение субъектного состава участников закупок приводит к увеличению закупок у субъектов малого и среднего бизнеса, но в то же самое время крупным поставщикам становится нерентабельно самостоятельно участвовать в торговых процедурах, так как постоянный спрос на продукцию есть со стороны субъектов МСП, которые выступают в роли перевалочного пункта между производителем и потребителем, что, в свою очередь, ведет к увеличению стоимости приобретаемой продукции, так как без своей выгоды никто ничего не делает.

Еще одним отрицательным фактором служит то, что зачастую заказчикам требуется поставка товара в малых количествах, что не идет в сравнение с перекупщиками, которые консолидируют потребность многих предприятий и формируют единый крупный заказ производителю, основной задачей которого является формирование портфеля заказов на непрерывную работу по одной номенклатуре, а заключение договоров напрямую нерентабельно и их не интересует.

Последним негативным фактором проводимой государством политики является сокращение производственных мощностей крупных производителей, так как гораздо выгоднее распределить производство комплектующих изделий между небольшими производствами и получать основную прибыль от финальных операций.

Заключение

Проведенный анализ большого количества нормативных правовых актов в области осуществления закупок на данном этапе развития публичных торгов, показывает, что законодательство имеет множество подходов (трактовок) и вариаций использования, что, в свою очередь, говорит о неоднородности их применения, так как не выработан единый порядок, нет последовательности введения правового регулирования с функциональным обеспечением их исполнения, следствием чего является множество ошибок и просчетов со стороны заказчика и поставщика.

Исследованная теоретическая часть введения специальных мер поддержки субъектов МСП показывает, что реализация данного подхода со стороны законодателей увеличивает движение денежных средств и объема договоров у них за счет обозначения требуемых показателей в годовом исчислении со стороны заказчика, это со стороны нормативно-правовой базы. Если транслировать введение данного механизма через призму финансово-экономической составляющей, то это обеспечение занятости населения, увеличение регионального валового внутреннего продукта и роста налоговой базы.

Исследование теоретической части применения национального режима и мер стимулирования производства радиоэлектронной продукции в эталонном варианте ведет к увеличению доли отечественной продукции на рынке высокотехнологичной продукции, что позволяет проводить модернизацию производства, новые исследования для снижения себестоимости продукции и обеспечения конкурентоспособности с иностранными аналогами. При рассмотрении идеальной реализации данного подхода должны снижаться затраты на ремонт и технологическое обслуживание данных товаров.

В практическом применении национального режима на территории Российской Федерации самой большой проблемой является бюрократическая составляющая, выраженная в необходимости подготовки большого количества документов для предоставления в профильные министерства, длительный срок рассмотрения, анализа и вынесения решения по ним, соблюдение порядка внесения в реестр или выдачи сертификата. Все это не способствует развитию участия поставщиков в публичных торгах, так как у многих есть сформированный круг покупателей, где условия диктуют рыночные отношения, а не законодательство, и оформление лишних документов, которые если и расширяют область продаж, то незначительно.

Второстепенным фактором является нежелание крупных заказчиков приобретать новую продукцию, не прошедшую проверку временем, так как это неизбежно ведет к новым сложностям в виде изменения конструкторской документации, создания опытных образцов, проведения технических испытаний на соответствие заданным параметрам и т.д., что в масштабах крупного производства приводит к увеличению стоимости выпускаемой продукции и угрозе срыва сроков сдачи продукции по заключенным договорам.

Тем не менее упрощение национального режима ставит под угрозу не только работу российских предприятий, но и возможность самостоятельного обеспечения жизненно необходимой продукцией страны, отрицательно влияет на российских производителей, а при отсутствии отечественного производства критически значимой продукции создается угроза зависимости от того или иного фактора.

В итоге изучения механизмов регулирования публичных торгов напрашивается вывод, что нововведения в закупочный механизм должны внедряться либо проработанные до всех мелочей с учетом внесения изменений в другие законодательные акты, которые будут влиять на коэффи-

циент полезного действия этих нововведений, либо проводить апробацию данных изменений на отдельно выделенных предприятиях или сферах, при реализации которых рассматриваются все отрицательные моменты и оценивается возможность их устранения до введения на всей территории.

Список литературы

1. **Смотрицкая И. И.** Государственные закупки в системе мер антикризисного регулирования экономики // ЭКО. 2009. №7 (421). С. 144 – 154.

2. **Смотрицкая И. И., Черных С. И.** Общественные закупки в системе мер антикризисного регулирования экономики: первые итоги и новые задачи // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 3. С. 7 – 22.

References

1. **Smotrinskaya I.I.** [Public procurement in the system of measures of anti-crisis regulation of the economy], *EKO* [EKO], 2009, no. 7 (421), pp. 144-154. (In Russ.).

2. **Smotrinskaya I.I., Chernykh S.I.** [Public procurement in the system of measures of anti-crisis regulation of the economy: first results and new tasks], *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: economic theory, analysis, practice], 2016, no. 3, pp. 7-22. (In Russ.).

Regulation Mechanisms of the Public Bidding System: Current Changes in Legislation

A. S. Arapov, *Senior Specialist of the Department for Organization and Procurement Planning JSC “TK” Revtrud, Tambov, Russia;*
sashasedoff@mail.ru

T. M. Lavrik, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Head Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
lavriktan@mail.ru

The paper presents the findings of the study of the theoretical and practical approach to the methods of using individual components of the public auction mechanism as a type of legal tool for anti-crisis regulation based on the foreign and domestic political situation, changes in the legislative acts of the Russian Federation regarding the procurement of goods, works and services to meet the needs of state customers and certain types of legal entities the purpose of which is to reduce the harmful effect of negative impact factors based on an analysis of the conditions of the financial, economic and geopolitical instability.

The formed system of relationships between legal entities participating in the organization of public auctions is regulated not only by narrowly focused regulatory legal acts, but is also enshrined in civil law norms.

The mechanisms for ensuring competition require public legal regulation in view of the laid foundation for the public nature of conducting trade procedures, which form the basis of the constitutional system of Russia.

The analysis of changes in the legal system of procurement during the period of external pressure, which have a negative effect on the area of public bidding, makes it possible to formulate the key problems in the legal field of procurement procedures, to consider a variety of positive and negative factors influencing key indicators of legal regulation, which characterize the potential and effectiveness of anti-crisis measures taken by the government.

Keywords: public procurement; electronic marketplace; public auctions; competitive procedure; a single provision on the purchase; subjects of small and medium business; national regime; unified information system; anti-crisis measures; legal instruments of anti-crisis measures.

© А. С. Арапов, 2022

© Т. М. Лаврик, 2022

Статья поступила в редакцию 07.10.2022

При цитировании использовать:

Арапов А. С., Лаврик Т. М. Механизмы регулирования системы публичных торгов: актуальные изменения законодательства // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 464 – 477. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.464-477

Статья подготовлена на основе доклада на Международной научно-практической конференции «Конституционная экономика: от идеи до реализации», прошедшей 27 января 2022 года в рамках II Всероссийского научно-практического форума «Правовые технологии акселерации бизнеса». Отмечено многообразие междисциплинарных направлений на стыке конституционно-правовой и экономической дисциплин: конституционная экономика, конституционная политическая экономия, экономическая конституция, экономический конституционализм и т.д. Показано, что каждый из этих терминов понимается разными авторами как минимум в нескольких различных значениях. В частности, обращается внимание на то, что термин «конституционная политическая экономия» можно понимать не только, как синоним конституционной экономики, но и как альтернативное направление, позволяющее использовать наработки не только неонституционализма и новой политической экономии Дж. Бьюкенена, но и классической политической экономии, «старого» («исходного») институционализма и конституционно-правовой науки. При этом для целей юридического анализа можно не пользоваться «модными» западными терминами, а использовать четкий термин «конституционное регулирование (основ) экономических отношений» и т.п. Междисциплинарный же анализ конституционно-экономической проблематики, действительно, требует выхода за рамки конституционного регулирования основ экономических отношений. Очерчен круг направлений для исследований в рамках конституционно-экономической науки, и показано, в каких случаях требуется юридический, в каких – экономический, а в каких – комплексный общесоветоведческий анализ.

Ключевые слова: конституционная экономика; конституционная политическая экономия; экономическая конституция; экономический конституционализм; реформа РАН.

Олег Юрьевич Болдырев, канд. юрид. наук, ассистент,
кафедра конституционного и муниципального права,
МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент, Высшая школа
государственного администрирования МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия;
oleg211291@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Комментарии к докладам профессоров Д. Гийо и У. Батлера

Отталкиваясь от тезисов доклада Даниэля Гийо по поводу национального достояния во Франции, в рамках тематики конституционной экономики можно вычленить очень важные и для России как экономический, так и конституционно-правовой аспекты. Экономический аспект связан с пониманием национального достояния в узком смысле слова – как совокупности материальных ценностей. Его регулирование является, скорее,

предметом гражданско-правового законодательства. Если же говорить о национальном достоянии в широком смысле слова, включая в него и нематериальные ценности, то представляется, что можно вычлени́ть важный конституционно-правовой аспект – проблему возможности временной власти (в государствах, которые на конституционном уровне провозглашены демократическими, презюмируется, что любая власть – временная) разрушать то, что являлось достоянием народа и государства на протяжении десятков или даже сотен лет до этого.

Приведем два актуальных для России примера. 28 июня 2013 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, который в первом чтении предусматривал ликвидацию Российской академии наук. Целый ряд всемирно знаменитых ученых подписали заявление, где выступили с жесткой критикой внесенного законопроекта и заявили «об отказе вступить в новую РАН», если закон будет принят, поскольку они являются членами трехсотлетней Академии наук (созданной еще Петром I по проекту Г. В. Лейбница и пережившей все, в том числе самые трудные периоды в отечественной истории). В постановлении общего собрания РАН от 09.09.2013 отмечалось, что внесенный законопроект «ведет к подрыву технологической независимости и конкурентоспособности России, национальной безопасности и обороноспособности государства» [16]. То есть делался акцент на экономическом аспекте.

В результате формулировка была изменена: не «ликвидация», а «реорганизация» (Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»). Но многое в работе РАН, действительно, радикально изменилось, и, по мнению ряда экспертов, в негативном направлении с точки зрения организации эффективной работы научных учреждений [10, с. 210 – 213]. Однако этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Другой пример – менее знаменательный, но тоже показательный – спорткомплекс «Олимпийский», где в 1980 г. проходили Олимпийские игры. В 2019 году он был закрыт на «реконструкцию» и полностью снесен. Независимо от того, что будет отстроено на его месте, возникает вопрос – не узко градостроительного, а по сути, конституционного масштаба: можно ли разрушать в угоду сиюминутной политической конъюнктуре (или экономическому интересу, например, «девелоперских» компаний) то, что являлось на протяжении многих лет и десятилетий символом государственности, символом достижений народа и государства – неважно, в сфере ли научной и научно-технологической (РАН), спортивной (спорткомплекс «Олимпийский»), культурной и т.д.?

Оттолкнемся теперь от другого прозвучавшего на конференции доклада – профессора Уильяма Батлера. Он отметил, что иностранные инвесторы не понимают те поправки к Конституции РФ 2020 г., которые были внесены в ст. 67.1, согласно которой Россия является правопреемником (правопродолжателем) СССР, и в ст. 125, расширившую полномочия Конституционного Суда РФ в части признания возможности или невозможности исполнения решений межгосударственных органов, иностранных и международных судов и арбитражей (п. «б» ч. 5.1. ст. 125).

Поправка о том, что Россия является правопреемником (правопродолжателем) СССР, действительно, вызывает удивление, особенно учитывая, что эта проблема остро стояла в начале 1990-х годов, но, вряд ли, в 2020 году. Международно-правовые, а частично и конституционно-правовые аспекты проблематики распада СССР и правопреемства России подробно исследовались, например, в работе профессора юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова П. П. Кремнева, на которую профессор У. Батлер писал рецензию [7].

Тем не менее можно предположить, с чем связано появление статьи 67.1 в Конституции РФ в 2020 году. *Во-первых*, причиной могло стать мнение судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского к постановлению Конституционного Суда от 10.12.2019 г. № 39-П, где он излагал позицию о том, что Россию нельзя считать правопреемником СССР. В ответ вышла статья В. А. Томсинова, где он критиковал позицию К. В. Арановского, в том числе с позиций международного права [15].

Во-вторых, возможно, что положение ст. 67.1 было одним из тех положений Закона о поправке к Конституции РФ 2020 года, цель которого была привлечь часть населения в рамках Общероссийского голосования по поправкам. Но в этом случае причина этой поправки носит не столько юридический, сколько политический характер.

Причина поправок к ст. 125 Конституции РФ, расширивших полномочия Конституционного Суда РФ в части признания возможности или невозможности исполнения решений межгосударственных органов, иностранных и международных судов и арбитражей, видится в возникшем в 2010-е гг. «противостоянии» между Конституционным Судом РФ и ЕСПЧ («дело К. Маркина»; дела Анчугова и Гладкова), в результате которого в постановлении от 14.07.2015г. № 21-П Конституционный Суд РФ фактически присвоил себе новое полномочие – проверять возможность исполнения решений ЕСПЧ. В декабре 2015 г. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» был дополнен нормой о полномочии Конституционного Суда РФ разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека (Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Несмотря на более широкую формулировку, она все равно не позволяла проверять возможность исполнения решений других наднациональных и международных юрисдикционных органов – неважно, действующих ли на постоянной основе или *ad hoc* (например, юрисдикционных органов ВТО или международного арбитража в Гааге, вынесшего против России решение по так называемому «делу бывших акционеров ЮКОСа»). В связи с этим еще в 2018 году было опубликовано: «Предпочтительно было бы, если бы Конституционный Суд РФ более четко сформулировал позицию о том, что решение международного юрисдикционного органа, в случае коллизии с основными конституционными принципами, делает невозможным его исполнение» [10, с. 253]. Поправка 2020 года в ст. 125 Конституции РФ, как будто, была направлена на решение этой проблемы.

При этом сделаем две оговорки. Во-первых, мы в целом не являемся сторонниками конституционной реформы 2020 года, на ряд серьезных недостатков которой, в том числе связанных с усилением дисбалансов в системе сдержек и противовесов, и обращаем внимание в других публикациях [9]. Во-вторых, выступая за обеспечение суверенитета России, в том числе перед лицом юрисдикционных органов ВТО и международного арбитража в Гааге, мы тем не менее видим проблему в ограничении, а теперь – и в предполагающемся лишении граждан возможности защитить свои права в ЕСПЧ.

Конституционно-экономическая наука: многообразие направлений

В названии статьи термин «конституционно-экономические исследования» использован для того, чтобы избежать приверженности какому-либо одному из конкурирующих сегодня направлений на стыке конституционно-правовой и экономической наук. Такими направлениями являются: конституционная экономика, экономическая конституция, экономический конституционализм и т.п. [8].

Представляется, что каждое направление имеет право на жизнь. Но отметим три момента. *Во-первых*, ни одно из них не должно стремиться к монополии в конституционно-экономической области исследований. *Во-вторых*, появление новых направлений не должно умалять вклад исследований, осуществленных в этой области учеными, эти термины избегающими (как напоминает В. Е. Чиркин, соответствующие проблемы получили в отечественной науке подробнейшую разработку в рамках конституционного регулирования (основ) экономических отношений [19]). *В-третьих*, и такие термины, как «конституционная экономика» / «конституционная политическая экономия» и «экономическая конституция» понимаются авторами по-разному.

Термин «*конституционная экономика*» понимается и в изначальном значении экономической концепции таких экономистов, как Дж. Бьюкенен, и в значении получившего в России развития междисциплинарного (по оценке Г. А. Гаджиева – «с преобладанием юридикцентристского подхода») направления (для обозначения же экономической концепции он предлагает использовать термин «конституциОНАЛЬная экономика» [13, с. 8]), и (реже) в значении действующей экономической системы – экономики как таковой, которая должна функционировать в реальной жизни в соответствии с конституционными требованиями [19].

Термин «*конституционная политическая экономия*» также используется в различных значениях. Последователи Дж. Бьюкенена часто применяют его как синоним указанной выше экономической концепции. В то же время речь идет не о «политической экономии» в ее классическом понимании (как о направлении экономической науки, в качестве альтернативы которому А. Маршалл создал так называемую *economics*, но которое тем не менее продолжило самостоятельное развитие в разных странах), а о так называемой «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена и его единомышленников, которую, представляется, корректнее было бы называть «экономической политологией» (если еще точнее, то «неоклассиче-

ской экономической политологией») или «неоинституциональной экономической политологией»), поскольку «политическим» в концепции Дж. Бьюкенена был лишь объект исследования. Методология же исследования оставалась зауженной до методологии неоинституционализма, во многом вернувшегося к методологии неоклассической экономической школы (в отличие от так называемого «исходного» или «старого» институционализма), ей противостоявшего [8].

Но возможно и иное понимание «конституционной политической экономии», особенно с учетом предложенной в начале XXI века группой французских профессоров парадигмы «институциональной политической экономии» [12]. При таком подходе возможно было бы использовать наработки не только неоинституционализма и «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена, но и классической политической экономии (среди ее различных школ – меркантилизм, либеральная политэкономия А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля и др., «новая политическая экономия» Ж. Ш. Л. де Сисмонди, «национальная политэкономия производительных сил» Ф. Листа, «историко-этическая школа» Г. Шмоллера, марксистская и неомарксистская политэкономия и др.), «исходного» институционализма и их современных продолжателей (со стороны экономистов), а также конституционно-правовой науки (со стороны юристов). И классическая политэкономия, и «исходный» институционализм смотрели на экономику с позиций методологии различных общественных наук, принимали во внимание политический аспект (особенно тесно связанный и с конституционно-правовой наукой) и этические соображения (в отличие от неоклассического *economics*, часто абстрагирующегося от этих аспектов и больше ориентированного на использование абстрактных математических моделей).

Более того, одно из отличий конституционного права от других отраслей права аналогично одному из отличий «политической экономии» от *economics*. Подобно тому, как в отличие от *economics*, абсолютизирующей рыночно-капиталистическую систему, политическая экономия рассматривает ее лишь в качестве одной из возможных, не отказываясь от изучения иных систем, так и конституционное право, в отличие от других отраслей национального права, может позволить себе мыслить не только в рамках заданной системы, но и о ее коренном преобразовании (будь то система политическая или экономическая). И конституционно-правовая наука, и политическая экономия в этом могут апеллировать к истории, обращение к которой в *economics* обычно ограничено [8].

Термин же «*экономическая конституция*» также понимается по-разному: и в значении экономической концепции так называемой «фрайбургской школы ордолиберализма», и в значении «теории экономической конституции» – как во многом вышедшей из нее концепции в рамках уже конституционно-правовой науки (в России ее наиболее активно развивает Г. Н. Андреева [4]), и в значении совокупности конституционных принципов и норм, регулирующих экономические и социальные отношения, и в значении потенциально возможного единого нормативно-правового акта, попытки разработки которого в истории известны. Используется термин «экономическая конституция» и в иных значениях, в частности,

как метафора – применительно к отдельным имеющим особое значение для экономики нормативно-правовым актам (например, Гражданскому кодексу, Налоговому кодексу и т.д.) либо их совокупности [6]. Таким образом, представляется важным при использовании термина «экономическая конституция» уточнять, о каком ее значении идет речь.

Иногда предлагаются иные термины, например, Н. С. Бондарь предлагает термин «экономический конституционализм» [11]. Но согласимся с В. Е. Чиркиным, что для целей юридического анализа можно не пользоваться «модными» западными терминами, а использовать четкий термин «конституционное регулирование (основ) экономических отношений» [19] (в некоторых странах, например, в Германии, используется термин «экономическое конституционное право»). Обозначаемое данным термином понятие можно рассматривать в качестве не концепции, а важного раздела конституционно-правовой науки (возможно, и в качестве подотрасли конституционного права).

Если же не ограничиваться только юридическим анализом, то междисциплинарный анализ конституционно-экономической проблематики, действительно, требует выхода за рамки конституционного регулирования (основ) экономических отношений. И здесь мы переходим к вопросу о круге проблем, требующих «конституционно-экономического исследования» (здесь и далее будем использовать этот термин или термин «конституционно-экономическая наука», как наиболее широкий, подразумевающий возможность использовать методологию любой из перечисленных выше школ или сочетание их методологий).

Конституционно-экономическая наука: различные подходы к исследованию

Представляется, что в рамках конституционно-экономической науки возможно проводить исследования, как минимум, в следующих направлениях.

1. Исследование и анализ конституционных норм и принципов, регулирующих экономическую (социально-экономическую) сферу, а также решений органов конституционного контроля и сформулированных в них правовых позиций, затрагивающих экономические (социально-экономические) вопросы. При более широком подходе – их развитие в текущем законодательстве и правоприменительной практике. Здесь анализ носит в основном юридический характер.

2. Исследование и анализ не только самих конституционных норм, принципов, позиций органов конституционного контроля по экономическим вопросам и их развития в законодательстве и правоприменительной практике, но и их влияния на реальную ситуацию в экономике. Здесь уже требуется и экономический анализ. Требуется сопоставлять ситуацию в национальной экономике до и после появления соответствующих конституционных норм (вынесения решений органом конституционного контроля). Возможна и иная постановка вопроса, в какой степени на ситуацию в экономике влияют конституционные нормы, решения органов кон-

ституционного контроля и т.д.? В какой степени они влияют на экономическую политику государства [14]?

3. Анализ законодательства, регулирующего экономические отношения (гражданского, бюджетного, налогового, конкурентного, трудового и т.д.), а также не вступивших в силу международных договоров экономического характера на предмет соответствия конституционным нормам. Здесь анализ носит преимущественно юридический характер.

4. Анализ экономической ситуации и экономической политики государства на предмет соответствия конституционным нормам. Здесь юридического анализа недостаточно (хотя нормы законодательства, нормативно оформляющие экономическую политику государства, могут рассматриваться на предмет соответствия конституционным нормам в рамках юридического анализа). Так, ряд экономистов критикует доминирующий в России с начала 1990-х гг. по настоящее время курс экономической политики как несuverенный, направленный на ее дальнейшую десuverенизацию и «демонтаж социального государства» [2]. Требуется анализ этого вопроса в конституционно-правовой терминологии: насколько проводимая экономическая политика и нормы законодательства, ее институционально оформляющие, соответствуют принципам социального государства и государственного (в том числе экономического) суверенитета.

5. Исследование и анализ влияния на экономику не только конституционных норм и принципов, непосредственно посвященных экономической сфере (норм о формах собственности, социально-экономических правах и свободах граждан, бюджетно-налоговой системе и т.д.), но и иных конституционных норм и принципов, напрямую экономической сферы не касающихся, но способных оказывать на нее косвенное влияние (например, норм о разделении властей и т.д.).

Иногда авторы предлагают такой расширенный подход, например, отмечая: «вся российская Конституция, все ее разделы в их органическом единстве непосредственно связаны с социально-экономическим развитием страны <...> характер конституционной системы зависит от уровня экономического развития и одновременно непосредственно влияет на экономическую динамику» [5, с. 27]. В то же время, как отмечает Б. А. Страшун, хотя связь и переплетение бесспорны, данный подход «ведет к размыванию предмета исследования, к растворению экономических отношений в массе иных, которые могут быть каким-либо образом связаны с экономическими отношениями (ведь в мире все взаимосвязано), но сами таковыми не являются» [18, с. 99].

Тем не менее иногда подобный анализ влияния «институциональных» норм конституции и конституционного законодательства на экономику важен. Влияет ли избирательная система на то, какие силы окажутся у власти, и какую социально-экономическую политику будут проводить? Влияет ли модель организации системы органов публичной власти, степень их подконтрольности народу и реализуемость процедур их привлечения к ответственности на масштаб коррупции и на проводимый ими экономический курс? Влияет ли на экономический курс, проводимый исполнительной властью, модель парламентского и внешнего государственного финансового контроля, существующая в государстве и т.д.? Это вопросы,

предполагающие не столько юридический и даже уже не столько экономический, сколько междисциплинарный, в том числе и политологический анализ.

Например, чему обязана знаменитая «шведская» модель экономики? Теоретическим наработкам собственной так называемой «Стокгольмской школы» (в частности, одного из ее лидеров, Нобелевского лауреата по экономике Г. Мюрдаля, фактически еще до Дж. М. Кейнса сформулировавшего сходные рекомендации в области макроэкономической политики, которую Швеция начала реализовывать, избежав роковых последствий «Великой депрессии»)? Наверное, в значительной степени да, но не только. Вот как это описывает заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН О. А. Александрова: «Конституция дала толчок партийному строительству <...> В 1909 году политические права были распространены на мелких собственников и социальные группы, имевшие умеренно высокие доходы. Основной массе населения удалось добиться избирательного права и полного набора политических свобод в 1918 году <...> социал-демократы и коммунисты получили на выборах 1932 года сильную поддержку. В парламенте социал-демократы образовали коалицию с представлявшей мелкую буржуазию партией Центра <...> Ради этого сотрудничества СДП отказалась от идеи национализации крупных компаний <...> В обмен на согласие предоставить господдержку сельскому хозяйству партия Центра согласилась поддержать не только социальные программы социал-демократов, но и <...> политику полной занятости, финансируемую через бюджетный дефицит <...> В итоге Швеция стала первой страной, в которой правительство сознательно пошло на реализацию кейнсианской социально-экономической политики» [1, с. 49 – 51].

Длинная цитата приведена не случайно: подобные примеры наглядно показывают, что социально-экономическая модель может быть следствием фактического соотношения сил, то есть конституции в понимании Ф. Лассалья. В свою очередь, расстановка политических сил может быть следствием норм конституции и конституционного законодательства, в частности избирательного. Из истории известно, как конституционные изменения (например, отмена имущественного ценза в избирательном праве; введение или ограничение возможностей финансирования политических партий и избирательных кампаний корпорациями и иностранными лицами) влекли изменения в политическом представительстве и расстановке сил в Парламенте, что, в свою очередь, влекло изменение курса социально-экономической политики (кстати, например, на этом основывалась и одна из теорий «муниципального социализма»: постепенно все большее представительство рабочего класса в местных органах должно было, согласно взглядам ее разработчиков, повлечь эволюционный переход от капиталистической системы к социалистической).

Здесь же сформулируем и вопрос: как влияет на экономическую модель в государстве возможность населения решать вопросы социально-экономической жизни непосредственно, в том числе на референдуме? Так, ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» фактически препятствует вынесению большинства вопросов в экономической и социально-экономи-

ческой области на референдум (ранее ряд вопросов «бюджетно-налоговой направленности» прямо запрещалось выносить на референдум, что было признано не противоречащим Конституции в постановлении Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. № 3-П, а теперь это вытекает из пп. 10 п. 5 ст. 6 ФКЗ, согласно которому на референдум не могут выноситься вопросы, «отнесенные Конституцией, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти»). В России решением ЦИК РФ, подтвержденным решением Верховного Суда РФ, было отказано в проведении референдума по вопросу присоединения к ВТО. Аналогично украинскому народу было отказано в возможности решения на референдуме вопроса о вступлении в «Ассоциацию с ЕС». В Голландии же вопрос о ратификации соглашения о вступлении Украины в «Ассоциацию с ЕС» был вынесен на референдум [10].

В Швейцарии на референдум выносятся большое количество вопросов экономической и социально-экономической жизни (известны референдумы по так называемым «золотым парашютам», «государственным резервам в золоте» и т.д.). В России же было отказано в проведении референдума по так называемой «пенсионной реформе» 2018 г.

Согласимся с Г. Н. Андреевой, что «не существует теоретических и убедительных практических доводов в пользу установления запрета на решение народом бюджетно-финансовых вопросов на референдуме, политические же доводы носят, по сути, эгалитарный характер и сводятся к отстранению народа от решения важнейших вопросов государственной жизни <...> что не соответствует современным стандартам и представлениям о демократической организации государства и соответственно положениям Конституции РФ <...> зарубежная практика содержит равноценные свидетельства в пользу отсутствия такого ограничения, следовательно, ссылкой на нее они никак не могут быть оправданы» [3].

Но в любом случае, независимо от позиции по конкретному вопросу, нельзя не признать, что конституционные нормы, регулирующие непосредственные формы демократии, оказывают влияние на принятие экономических решений.

6. Важна и обратная постановка вопроса: о влиянии как экономических учений (а также экономических интересов разработчиков конституции), так и ситуации в экономике на конституционные изменения. Эти вопросы юристы затрагивают обычно лишь в рамках истории конституционных изменений, но полноценный анализ требует междисциплинарного подхода.

Так, следуя идеям Дж. Локка и лозунгу Вольтера «Свобода и собственность – вот крик народа», конституционные акты Франции периода Великой французской революции (а вслед за ними – и знаменитый Гражданский кодекс 1804 г. – так называемый «Кодекс Наполеона») закрепляли право собственности в качестве естественного и неотъемлемого. В то же время в Декларации независимости США 1776 г., где также закреплялись естественные и неотчуждаемые права, право собственности отсутствует – в соответствии с подходом Т. Пейна и Т. Джефферсона.

Противоположный лозунг Прудона «Собственность – это кража», критика права собственности Ж. Ж. Руссо, а позже воззрения марксистов отразились в социалистических конституциях, где, как правило, частная собственность не признавалась либо признавалась в «усеченной» форме – в виде «личной собственности».

Идеи социальной функции собственности теоретика солидаризма Л. Дюги нашли отражение в Веймарской конституции Германии 1919 г., затем – в Основном законе ФРГ 1949 г. (знаменитое положение ст. 14 «Собственность обязывает. Пользование ею должно служить общему благу») и в конституциях других социальных государств.

Отметим, что иногда изначально экономическая постановка вопроса трансформировалась в конституционно-правовую. Яркий пример – переход американских колонистов во время борьбы за независимость от экономического протеста против поборов со стороны метрополии к концептуальному, по сути, конституционно-правовому лозунгу: «Нет налогам без представительства». Известна работа Ч. Бирда, где он анализировал, как отразились в тексте позже принятой Конституции США экономические интересы ее разработчиков [21].

7. Выше говорилось о влиянии конституционных институтов на экономику и, напротив, экономических учений (экономических интересов и экономической ситуации) в государстве на конституционные изменения. Отдельный вопрос – взаимовлияние конституционно-правовых, конституционно-политических и социально-экономических факторов. Например, существует ли корреляция между социально-экономической системой и политическим режимом? Подобная постановка вопроса отражена даже в названии ряда работ крупных ученых [например, 20], а их ответы на эти вопросы различаются.

Недавно ушедший из жизни научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ профессор Д. Е. Сорокин писал: «Задачей обществоведческой мысли становится научное обоснование институтов, с одной стороны, обеспечивающих пресечение злоупотреблений властными полномочиями со стороны органов государственной власти и их представителей, с другой – не допускающих, чтобы такие действия превращались в борьбу за ослабление объективно необходимой роли российского государства в регулировании политической и экономической жизни общества» [17, с. 24]. Хотя он обращался в первую очередь к коллегам-экономистам, первая часть его тезиса носит, по сути, конституционно-правовой характер.

8. Какие конституционно-правовые механизмы могут использоваться для решения возникающих экономических проблем? Требуется ли анализ и осмысление экономической реальности внесения поправок к Конституции (или ее пересмотра)?

Заключение

Данный перечень направлений конституционно-экономических исследований не является исчерпывающим. Но, представляется, что он может расширить палитру подходов к исследованиям в этой междисциплинарной области и позволить по-новому взглянуть на многие вопросы.

Список литературы

1. **Александрова О. А.** Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. М.: М-Студио, 2009. 288 с.
2. **Александрова О. А.** Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десуверенизации // Народонаселение. 2015. № 4(70). С. 17 – 32.
3. **Андреева Г. Н.** Бюджетно-финансовые вопросы как предмет референдума (заметки на полях решения Конституционного суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 20. С. 16 – 22.
4. **Андреева Г. Н.** Экономическая конституция в зарубежных странах / Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам. М.: Наука, 2006. 268 с.
5. **Конституционная экономика:** учебник для юридических и экономических вузов / П. Д. Баренбойм, Г. А. Гаджиев, В. И. Лафитский, В. А. Мау. М.: Юс-тицинформ, 2006. 528 с.
6. **Баренбойм П. Д., Мозолин В. П.** Гражданский кодекс как «экономическая конституция страны» // Законодательство и экономика. 2009. № 4.
7. **Батлер У.** Актуальное исследование правовых основ распада СССР (Кремнев П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. № 3. С. 112 – 115.
8. **Болдырев О. Ю.** Конституционная политическая экономия: методологические подходы, смежные концепции // Ежегодник конституционной экономики. 2018 / отв. ред. С. А. Авакьян, П. Д. Баренбойм, В. В. Комарова; сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2018. С. 318 – 344.
9. **Болдырев О. Ю.** Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 2. Поправки к Конституции: нерешенные и новые проблемы и вектор дальнейшего реформирования // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 3 – 8.
10. **Болдырев О. Ю.** Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / науч. ред. С. А. Авакьян. М.: Проспект, 2018. 408 с.
11. **Бондарь Н. С.** Экономическая конституция, конституционная экономика и (или) экономический конституционализм // Ежегодник Конституционной Экономики. 2019 / отв. ред. и состав. А. А. Ливеровский; науч. ред. Г. А. Гаджиев; рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 122 – 154.
12. **Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О.** К созданию институциональной политической экономии / Пер. с фр. В. В. Радаева // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 3. С. 17 – 24.
13. **Гаджиев Г. А.** Меморандум // Ежегодник конституционной экономики. 2019 / отв. ред. и сост. А. А. Ливеровский; науч. ред. Г. А. Гаджиев; рук. проекта и сост. П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, 2019. С. 8 – 18.
14. **Гаджиев Г. А.** Экономическая политика государства: оказывает ли Конституционный суд воздействие на ее очертания? // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1 (74). С. 89 – 96.
15. **Интервью** профессора В. А. Томсинова интернет-газете «Лента.ру» 27 февраля 2020 года [Электронный ресурс]. URL: http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-intervju_lente.ru-27.02.2020.pdf (дата обращения: 02.03.2022).
16. **О проекте** Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Общего собрания РАН № 28 от 9 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=873e56fc-04fc-4a39-820d-3dae22a54d93> (дата обращения: 01.03.2022).

17. **Сорокин Д. Е.** Политическая экономия технологической модернизации России // Экономическое возрождение России. 2020. № 1 (63). С. 18 – 25.
18. **Страшун Б. А.** Конституционное регулирование экономических отношений и тенденции его развития в современном мире // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2 (93). С. 86 – 103.
19. **Чиркин В. Е.** О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11 – 13.
20. **Шумпетер Й.** Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
21. **Beard Ch. A.** An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. New York: Macmillan Co., 1913. 330 p.

References

1. **Aleksandrova O.A.** *Institutsional'nyye problemy stanovleniya sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoy Rossii* [Institutional problems of the formation of a social state in modern Russia], Moscow: M-Studio, 2009, 288 p. (In Russ.).
2. **Aleksandrova O.A.** [Social policy in the conditions of socio-economic and ideological desovereignization], *Narodonaseleniye* [Population], 2015, no. 4(70), pp. 17-32. (In Russ.).
3. **Andreyeva G.N.** [Budgetary and financial issues as a subject of a referendum (notes on the margins of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation)], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2007, no. 20, pp. 16-22. (In Russ.).
4. **Andreyeva G.N.** *Ekonomicheskaya konstitutsiya v zarubezhnykh stranakh* [Economic constitution in foreign countries], Moscow: Nauka, 2006, 268 p. (In Russ.).
5. **Barenboym P.D., Gadzhiyev G.A., Lafitskiy V.I., Mau V.A.** *Konstitutsionnaya ekonomika: uchebnik dlya yuridicheskikh i ekonomicheskikh vuzov* [Constitutional economics: a textbook for legal and economic universities], Moscow: Yustitsinform, 2006. 528 s. (In Russ.).
6. **Barenboym P.D., Mozolin V.P.** [Civil Code as an “economic constitution of the country”], *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2009, no. 4. (In Russ.).
7. **Batler U.** [Actual study of the legal foundations of the collapse of the USSR (Kremnev P. P. The collapse of the USSR: international legal problems)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2009, no. 3, pp. 112-115. (In Russ.).
8. **Boldyrev O.Yu.; Avak'yan S.A., Barenboym P.D., Komarova V.V. (Eds.)** [Constitutional political economy: methodological approaches, related concepts], *Yezhegodnik konstitutsionnoy ekonomiki. 2018* [Yearbook of constitutional economics. 2018], Moscow: LUM, 2018, pp. 318-344. (In Russ.).
9. **Boldyrev O.Yu.** [Constitutional reform in Russia: relevance, implementation, prospects. Part 2. Amendments to the Constitution: unresolved and new problems and the vector of further reform], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 12, pp. 3-8. (In Russ.).
10. **Boldyrev O.Yu.; Avak'yan S.A. (Ed.)**. *Ekonomicheskii suverenitet gosudarstva i konstitutsionno-pravovyye mekhanizmy yego zashchity: monografiya* [Economic sovereignty of the state and the constitutional and legal mechanisms of its protection: monograph], Moscow: Prospekt, 2018, 408 p. (In Russ.).
11. **Bondar' N.S.; Liverovskiy A.A., Gadzhiyev G.A. (Eds.)**. [Economic constitution, constitutional economics and (or) economic constitutionalism], *Yezhegodnik Konstitutsionnoy Ekonomiki. 2019* [Yearbook of Constitutional Economics. 2019], Moscow: LUM, 2019, pp. 122-154. (In Russ.).

12. **Boyer R., Brousseau E., Caillé A., Favereau O.** Towards an Institutional Political Economy, *Revue du MAUSS permanente*, 9 September 2008. <https://www.journaldumauss.net/?Towards-an-Institutionalist>. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2008-3-17-24> (In Fr.)

13. **Gadzhiev G.A.; Liverovskiy A.A., Gadzhiev G.A. (Eds.)**. [Memorandum], *Yezhegodnik konstitutsionnoy ekonomiki. 2019* [Yearbook of the constitutional economy. 2019], Moscow: LUM, 2019, pp. 8-18. (In Russ.).

14. **Gadzhiev G.A.** [Economic policy of the state: does the Constitutional Court influence its outlines?], *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review]. 2010, no. 1 (74), pp. 89-96. (In Russ.).

15. **available at:** http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-intervju_lente.ru-27.02.2020.pdf (accessed March 02, 2022).

16. **available at:** <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=873e56fc-04fc-4a39-820d-3dae22a54d93> (accessed March 01, 2022).

17. **Sorokin D.Ye.** [Political economy of technological modernization of Russia], *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [Economic revival of Russia], 2020, no. 1 (63), pp. 18-25. (In Russ.).

18. **Strashun B.A.** [Constitutional regulation of economic relations and trends in its development in the modern world], *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review], 2013, no. 2 (93), pp. 86-103. (In Russ.).

19. **Chirkin V.Ye.** [On the terms “economic constitution” and “constitutional economics”, as well as on Russian and Western science (response to the article by G.N. Andreeva)], *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2016, no. 3, pp. 11-13. (In Russ.).

20. **Shumpeter Y.** *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, socialism and democracy], Moscow: Ekonomika, 1995, 540 p. (In Russ.).

21. **Beard Ch. A.** *An Economic Interpretation of The Constitution of The United States*. New York. The Macmillan Company. 1962.

Some Current Problems of Constitutional and Economic Research

O. Yu. Boldyrev, *Cand. Sci. (Law), Lecturer,*
Department of Constitutional and Municipal Law,
Lomonosov Moscow State University, Associate Professor,
Graduate School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;
oleg211291@bk.ru

The article is prepared on the basis of a report at the International Scientific and Practical Conference “Constitutional Economics: from Idea to Implementation”, held on January 27, 2022 as part of the II All-Russian Scientific and Practical Forum “Legal Technologies for Business Acceleration”. The diversity of interdisciplinary areas at the intersection of constitutional law and economic disciplines, including “Constitutional Economics”, “Constitutional Political Economy”, “Economic Constitution”, “Economic Constitutionalism”, and others, is noted: It is shown that each of these terms is understood by different authors in at least several different meanings. In particular, attention is drawn to the fact that the term “constitutional political economy” can be understood not only as a synonym for “constitutional economics”, but also as an alternative direction that allows using the achievements of not only neo-institutionalism and the

“new political economy” of J. Buchanan, but and classical political economy, “old” (“original”) institutionalism and constitutional legal science. At the same time, for the purposes of legal analysis, one cannot use “fashionable” Western terms, but use the clear term “constitutional regulation (foundations) of economic relations”, etc. An interdisciplinary analysis of the “constitutional-economic” problems, indeed, requires going beyond the “constitutional regulation of the foundations of economic relations” A circle of directions for research within the framework of constitutional and economic science is outlined, and it is shown in which cases a legal, in which - economic, and in which - a comprehensive social science analysis is required.

Keywords: constitutional economics; constitutional political economy; economic constitution; economic constitutionalism; reform of the Russian Academy of Sciences.

© О. Ю. Болдырев, 2022

Статья поступила в редакцию 25.03.2022

При цитировании использовать:

Болдырев О. Ю. Некоторые актуальные проблемы конституционно-экономических исследований // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 4. С. 478 – 491. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.478-491

Приведен анализ института административной ответственности в сфере охраны общественного порядка. Исследовано понятие административной ответственности в сфере охраны общественного порядка, рассмотрены ее функции и отличительные признаки. Показана роль полиции в сфере административно-правового регулирования правоотношений в области охраны общественного порядка. Приведена авторская формулировка, характеризующая административную ответственность, в качестве средства регулирования общественного порядка.

Ключевые слова: административная ответственность в сфере охраны общественного порядка; понятие, функции и специфика административной ответственности в сфере охраны общественного порядка, определение административной ответственности в сфере охраны общественного порядка.

Владимир Михайлович Ленский, канд. юрид. наук, доцент, кафедра административного права и административной деятельности, Рязанский филиал ФГКОУ ФО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия; VMlenskiy@yandex.ru

Денис Валентинович Теткин, канд. юрид. наук, подполковник полиции, доцент, кафедра уголовного процесса, Рязанский филиал ФГКОУ ФО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия; tyotkinden@mail.ru

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ЕЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Введение

Институт административной ответственности в качестве средства регулирования общественного порядка представляет собой совокупность закрепленных нормами права видов административных наказаний, оснований наступления такой ответственности, а также регламента привлечения к ответственности субъектов, допустивших административные деликты.

Институт административной ответственности предназначен для защиты общественных отношений, регулируемых как материальными нормами административного права, так и процессуальными нормами административного процессуального права. В отдельных случаях, административная ответственность закрепляется нормами иных отраслей права (финансового, трудового, экологического, коммерческого и т.п.).

Следовательно, институт административной ответственности выступает комплексным, межотраслевым образованием, регулирующим в том

числе и общественный порядок. В целях выявления специфики административной ответственности, наступающей за деяния, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, целесообразно исследовать ее функции, проанализировать отличительные свойства (особенности), дать понятие и сформулировать определение.

Основная часть

Важно знать, что административная ответственность, установленная за правонарушения в сфере общественного порядка, проявляется с помощью санкций, закрепленных в главе 20 КоАП РФ, а также санкций иных нормативных правовых актов, регламентирующих кару за совершенные проступки.

Анализ допущенных в сфере общественного порядка правонарушений позволяет выявлять конкретные обстоятельства, содействующие либо препятствующие совершению административных деликтов. Результатом такой аналитической работы служат принимаемые правовые меры, направленные на устранение обнаруженных проблемных ситуаций. Например, как только в обществе приобрели массовый характер случаи распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет [1; 2, с. 6–7], сформулированных в неприличной форме сообщений, которые оскорбляют человеческое достоинство и общественную нравственность, проявляют явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, и т.п., так сразу же в ст. 20.1 КоАП РФ вводится часть третья, предусматривающая административные санкции за подобное поведение, и тем самым зачисляется вышеназванное деяние в ранг административного правонарушения¹.

Институту административной ответственности в сфере общественного порядка присущи, как минимум, две основные функции: охранительная (компенсационная) и предупредительная (превентивная) [3]. Суть охранительной функции состоит в том, чтобы с помощью применения и реализации административных санкций осуществлять покрытие государственных затрат, понесенных в результате совершения административных правонарушений в сфере общественного порядка. Так, применяя в качестве наказания административный штраф, законодатель предусматривает направление взыскиваемых с правонарушителя сумм в доход государства (ч. 5 ст. 3.5 КоАП РФ). Например, согласно ст. 20.21 КоАП РФ, появление физических лиц в таких общественных местах, как улицы, стадионы, парки, скверы, транспортные средства общего пользования, а также иных публичных местах в состоянии опьянения, унижающем человеческое достоинство и общественную нравственность, приводит к наложению административных санкций в виде штрафа в сумме от пятисот рублей до одной тысячи пятисот рублей. А в соответствии со ст. 20.1 КоАП РФ в зависимо-

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 18.03.2019 № 28-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: КонсультантПлюс.

сти от совершенного мелкого хулиганства его количественных и качественных характеристик сумма налагаемого штрафа колеблется в пределах от пятисот рублей до трехсот тысяч рублей.

Смысл предупредительной функции состоит в применении частной превенции к правонарушителю и реализации общей превенции в отношении лиц, не допустивших административных деликтов. Меры частной превенции заключаются в предупреждении рецидива административных правонарушений со стороны субъекта, уже совершившего таковое, с одной стороны, и претерпевание им неблагоприятных последствий за допущенное нарушение административного законодательства, с другой.

Меры общей превенции направлены на предотвращение обстоятельств, содействующих совершению административных деликтов, а также на профилактику административных проступков со стороны иных, не допустивших их еще лиц. Так, например, в целях профилактики появления физических лиц в состоянии опьянения на спортивных мероприятиях, с одной стороны, на стадионы запрещено проносить и распивать спиртные напитки, с другой стороны, с помощью буклетов, программ, рекламной информации, личных и групповых профилактических бесед, осуществляется ознакомление болельщиков с санкциями части первой ст. 20.20 КоАП РФ. Подобные меры способствуют предупреждению административно наказуемого поведения, отраженного в диспозиции вышеназванной нормы административного законодательства, со стороны присутствующих в таких общественных местах лиц.

Следует отметить, что среди субъектов безопасности, перечисленных в ст. 6 Федерального закона «О безопасности»², наделенных властными полномочиями в сфере общественной безопасности, значительная роль отводится органам внутренних дел Российской Федерации в целом, и подразделениям полиции, в частности. В состав подразделения полиции по охране общественного порядка входят отделы (отделения, группы) по соблюдению административного законодательства, одной из ключевых функций которых является ее административная, то есть исполнительно-распорядительная, деятельность.

В процессе этой деятельности подлежат защите от противозаконных административно преследуемых посягательств установленные группы общественных отношений в сфере общественного порядка и общественной безопасности, которые квалифицируются схожими признаками, тождественностью и однотипностью. Закрепление их охраны за подразделениями полиции является закономерным актом, детерминированным естественной природой социального взаимодействия в сфере общественного порядка, реально требующего специального контроля и защиты.

Важно понимать, что деятельность полиции в сфере административно-правового регулирования регламентируется нормами административного права [4]. Отсюда следует, что ее принято именовать как «админист-

² О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 20.11.2020 г.) // СЗ РФ от 03.01.2011 г. № 1, ст. 2.

ративная деятельность полиции». Содержание административной деятельности полиции представляет собой организацию и практическую реализацию заинтересованными службами и подразделениями целей и задач по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности административно-правовыми приемами и методами, а также административно-правовыми формами реализации исполнительной власти.

Результатом административной деятельности полиции, направленной на лиц, допускающих административные правонарушения в сфере общественного порядка и общественной безопасности, как правило, является административная ответственность. Следовательно, привлечение к административной ответственности предполагает такое действие или бездействие субъекта правоотношения, которое направлено на нарушение предписаний, закрепленных в нормах административного права [5].

Рассматривая административную ответственность за проступки, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, целесообразно обратить внимание на следующие ее особенности.

Во-первых, специфика административной ответственности заключается в том, что назначается она не за всякий проступок, допущенный в сфере регулирования общественного порядка, а только за тот, который регулируется нормами главы 20 КоАП РФ. Ее применение в качестве составной части административно-правового регламентирования допускается только при не исполнении или неподобающем исполнении, закрепленных в обозначенной главе правил поведения.

Своеобразие таких правил заключается в их специфическом правовом регулировании, учитывающем существенное значение рассматриваемых управленческих отношений в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности и, следовательно, требующих введения особых правовых режимов.

Во-вторых, меры административного принуждения за допущенные правонарушения в сфере общественного порядка невозможно применить в отношении работников и служащих, подвластных руководителям исполнительных органов власти, а также начальствующего состава федеральных, региональных и муниципальных предприятий, учреждений и организаций. К данной категории физических лиц, допустивших административные правонарушения, применяются меры дисциплинарной ответственности, а также иные виды санкций.

В остальных случаях, за нарушение административного законодательства, регулируемого нормами главы 20 КоАП РФ, административному наказанию подлежат как физические лица, так и юридические лица, невзирая на их ведомственную или иную форму подчиненности, либо форму собственности. Кроме того, к административным санкциям за допущенные административные правонарушения привлекаются и должностные лица. Следовательно, меры административной ответственности, в качестве средства регулирования общественного порядка, могут применяться как к индивидуальным субъектам административного права, так и коллективным.

В-третьих, специфика административной ответственности в области охраны общественного порядка состоит в том, что ее цель может быть достигнута с помощью задачи, направленной на охрану административно-правовых норм, закрепленных в главе 20 КоАП РФ, совместно с решением задачи, предусматривающей реализацию санкций посредством привлечения к административной ответственности по правилам Особенной части КоАП РФ (раздел IV КоАП РФ) за несоблюдение вышеупомянутых, подлежащих защите административно-правовых норм.

Следовательно, закрепление в одном законодательном источнике норм административного права и норм административно-процессуального права определяет многофункциональную, межотраслевую особенность административной ответственности как средства регулирования общественного порядка со стороны государства.

В-четвертых, в соответствии с главой 3 КоАП РФ административная ответственность находит свое естественное проявление в правовом применении в отношении субъектов, допускающих административные проступки в сфере общественного порядка, таких специальных мер административного принуждения, как административные наказания.

В-пятых, в соответствии с главой 2 КоАП РФ основанием административной ответственности в сфере общественного порядка выступает такой специфический вид правонарушения, как административное правонарушение.

Таким образом, специфика административной ответственности, наступающей за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, позволяет ее индивидуализировать в качестве самостоятельной группы санкций.

Следует отметить, что изучение закрепленных в главе 20 КоАП РФ видов административного принуждения свидетельствует о том, что установленная государством административная ответственность выступает в качестве средства регулирования общественного порядка и общественной безопасности.

Сущность административной ответственности проявляется в назначении наделенными установленными компетенциями органами или их должностными лицами предусмотренных законодательством санкций, за совершенные субъектом административной ответственности правонарушения в области общественного порядка или общественной безопасности.

Заключение

Таким образом, следует констатировать, что проведенный анализ административного законодательства, регулирующего правоотношения в области общественного порядка и общественной безопасности, позволяет сформулировать авторское определение, характеризующее административную ответственность в качестве средства регулирования общественного порядка.

Итак, под административной ответственностью в сфере общественного порядка следует понимать установленную административно-правовыми

нормами разновидность юридической ответственности, выступающую в качестве способа властного принуждения и состоящую в применении со стороны полномочных государственных или муниципальных органов, либо их должностных лиц административных санкций, направленных на допустивших правонарушения субъекты ответственности и выступающих в качестве меры назначенного им наказания.

Список литературы

1. **Бойко С. С.** Административно-правовые средства обеспечения информационной безопасности в развитии системы национальной безопасности [Электронный ресурс] // SCI-ARTICLE.RU. 2019. № 76. URL: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1576569022> (дата обращения: 05.09.2022).
2. **Лопатин В. Н.** Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. СПб.: Университет, 2000. 424 с.
3. **Ларин В. Ю., Закопырин В. Н.** Общественный порядок с точки зрения законодательства об административных правонарушениях // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: сб. тезисов, выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 18–19 нояб. 2020. В 6 т. Рязань, 2020. С. 199 – 203.
4. **Теткин Д. В., Кутякин С. А., Попов А. М.** Комплексный анализ правовых основ и принципов деятельности полиции Российской Федерации. // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Тамбов, 2020. С. 456 – 461.
5. **Седых В. В., Кисляков А. И., Коньков Р. А.** Проблемы организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий различной направленности [Электронное издание] // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Рязань, 2019. С. 140 – 146.

References

1. **Boyko S.S.** available at: <https://sci-article.ru/stat.php?i=1576569022> (accessed 05 September 2022).
2. **Lopatin V.N.** *Informatsionnaya bezopasnost' Rossii: Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Information security of Russia: Man. Society. State], St. Petersburg: Universitet, 2000, 424 p. (In Russ.).
3. **Larin V.Yu., Zakopyrin V.N.** *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremenom etape i perspektivy yeye razvitiya* [Penitentiary system at the present stage and prospects for its development], Collection of abstracts, speeches and reports of participants in the International Scientific and Practical Conference. Ryazan', 18–19 November 2020. In 6 vols. Ryazan', 2020, pp. 199-203. (In Russ.).
4. **Tetkin D.V., Kutyakin S.A., Popov A.M.** *Tambovskiye pravovyye chteniya imeni F. N. Plevako* [Tambov legal readings named after F. N. Plevako], Materials of the IV International scientific and practical conference. In 2 vols. Tambov, 2020, pp. 456-461. (In Russ.).
5. **Sedykh V.V., Kislyakov A.I., Kon'kov R.A.** [Problems of organizing the protection of public order and ensuring public safety during mass events of various kinds], *Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye mery bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offenses], Ryazan', 2019, pp. 140-146. (In Russ.).

The Concept of Administrative Responsibility in the Field of Public Order Protection and Its Distinctive Features

V. M. Lenskiy, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Administrative Law and Administrative Activities,
Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot', Ryazan, Russia;
VMIenskiy@yandex.ru*

D. V. Tetkin, *Cand. Sci. (Law), Police Lieutenant Colonel,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure,
Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot', Ryazan, Russia;
tyotkinden@mail.ru*

The article deals with the analysis of the institute of administrative responsibility in the field of public order protection. The paper explores the concept of administrative responsibility in the field of public order protection, examines its functions and distinctive features. The article shows the role of the police in the field of administrative and legal regulation of legal relations in the field of public order protection. The article presents the author's formulation characterizing administrative responsibility as a means of regulating public order.

Keywords: administrative responsibility in the field of public order protection; concept; functions and specifics of administrative responsibility in the field of public order protection; definition of administrative responsibility in the field of public order.

© В. М. Ленский, 2022

© Д. В. Теткин, 2022

Статья поступила в редакцию 17.03.2022

При цитировании использовать:

Ленский В. М., Теткин Д. В. Понятие административной ответственности в сфере охраны общественного порядка и ее отличительные признаки // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 4. С. 492 – 498. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.492-498

Проанализировано современное состояние правового регулирования в сфере занятости населения, определены правовые проблемы, связанные с будущим сферы трудовой занятости, такие как неконвенциональная (теневая) занятость, с позиций системного подхода определения ее форм, видов и характеризующих ее признаков, влияющих на российский рынок труда; правовой статус самозанятых граждан, работающих на цифровые платформы; безработица и финансирование пособий по безработице. Дано уточнение для круга лиц, направляемых для получения профессионального обучения и дополнительного профессионального образования. Сделан вывод, что требуется расширение возможностей содействия занятости населения за счет реализации новых программ обеспечения занятости, а также совершенствования действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: занятость; безработица; пособие по безработице; самозанятость; трудоустройство; служба занятости; рынок труда.

Елена Евгеньевна Орлова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
директор Юридического института, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», Тамбов, Россия;
ui@tstu.ru

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПАРАДИГМЫ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Введение

Динамизм современного мира способствует усилению внимания ученых и практиков к вопросам будущего человеческого развития. Под влиянием ряда глобальных тенденций (цифровизация, автоматизация производства, демографические сдвиги, глобализация, технологический прогресс и т.д.) привычные для общественного сознания представления о жизни претерпевают коренные изменения, что находит отражение в самых разных областях жизнедеятельности. Не является исключением и сфера трудовой занятости, в рамках которой только за последние несколько десятилетий произошло размытие стандартной модели трудовых отношений, возникли принципиально новые возможности для удаленной занятости и прямого взаимодействия между работником и работодателем [4]. В этом плане пандемия коронавируса COVID-19 наглядно это продемонстрировала.

В экспертном сообществе все более активно ведется дискуссия об угрозах, связанных с будущим сферы трудовой занятости [1]. К их числу относят риски технологической безработицы, поляризации рынка труда, разрыва в квалификации, прекаризации занятости и т.д. [2]. В связи с этим возникает потребность в расширении возможностей содействия занятости населения. В программных документах стратегического развития России

в ближайшее десятилетие, в выступлениях Президента страны безработица и бедность расцениваются как острейшие социальные проблемы, требующие незамедлительного решения [7].

Обсуждение

В настоящее время существует большое число программ, способствующих расширению возможностей содействия занятости населения, которые условно можно разделить по целевому назначению на две большие группы.

1. Программы, направленные на получение работы (активные формы содействия занятости).

2. Программы, направленные на сглаживание негативных последствий безработицы (пассивные формы содействия занятости).

Среди программ, входящих в первую группу, то есть направленные на получение работы, выделяют:

– программы, обеспечивающие занятость (к таким можно отнести программу по организации и проведению общественных и временных работ¹; программу «Сопровождаемое содействие занятости инвалидов молодого возраста»²; программу содействия занятости лиц предпенсионного возраста³; программу содействия безработным гражданам и членам их семей в переезде и переселении в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости⁴; программу содействия самозанятости⁵);

¹ Об утверждении Положения об организации общественных работ: постановление Правительства РФ от 14 июля 1997 г. № 875 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 29. Ст. 3533.

² Об информировании граждан и работодателей о положении на рынке труда в Российской Федерации, правах и гарантиях в области занятости населения и защиты от безработицы: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 октября 2017 г. № 750 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71703236/> (дата обращения 21.02.2022 г.).

³ Об утверждении Специальной программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц в возрасте 50-ти лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста на период до 2024 г., плана мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц в возрасте 50-ти лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста на период до 2024 г. и утрате силы некоторых актов Правительства РФ: распоряжение Правительства РФ от 26 марта 2020 г. № 742-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73716624/> (дата обращения 21.02.2022 г.).

⁴ Об утверждении федерального государственного стандарта государственной услуги по содействию безработным гражданам в переезде и безработным гражданам и членам их семей в переселении в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 7 марта 2013 г. № 92н // Российская газета. 2013. № 112.

⁵ Об утверждении федерального государственного стандарта государственной услуги по содействию самозанятости безработных граждан, включая оказание гражданам, признанным в установленном порядке безработными, и гражданам,

– программы по сохранению и поддержанию уже достигнутой занятости (такие, как программа информирования о положении на рынке труда⁶; проведение ярмарок вакансий и учебных рабочих мест⁷; программа содействия занятости лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком⁸).

– программы по содействию занятости. Такие программы способствуют занятости, но не во всех случаях обеспечивают ее (например, программа по профессиональному обучению и дополнительному образованию безработных граждан, включая обучение в другой местности⁹; программа профессиональной ориентации, социальной адаптации на рынке труда и психологической поддержки безработных граждан).

Среди программ второй группы, направленных на сглаживание негативных последствий безработицы, выделяют программы материальной поддержки на время поиска подходящей работы: выплата пособия по безработице; оказание материальной помощи; направление на досрочную пенсию граждан предпенсионного возраста. Все эти программы направлены на борьбу с нищетой, голодом, пандемией коронавирусной инфекции и требуют дополнительных усилий для достижения поставленных целей по расширению возможностей содействия занятости населения [5].

признанным в установленном порядке безработными, прошедшим профессиональное обучение или получившим дополнительное профессиональное образование по направлению органов службы занятости, единовременной финансовой помощи при их государственной регистрации в качестве юридического лица, индивидуального предпринимателя либо крестьянского (фермерского) хозяйства, а также единовременной финансовой помощи на подготовку документов для соответствующей государственной регистрации: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 декабря 2013 г. № 773н // Российская газета. 2014. № 71.

⁶ Об информировании граждан и работодателей о положении на рынке труда в Российской Федерации, правах и гарантиях в области занятости населения и защиты от безработицы: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 октября 2017 г. № 750 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71703236/> (дата обращения 21.02.2022 г.).

⁷ О реализации в 2019 – 2021 годах мероприятий, направленных на повышение эффективности службы занятости в рамках федерального проекта «Поддержка занятости и повышение эффективности рынка труда для обеспечения роста производительности труда» национального проекта «Повышение производительности труда и поддержка занятости»: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 1695 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72041590/> (дата обращения 21.02.2022 г.).

⁸ Рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации по содействию в трудоустройстве, в том числе на рабочие места с гибкими формами занятости, граждан, воспитывающих несовершеннолетних детей, а также организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования родителей (усыновителей), опекунов (попечителей), осуществляющих уход за ребенком в возрасте до 3 лет: информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71624832/> (дата обращения 21.02.2022 г.).

⁹ Об утверждении федерального государственного стандарта государственной услуги по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию безработных граждан, включая обучение в другой местности: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17 апреля 2014 г. № 262н // Российская газета. 2014. № 145.

Несмотря на то что в Российской Федерации реализуется достаточно большое количество программ, которые, несомненно, являются не только инструментом оказания содействия безработным гражданам в поиске работы, но и благоприятно влияют на ситуацию на рынке труда, однако для решения проблем, возникающих в последнее время в связи с пандемией коронавируса COVID-19, требуется расширение возможностей содействия занятости населения за счет реализации новых, нужных в настоящее время программ обеспечения занятости, а также совершенствования действующего законодательства о занятости. В период пандемии коронавируса началась реализация:

– программы государственной поддержки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при трудоустройстве безработных граждан, при реализации которой выплачиваются стимулирующие выплаты работодателям за трудоустройство граждан¹⁰;

– программы финансовой поддержки работодателей, реализующих инвестиционные проекты, при привлечении на постоянную работу квалифицированных работников из других регионов Российской Федерации на рабочие места, которые не могут быть заполнены местными трудовыми ресурсами¹¹. Размер финансовой поддержки составляет 225 тысяч на одного работника;

– долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года, которая создаст условия для реализации профессионального, трудового и предпринимательского потенциала молодых людей¹².

Также Минтруд подготовил новую редакцию закона «О занятости населения РФ», который внесен в Госдуму в осеннюю сессию 2022 года.

Концепцию нового законопроекта Министерство представило на заседании рабочей группы при комитете Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов.

Концепция лишь обозначает круг проблемных вопросов. Согласно документу к таковым Минтруд отнесит проблему неконвенциональной (теневой) занятости. Теневая занятость является одной из актуальных современных научных проблем, которая широко исследуется с позиций системного подхода определения ее форм, видов и характеризующих ее признаков, влияния на российский рынок труда, а также негативных правовых последствий неформальной занятости для работника, общества и государства.

¹⁰ О государственной поддержке в 2021 году юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при трудоустройстве безработных граждан: постановление Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 13 (Часть 1). Ст. 2229.

¹¹ Об утверждении Типовой региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 4 июня 2015 г. № 343н // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).

¹² Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. № 3581-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 51. Ст. 8941.

В связи с этим в Концепции ставится проблема определения ее понятия, обозначения ее последствий, а также предлагается законодательно закрепить полномочия органов власти различного уровня в сфере обеления рынка труда и необходимые для этого механизмы.

Минтруд не впервые обращает внимание на эту проблему: в ноябре 2021 года министерство представило проект плана по снижению теневой занятости в 2022 – 2024 годах, который предполагал проведение мониторинга нелегального трудоустройства и создание реестра работодателей с такими нарушениями.

Следующий вопрос, который будет внесен в законопроект, – это безработица и пособия для безработных [3]. Минтруд предлагает сделать индивидуальный план поиска работы основным элементом взаимодействия служб занятости с гражданами. Такой план будет составляться при постановке на учет в качестве безработного, а его мероприятия станут обязательными. Если гражданин не будет выполнять предписания, то может потерять пособие. Согласно действующему порядку регистрации безработных, план самостоятельного поиска места работы не является обязательной частью процедуры, и назначение пособия от него не зависит.

Следующий вопрос, требующий правового регулирования, – это правовой статус самозанятых граждан, которые работают на цифровые платформы (например, Яндексa или Сбера) и по договорам гражданско-правового характера. Для них закрепляют нормы по времени работы и отдыха, оплате услуг, а также регулируют вопросы доступа к социальным гарантиям – речь о пенсионных правах и различных пособиях (по безработице, временной нетрудоспособности и т.д.).

В настоящее время самозанятость является только налоговым режимом, и чтобы вводить механизмы социальных гарантий для таких граждан, сначала необходимо закрепить их правовой статус. Кроме того, предлагается обсудить вопрос о допустимой доле иностранного участия в платформах, которые нанимают самозанятых, и об использовании заемного труда.

Действительно, в действующей редакции ст. 2 закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»¹³ определен круг лиц, относящихся к занятым гражданам, а такая категория как самозанятые отсутствует. Традиционно, уже много лет в РФ реализуется Программа содействия самозанятости безработных граждан. К категории самозанятых граждан традиционно относили лиц, которые открыли собственное дело и зарегистрировались в качестве индивидуальных предпринимателей. Таким безработным гражданам всегда оказывалась государственная поддержка в лице органов службы занятости в виде помощи в составлении бизнес-плана, выдачи субсидии (финансировании) на открытие собственного дела. По сути дела, самозанятые отождествлялись с гражданами, зарегистрированными в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, без образования юридического лица. На это же указывали и некоторые нормативно-правовые акты.

¹³ О занятости населения в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 // Бюллетень нормативных актов РСФСР. 1992. № 1. С. 4 – 18.

В последнее время в целях расширения предпринимательской активности граждан, снижения безработицы и неформальной занятости на рынке труда, государством были созданы благоприятные условия, определив налоговым законодательством специальный налог на профессиональный доход, установленный федеральным законом № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»¹⁴, а также был обозначен круг лиц, имеющих право на ведение указанных в законодательстве видов деятельности, введен упрощенный режим регистрации самозанятого. Однако отсутствие понятия «самозанятости» в законодательстве сталкивает (возникает конкуренция) нормы, относящие лиц к категории самостоятельно обеспечивающих себя работой [6]. Определение понятия, правового статуса этих лиц, закрепление этих понятий в законодательстве способствовало бы решению многих проблем, в том числе связанных с защитой прав самозанятых граждан в судах (например, вопросы подведомственности).

Предлагается определить правовой статус сотрудников, которых работодатель временно направляет к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда (персонала). Этот вид деятельности является переходным между классическими трудовыми отношениями и новыми формами занятости, поэтому предполагается установить конкретные условия договора о предоставлении персонала, пересмотреть требования к организациям, оказывающим подобные услуги, и определить виды работ, для которых может использоваться такая трудовая деятельность.

Кроме того, Концепция предполагает разработку отдельного регулирования для компаний, оказывающих услуги в сфере занятости, налаживание сотрудничества в области рынка труда в рамках союзного государства и евразийского пространства, создание системы мониторинга и прогнозирования трудовых ресурсов.

Минтруд также предлагает дать доступ муниципальным образованиям к софинансированию мероприятий в сфере занятости, и кроме того, заложить правовые основы для взаимодействия органов занятости и образовательных организаций (например, для привлечения центров занятости к организации стажировок и практик).

Также требуется уточнения круга лиц, направляемых на получение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования. В соответствии со ст. 23 закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование безработных граждан могут осуществляться по направлению органов службы занятости, если гражданин не имеет квалификации; невозможно подобрать подходящую работу; из-за отсутствия у гражданина необходимой квалификации; необходимо изменить профессию (род занятий) в связи с отсутствием работы, отвечающей имеющейся у гражданина квалификации; гражданином утрачена способность к выполнению работы по имеющейся квалификации.

¹⁴ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (Часть 1). Ст. 7494

Право в приоритетном порядке пройти профессиональное обучение и получить дополнительное профессиональное образование имеют признанные в установленном порядке безработными: инвалиды; родители, усыновители, опекуны (попечители), воспитывающие детей-инвалидов; граждане по истечении шестимесячного периода безработицы; граждане, уволенные с военной службы; жены (мужья) военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы; выпускники общеобразовательных организаций; граждане, впервые ищущие работу (ранее не работавшие) и при этом не имеющие квалификации; граждане, прошедшие военную службу по призыву, в течение трех лет после увольнения с военной службы; граждане, получающие государственную социальную помощь на основе социального контракта при наличии в нем условия о прохождении профессионального обучения или получении дополнительного профессионального образования; жены (мужья) государственных гражданских служащих, назначенных в порядке ротации на должности государственной гражданской службы в государственные органы, расположенные в другой местности в пределах Российской Федерации.

В период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости за безработными гражданами сохраняется право на получение пособия по безработице. В указанный период оказание государственной услуги по содействию в поиске подходящей работы безработным гражданам приостанавливается.

Финансирование мер активной политики занятости, в том числе и профессионального обучения и дополнительного профессионального образования безработных граждан, производится из средств федерального бюджета. Это говорит о важности данных мер и поэтому государство уделяет особое внимание этому вопросу. Поэтому с 2021 года в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» реализуются мероприятия по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию отдельных категорий граждан:

- ищущих работу и обратившихся в органы службы занятости, включая безработных граждан;
- в возрасте 50-ти лет и старше, включая предпенсионного возраста;
- женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет;
- женщин, не состоящих в трудовых отношениях и имеющих детей дошкольного возраста.

В 2021 году прошли профессиональное обучение и получили дополнительное профессиональное образование в целом по Российской Федерации 194,9 тыс. человек (115,5 % от планируемой численности 168,8 тыс. человек). Численность занятых граждан после завершения обучения составила 145,9 тыс. человек.

В 2022 году постановлением Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 290 были внесены изменения в Положение о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профес-

сионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года¹⁵ [5]. Поэтому в 2022 году бесплатно пройти обучение в рамках федерального проекта смогут граждане следующих категорий:

- в возрасте 50 лет и старше, граждане предпенсионного возраста;
- женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет;
- женщины, не состоящие в трудовых отношениях и имеющие детей дошкольного возраста в возрасте от 0 до 7 лет включительно;
- молодежь в возрасте до 35 лет включительно, относящаяся к категориям:
 - граждан, которые с даты окончания военной службы по призыву не являются занятыми в соответствии с законодательством о занятости населения в течение 4 месяцев и более;
 - граждан, не имеющих среднего профессионального или высшего образования и не обучающихся по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования (в случае обучения по основным программам профессионального обучения);
 - граждан, которые с даты выдачи им документа об образовании и (или) квалификации не являются занятыми в соответствии с законодательством о занятости населения в течение 4 месяцев и более;
 - граждан, находящихся под риском увольнения (планируемых к увольнению в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя и возможным расторжением трудовых договоров);
 - граждан, завершающих обучение по образовательным программам среднего профессионального или высшего образования в текущем календарном году, обратившихся в органы службы занятости, для которых отсутствует подходящая работа по получаемой профессии (специальности).

Заключение

Хотелось бы обратить внимание на категории граждан в том смысле, что выпускник текущего календарного года, обратившийся в органы службы занятости, для которого отсутствует подходящая работа по получаемой профессии (специальности), имеет право бесплатно пройти обучение в рамках федерального проекта, а гражданин, который с даты выдачи им документа об образовании и (или) о квалификации должен не являться занятым в течение 4 месяцев и более, и лишь в этом случае у него возникает право на прохождение обучения. На наш взгляд, первая категория выпускников текущего года включает в себя вторую. В связи с этим в постановлении Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 290

¹⁵ О внесении изменений в Положение о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года: постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 290 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203060018?ysclid=l8c0017d3p210886973> (дата обращения: 21.02.2022).

целесообразно оставить одну категорию, указанную выше. Целесообразно снять ограничение 4 месяца и более и для граждан, которые с даты окончания военной службы по призыву не являются занятыми. Гражданин вправе искать подходящую работу в соответствии с законодательством РФ самостоятельно или путем обращения в органы службы занятости. При отсутствии таковой на наш взгляд он мог бы претендовать, наравне с другими категориями граждан на прохождение профессионального обучения и дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. **Крылов К. Д.** Правовые стандарты и их трансформация в развитии людских ресурсов // Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (к 75-летию ООН). М., 2022. С. 18 – 24.
2. **Орлова Е. Е.** Гармонизация национальных законодательств в сфере занятости населения государств-участников СНГ как средство формирования общего рынка труда // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17, № 3. С. 32 – 38.
3. **Орлова Е. Е.** Механизм финансирования реализации конституционных прав граждан на социальное обеспечение в сфере занятости населения // Вопросы современной науки и практики. Ун-т им. В. И. Вернадского. 2014. № S1(49). С. 84 – 90.
4. **Попов А. В., Соловьева Т. С.** Настоящее и будущее парадигмы занятости в условиях глобальных изменений // Journal of Applied Economic Research. 2021. Vol. 20, No. 2. С. 327 – 355.
5. **Сошникова Т. А.** Развитие трудового законодательства во имя обеспечения социальной справедливости // Социальная справедливость к устойчивой экономике и обществу для всех: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 18–19 февраля 2022. М., 2022. С. 68 – 75.
6. **Тучкова Э. Г.** Конституционное право граждан на защиту от безработицы и юридические гарантии его реализации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 38 – 41.
7. **Orlova E., Krylov K., Soshnikova T.** Self-employment as a form of realization of the right to freely chosen employment: problems of legal regulation // Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference “Current Problems of Social and Labour Relations” (ISPC-CPSLR 2021). Amsterdam: Atlantis Press, 2022. P. 321 – 324.

References

1. **Krylov K.D.** [Legal standards and their transformation in the development of human resources], *Global'nyy dialog o tselyakh ustoychivogo razvitiya: pravovoye izmereniye: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (k 75-letiyu OON)* [Global Dialogue on Sustainable Development: Legal Dimension: Sat. materials of the International scientific-practical. conf. (to the 75th anniversary of the UN)], Moscow, 2022, pp. 18-24. (In Russ.).
2. **Orlova Ye.Ye.** [Harmonization of national legislation in the sphere of employment of the population of the CIS member states as a means of forming a common labor market], *Yuridicheskaya nauka i praktika* [Legal Science and Practice], 2021, vol. 17, no. 3, pp. 32-38. (In Russ.).
3. **Orlova Ye.Ye.** [The mechanism of financing the implementation of the constitutional rights of citizens to social security in the field of employment of the population], *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Un-t im. V. I. Vernadskogo*

[Questions of modern science and practice. Univ. V. I. Vernadsky], 2014, no. S1(49), pp. 84-90. (In Russ.).

4. **Popov A. V., Soloveva T. S.** [The Present and Future of the Employment Paradigm in the Context of Global Changes], *Journal of Applied Economic Research*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 327-355. DOI:10.15826/vestnik.2021.20.2.014 (In Russ.).

5. **Soshnikova T.A.** [Development of labor legislation in the name of ensuring social justice], *Sotsial'naya spravedlivost' k ustoychivoy ekonomike i obshchestvu dlya vsekh: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Social justice for a sustainable economy and society for all: Sat. materials of the International scientific-practical. conf.], Moscow, February 18-19, 2022. Moscow, 2022, pp. 68-75. (In Russ.).

6. **Tuchkova E.G.** [The constitutional right of citizens to protection from unemployment and legal guarantees of its implementation], *Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor law in Russia and abroad], 2021, no. 2, pp. 38-41. (In Russ.).

7. **Orlova E., Krylov K., Soshnikova T.** Self-employment as a form of realization of the right to freely chosen employment: problems of legal regulation, *Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference "Current Problems of Social and Labour Relations" (ISPC-CPSLR 2021)*. Amsterdam: Atlantis Press, 2022. P. 321 – 324.

The Present and Future of the Employment Opportunities Paradigm

E. E. Orlova, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
Director of the Law Institute,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
ui@tstu.ru*

The current state of legal regulation in the field of employment of the population is analyzed, legal problems related to the future of the sphere of employment, such as non-conventional (shadow) employment, are identified from the standpoint of a systematic approach to determining its forms, types and features that characterize it, and the impact on the Russian labor market; legal status of self-employed citizens working for digital platforms; unemployment and funding unemployment benefits. A clarification is given for the circle of persons sent to receive vocational training and additional vocational education. It is concluded that it is necessary to expand the opportunities to promote employment of the population through the implementation of new employment programs, as well as the improvement of the current legislation on employment.

Keywords: employment; unemployment; unemployment benefit; self-employment; employment; employment service; labor market.

© E. E. Орлова, 2022

Статья поступила в редакцию 21.02.2022

При цитировании использовать:

Орлова Е. Е. Настоящее и будущее парадигмы расширения возможностей содействия занятости населения // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 499 – 508. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.499-508

Показана проблема предупреждения преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях. Приведен криминологический анализ преступности экстремистской направленности, совершаемой учащимися общеобразовательных учреждений; определена личность учащегося; выявлены детерминанты преступности экстремистской направленности среди учащихся общеобразовательных учреждений.

Цель криминологического анализа преступности экстремистской направленности, совершаемой учащимися общеобразовательных учреждений, – рассмотрение уровня экстремизации школьной среды на территории отдельных регионов российского государства и построение прогнозных моделей. На основании построенных моделей и рассчитанных показателей создана модель общеобразовательного учреждения как субъекта профилактики экстремизации учащихся.

Проведенное исследование состояния преступности экстремистской направленности, совершаемой учащимися общеобразовательных учреждений, а также детерминантов преступности экстремистской направленности среди учащихся общеобразовательных учреждений, показало необходимость совершенствования системы предупреждения преступности данной категории. Показана роль правоохранительных органов и системы образования в профилактике преступлений экстремистской направленности среди учащихся общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: экстремистская направленность; экстремистские проявления; экстремистский настрой; учащиеся; общеобразовательные учреждения; детерминанты; предупреждение.

Дурея Зиядиновна Зиядова, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Уголовное право, криминология и национальная безопасность»,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А. А. Кадырова», Грозный, Россия;
Zijadowa@yandex.ru

Майя Гамидовна Диева, канд. юрид. наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой «Безопасность и правопорядок»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
maychi1982@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Введение

В регионах Российской Федерации опасным явлением остаются преступления экстремистской направленности. Особую озабоченность вызывает участие в совершении данных преступлений учащихся общеобразо-

вательных учреждений, следствием чего является рост деяний экстремистской направленности. В этой связи преступность экстремистской направленности среди учащихся общеобразовательных учреждений, свидетельствующая об их радикализации, становится в настоящее время источником острой обеспокоенности общества.

Как показывают региональные исследования, помимо негативных процессов в системе образования и появления семей с экстремистским укладом жизни, внешние и внутренние преступные силы используют подростков для достижения экстремистских целей. Цель зарубежных сообществ экстремистского толка – это идеологическое одурманивание подрастающего поколения и его дальнейшее уничтожение. Поэтому возникла необходимость создания эффективной системы предупреждения экстремистских проявлений среди учащихся общеобразовательных учреждений на общероссийском и региональном уровнях. Эффективная система предупреждения экстремистских проявлений среди учащихся общеобразовательных учреждений способна снизить уровень террористической направленности среди молодежи.

Результаты исследования

Цель анализа преступности экстремистской направленности, совершаемой учащимися общеобразовательных учреждений, – исследование и прогнозирование криминологических особенностей данных деяний на территории определенного региона. Такой криминологический анализ позволит определить наиболее эффективные средства профилактики правонарушений и преступлений, которые применяются в тех регионах (районах, городах, школах), где экстремистские преступления среди учащихся имеют место в единичных случаях в течение последнего десятилетия.

Следует отметить, что несмотря на видимое криминальное положение в республиках Северного Кавказа, индекс преступности (400–600 преступлений на 100 тыс. населения) в данных субъектах очень низкий по сравнению с другими регионами Российской Федерации. Криминальный фон республик Северного Кавказа составляют некоторые распространенные преступления. В основном к ним относятся преступления террористической и экстремистской направленности.

В последние годы региональной особенностью стали экстремистские проявления среди учащихся общеобразовательных учреждений, в том числе и лиц женского пола. Наиболее распространенными деяниями среди учащихся общеобразовательных учреждений являются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), в основном используя сеть Интернет.

Такая тенденция связана с тем, что экстремизм стал одним из главных проблем современного общества, которое безуспешно осуществляет противодействие данному явлению. В свою очередь, экстремистский настрой среди учащихся общеобразовательных учреждений имеет тяжкие последствия. Вместе с радикальными формами поведения у учащихся происходит отчуждение от школы, интенсивное изучение ценностей экстремистских сообществ и иных деструктивных форм поведения. По результатам

нашего исследования, у большинства опрошенных учащихся школа и социальные институты не занимают центрального положения среди жизненных ценностей. Как отмечает Т. С. Богза, «широкое распространение экстремизма среди молодежи является свидетельством недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения» [1, с. 90].

Радикальный настрой учащихся способствует совершению преступлений террористической направленности. Проведенный анализ материалов судебно-следственной практики показывает, что нередко учащиеся осуществляют содействие террористической деятельности добровольно, когда с ними налаживают контакты террористические вербовщики. А некоторые учащиеся сами ищут способы для оказания помощи участникам незаконных вооруженных формирований.

В основном большая часть учащихся, оказывающая помощь участникам террористических организаций или экстремистских группировок, является родственниками лиц, осуществляющих террористическую деятельность. Обобщение материалов уголовных дел подтверждает, что многие учащиеся, содействующие террористической деятельности, являются братьями или сестрами погибших террористов во время контртеррористических операций, в связи с чем вместе с родственниками, как правило, они ищут способы мести сотрудникам правоохранительных органов.

Результаты исследования свидетельствуют, что часто учащиеся, осуществляя содействие террористической деятельности, не осознают в полной мере серьезность положения, в котором они оказываются. К примеру, несовершеннолетний М.Н.Г. содействовал террористической деятельности, оказывая финансовую помощь участнику незаконного вооруженного формирования «Исламское государство» (деятельность запрещена на территории РФ) путем предоставления денежных средств на сумму 4 000 рублей. Для перевода своему родственнику вышеуказанной суммы несовершеннолетний М.Н.Г. использовал банковский терминал, понимая, что переведенные им денежные средства будут использованы его родственником для осуществления террористической деятельности на территории Сирийской Арабской Республики.

Данные, полученные в ходе опросов среди учащихся, подтверждают, что многие учащиеся не осознают в полной мере ответственность за содействие террористической деятельности. Учащиеся не понимают, что под признаки преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, подпадает не только финансирование террористической деятельности или вовлечение в эту деятельность, но и оказание иной помощи (предоставление еды, воды, одежды и т.д.). Так, шестнадцатилетний И.О.Л. оказывал помощь своему брату и его знакомым, участвующим в составе незаконного вооруженного формирования на территории Республики Дагестан, систематически выполняя их просьбы. На предоставленные ему денежные средства приобретал им одежду, продукты питания, информировал их, осознавая, что его брат и знакомые являются участниками террористической организации, осуществляют террористическую деятельность на территории Российской Федерации, находятся в федеральном розыске. При задержании и допросе несовершеннолетний И.О.Л. оправдывал свои действия тем, что он просто

относил одежду и продукты питания по просьбе своего брата, не совершал террористического акта и не знал, что совершенные им деяния запрещены и подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ.

По данным исследований, семья является источником формирования экстремистских проявлений у учащихся. На территории республик Северного Кавказа существуют экстремистские семьи, то есть семьи, члены которых придерживаются крайних радикальных взглядов, негативно относятся к государственной власти, используют в воспитании детей экстремистские ценности и устои.

Проявлению экстремистских семей способствуют обычаи радикального течения ислама. Огромное количество лиц школьного возраста со своими родителями с радикальными установками покинули Российскую Федерацию в целях участия в незаконных вооруженных формированиях, осуществляющих террористическую деятельность.

Одним из факторов преступности экстремистской направленности, совершаемой учащимися общеобразовательных учреждений, является процесс их вовлечения в структуры экстремистской направленности. Как правильно отмечают исследователи [2, 6], активность несовершеннолетних участников террористических организаций за последние пятнадцать лет резко возросла. Главной причиной, из-за которой во всем мире так резко возросли экстремистские проявления среди подростков, является укрепление террористической организации «Исламское государство» (деятельность запрещена на территории РФ) на мировом уровне.

Следует отметить, что есть существенная доля несовершеннолетних, вовлеченных в содействие террористической деятельности не по собственной воле. Многие учащиеся общеобразовательных учреждений, совершившие преступления экстремистской направленности, были вовлечены в радикальные структуры в семье.

Во многих регионах Российской Федерации дети и их матери из различных социально-экономических групп с разными культурными, этническими и религиозными корнями, уровнем образования находятся в семье в зависимом положении от мужчины. Такое положение нередко становится фактором их вовлечения мужской половиной в экстремистскую деятельность. Е. П. Ким справедливо отмечает, что насилие в отношении зависимых лиц соответствует экстремистским деяниям, и предлагает ввести в оборот понятие «бытовой экстремизм» [4, с. 12].

Зависимое положение женщины от мужчины в семье обуславливает ограничение ее прав в решении вопросов воспитания детей. Крайнее выражение зависимого положения женщины в семье – это насилие в отношении нее и детей. Семейное насилие является способом контроля над зависимыми членами семьи. Женщины, неспособные защитить себя из-за зависимого положения в семье, вынуждены стать на экстремистский путь, вовлекая, в свою очередь, в радикальную деятельность своих детей. Как известно, подростки среди всех социальных слоев более подвержены влиянию радикальных идей, то есть очень легко воздействовать на разум подрастающего человека путем внушения ценностей экстремистских сообществ.

По результатам опроса, проведенного среди различных категорий женщин, 65 % респонденток вынуждены были следовать за радикальными идеями мужчин в семье. По ответам опрошенных лиц, только в 24 % случаев они смогли дать отпор радикальному настрою своих мужей и спасти детей от вовлечения в экстремистскую деятельность.

Фактором преступности экстремистской направленности, совершаемой учащимися общеобразовательных учреждений, является слабый контроль со стороны контролирующих органов за посещением подростками школьного возраста учебных заведений. В системе профилактики преступлений данной категории существенен вклад тех, кто непосредственно работает с подрастающим поколением, с теми, от кого зависит наше будущее.

Работать с несовершеннолетними – дело не простое. Воспитателю надо помочь подростку осознать противоправный характер своих радикальных действий, научить его правилам поведения, существующим в обществе. Именно от него, прежде всего, зависит судьба подростка: будут ли устранены обстоятельства, связанные с фактом девиантного поведения и приняты необходимые меры по коррекции его личности, уже сложившихся взглядов, убеждений, привычек поведения, личностных ориентаций.

Ошибка, неверные действия воспитателя отразятся на будущей жизни подростка, окажут необратимое влияние на становление его личности. Работнику системы образования всегда следует помнить, что он имеет дело с тонким и чувствительным материалом, и, прежде всего, не допускать воздействия внешних признаков, то есть оградить несовершеннолетнего от влияния экстремистских структур. Успех деятельности работника системы образования в значительной степени предопределяет правовая и педагогическая подготовка, а также добросовестное исполнение им своего профессионального долга.

В настоящее время настала пора заниматься предупреждением преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях. Профилактика преступлений экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях – составная часть более общей проблемы предупреждения преступности. Она заключается также в создании наиболее благоприятных условий развития и воспитания несовершеннолетних и молодежи.

В системе предупреждения преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях ведущее место принадлежит нравственно-воспитательным мерам. Как правильно отмечают исследователи, фактором преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях является снижение уровня духовности и нравственности семьи. В свою очередь, нравственность и воспитание – основы общественного сознания, которые формируют мировоззрение и отношение к жизни, побуждают к совершению конкретных действий. Нравственно воспитанный молодой человек не будет прибегать к насилию, использовать жизнь людей как орудие достижения своих целей, шантажировать угрозой смерти и брать в заложники детей.

Целевые исследования [2, 5] подтверждают, что наиболее опасным периодом вовлечения учащихся общеобразовательных учреждений в экстре-

мистские сообщества являются месяцы летних каникул. В этой связи целесообразно в конце учебного года организовать проведение разъяснительной работы и специальных профилактических мероприятий в учебных заведениях и местах проведения досуга подростков. Эти мероприятия должны осуществляться совместно с участковыми уполномоченными полиции.

Служба участковых уполномоченных полиции является центральным звеном в системе профилактики экстремистских проявлений в общеобразовательных учреждениях. Серьезное место занимает работа с участковыми уполномоченными полиции, в процессе которой выявляются взрослые, негативно влияющие на несовершеннолетних. Важным направлением является индивидуальная профилактическая работа, которая заключается в выявлении и учете лиц, способных вовлечь подростков в радикальные структуры, и ведении оперативного наблюдения за ними, принятии соответствующих мер для недопущения совершения ими вербовки. Причем эта работа не должна заканчиваться только выявлением и постановкой на учет, а превратится в планомерную, постоянную деятельность по их изоляции от несовершеннолетних, вплоть до привлечения таких взрослых к уголовной ответственности при наличии законных оснований. При проведении индивидуальной профилактики необходимо принять меры к изоляции взрослых подстрекателей даже в семье. При проведении всех профилактических мероприятий необходимо строгое соблюдение законности, что позволит в правовом поле проводить необходимую работу и не допускать нарушения прав и свобод несовершеннолетних.

Существенные профилактические функции выполняют подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН), направленные на противодействие экстремистским проявлениям в общеобразовательных учреждениях. Деятельность некоторых субъектов криминологической профилактики преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях носит в значительной мере закрытый характер. Например, органы Федеральной службы безопасности осуществляют предупреждение разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, шпионажа, направленного на экстремизацию подрастающего поколения.

Координация деятельности по профилактике преступлений экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях может осуществляться наиболее успешно при соблюдении определенных организационных принципов. Успех деятельности в деле противодействия экстремистским проявлениям в общеобразовательных учреждениях зависит от скоординированности предупредительной деятельности всех подразделений и органов, занимающихся профилактикой преступлений экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях.

В системе субъектов предупреждения преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях особое место занимает система образования. Учреждения системы образования осуществляют деятельность по изучению особенностей характера, интересов молодых людей, среды, в которой они живут; выявлению факторов формирования экстремистского поведения, и принимают меры ресоциализации такого девиантного поведения. Для этого необходимо разработать програм-

му выявления и изучения факторов отклоняющегося поведения (радикализации), а также формирования правильного отношения к традиционным формам религии.

Опрос в общеобразовательных учреждениях показал, что классные руководители могут проводить беседы в целях раскрытия истинного смысла нетрадиционного течения религии. Такая беседа может в некоторой степени удержать учащегося от экстремистского настроения. Регулярное ведение дневников индивидуальной воспитательно-профилактической работы помогает классному руководителю отчетливо видеть динамику поведения учащихся, правильно определять наиболее эффективные формы работы по коррекции их радикального поведения. Однако классные руководители, особенно в районах с экстремистским настроем, учитывая угрозу со стороны представителей террористических организаций, испытывают значительные трудности не только при организации антиэкстремистской и антитеррористической профилактической деятельности, но и при проведении воспитательной работы в целом.

В работе по профилактике преступлений экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях большую роль играют учебные занятия, где педагоги формируют у учащихся правильные взгляды на жизнь, воспитывают толерантное отношение к представителям иных национальностей, вероисповеданий, социальных групп. При этом важно, чтобы родители сами не были представителями экстремистских сообществ, лицами с радикальным складом ума.

Критическое и даже негативное отношение родителей к светским правилам, в том числе к полноценному образованию, – один из основных факторов формирования личности с экстремистскими наклонностями. Подростки в экстремистских семьях, несмотря на все принимаемые системой образования меры, оставляют учебу в образовательном учреждении, становятся членом сообществ экстремистского уклона. Поэтому в общеобразовательных школах работа с родителями должна проводиться по следующим направлениям: 1) организация повседневной связи работников школы с родителями для координации радикальных воспитательных действий и обеспечения единых требований к учащимся, постоянное повышение педагогической культуры родителей; 2) широкое вовлечение родительской общественности в организацию и проведение мероприятий по формированию антиэкстремистской идеологии; 3) оказание активного воспитательного воздействия на родителей с радикальными взглядами, экстремистским укладом жизни.

Таким образом, противостоять экстремистскому натиску можно эффективной правовой социализацией молодежи, основой которой является антиэкстремистская идеология. Как правильно отмечают исследователи [3, 7], в то время, когда представители экстремистских сообществ используют информационное оружие как средство достижения своих целей, силовые структуры государства уничтожают лиц молодежного возраста, попавших в силу своей правовой неграмотности в экстремистские сети. Идеологический «вакуум» в молодежной среде стал «бомбой замедленно-

го действия», взрыв которой имеет тяжкие последствия для общества и государства. В связи с этим, как правильно отмечает Н. М. Букаев, «в борьбе с идеологией терроризма и экстремизма не может быть формального подхода. В данном случае речь идет не только об осознании опасности этого явления, но и о разработке адекватных и эффективных мер противодействия ему» [2, с. 147].

В правовой социализации молодежи заметную роль смогут сыграть юридические клиники. В рамках юридической клиники важное значение имеет формирование лекторской группы из магистрантов и студентов 4 курса юридического факультета. Под руководством профессорско-преподавательского состава члены лекторской группы смогут организовать антиэкстремистскую деятельность в молодежной среде. Основной задачей лекторской группы станет доведение до учащейся молодежи асоциального смысла лозунгов и призывов экстремистского толка, противостояние вовлечению ее в совершение преступлений экстремистской и террористической направленности.

В целях предупреждения преступности экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях можно создать на базе юридических факультетов центры по противодействию экстремизму и терроризму. Функцией таких центров является правовая социализация учащейся молодежи, способная в последующем противостоять экстремистской идеологии. Таким образом, основным оружием противодействия экстремизму является создание государственной гуманной идеологии.

Заключение

Преступность экстремистской направленности среди учащихся общеобразовательных учреждений на региональном уровне – это последствия массового вовлечения подрастающего поколения в структуры экстремистской и террористической направленности. Экстремистские проявления среди учащихся общеобразовательных учреждений на региональном уровне становятся угрозой безопасности регионов Российской Федерации. Поэтому необходима надежная система предупреждения экстремистских взглядов и проявлений в школьной среде.

Факторы, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности учащимися общеобразовательных учреждений в республиках Северного Кавказа, имеют свои особенности. В первую очередь, сложная социально-экономическая ситуация в республике и высокая безработица способствуют экстремистским проявлениям среди учащихся общеобразовательных учреждений на региональном уровне.

Радикализация школьной молодежи будет определять криминогенную ситуацию в Российской Федерации в ближайшей перспективе. Поэтому важное значение в системе профилактики преступлений среди несовершеннолетних играют неспециализированные субъекты, к которым относятся в первую очередь семья, школа, общественные молодежные организации. Важнейшую роль в этом играют две инстанции: семья и школа.

Немаловажный вклад в профилактику преступлений экстремистской направленности среди учащихся общеобразовательных учреждений вносят специализированные субъекты.

Основным направлением предупреждения преступности террористической направленности среди молодежи в республиках Северного Кавказа является обеспечение занятости трудом молодых людей. Вместо дотаций, способствующих обогащению представителей власти, целесообразнее возрождение производства, создание государственных предприятий. Государственное производство и сельское хозяйство смогут стать сдерживающим фактором преступности террористической и экстремистской направленности.

Профилактический эффект в системе предупреждения будут иметь социальные меры, направленные на защиту детства и юношества. Это – социальная помощь малообеспеченным и многодетным семьям с несовершеннолетними детьми; совершенствование системы организации досуга молодежи, летнего отдыха несовершеннолетних; развитие учреждений дополнительного образования. В рамках социальной защиты детства превентивное значение имеет повышение роли образовательных учреждений, улучшение условий жизнедеятельности и материального положения работников системы образования и социальной защиты; поднятие авторитета профессии учителя, воспитателя и социального работника.

Несмотря на профилактическую роль социальных, социально-экономических, организационно-управленческих мер, главным направлением должна стать нравственно-воспитательная профилактика данных преступлений: проведение нравственно-этических мероприятий, направленных на повышение правовой и нравственной культуры учащихся общеобразовательных учреждений. Заключительный этап в антиэкстремистской социализации подрастающего поколения является победа над идеологией терроризма, которая позволит полностью ее искоренить в российском государстве.

Список литературы

1. **Богза Т. С.** Анализ восприятия понятия «экстремизм» в виртуальной среде подростков // *Моя профессиональная карьера*. 2020. Т. 3, № 8. С. 89 – 92.
2. **Букаев Н. М., Волосова Н. Ю.** Отдельные аспекты борьбы с экстремизмом и терроризмом на религиозной почве среди подростков и молодежи // *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10, № 3-1. С. 147 – 157. DOI: 10.34670/AR.2020.93.3.012
3. **Воронин Ю. А., Беляева И. М., Кухтина Т. В.** Современные тенденции преступности в цифровой среде // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 7 – 12. DOI: 10.14529/law210101
4. **Ким Е. П.** Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждение: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 51 с.
5. **Когай Е. А.** Молодежный экстремизм и виртуальный мир // *Социально-гуманитарное обозрение*. 2019. № 1(1). С. 13–14.
6. **Моисеева А. К.** Криминологическая характеристика лица, осуществляющего содействие террористической деятельности // *Пробелы в российском законодательстве*. 2020. Т. 13, № 4. С. 102 – 104.

7. Шут О. А. Экстремизм в цифровом пространстве социальных сетей: способы совершения и детерминанты // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 1. С. 96 – 102. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(1).96-102

References

1. Bogza T.S. [Analysis of the perception of the concept of "extremism" in the virtual environment of adolescents], *Моя профессиональная карьера* [My professional career], 2020, vol. 3, no. 8, pp. 89-92. (In Russ.)

2. Bukayev N.M., Volosova N.Yu. [Separate aspects of the fight against extremism and terrorism on religious grounds among adolescents and youth], *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and international law], 2020, vol. 10, no. 3-1, pp. 147-157. DOI: 10.34670/AR.2020.93.3.012 (In Russ.)

3. Voronin Yu.A., Belyayeva I.M., Kukhtina T.V. [Current trends in crime in the digital environment], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 7-12. DOI: 10.14529/law210101 (In Russ.)

4. Kim Ye.P. *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*. Moscow, 2002, 51 p. (In Russ.)

5. Kogay Ye.A. [Youth extremism and the virtual world], *Sotsial'no-gumanitarnoye obozreniye* [Social and Humanitarian Review], 2019, no. 1(1), pp. 13-14. (In Russ.)

6. Moiseyeva A.K. [Criminological characteristics of a person assisting terrorist activities], *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 102-104. (In Russ.)

7. Shut O.A. [Extremism in the digital space of social networks: ways of committing and determinants], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Omsk University. Series: Law], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 96-102. DOI: 10.24147/1990-5173.2021.18(1).96-102 (In Russ.)

Some Areas of Prevention of Extremist Crimes in Educational Institutions

D. Z. Zijadova, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Department of Criminal Law, Criminology and National Security,
Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia;
Zijadova@yandex.ru

M. G. Dieva, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Acting Head of the Department "Security and Law and Order",
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
maychi1982@mail.ru

The article discusses the problem of extremist crime prevention in educational institutions. The article provides a criminological analysis of extremist crime committed by students of general education institutions; determines the identity of the student who committed an extremist crime; identifies the determinants of extremist crime among students of general education institutions.

The purpose of the criminological analysis of extremist crimes committed by students of general education institutions is to consider the level of extremism of the school environment on the territory of certain regions of

the Russian Federation and the construction of predictive models. Based on the proposed models and calculated indicators, a model of a general education institution as a subject of prevention of student extremism is constructed.

The study of the state of extremist crime committed by students of educational institutions, as well as the determinants of extremist crime among students of educational institutions, showed the need to improve the system of crime prevention in this category. The role of law enforcement agencies and the education system in the prevention of extremist crimes among students of educational institutions is shown.

Keywords: extremist orientation; extremist manifestations; extremist attitude; students; educational institutions; determinants, prevention.

© Д. З. Зиядова, 2022

© М. Г. Диева, 2022

Статья поступила в редакцию 15.07.2022

При цитировании использовать:

Зиядова Д. З., Диева М. Г. Некоторые направления профилактики преступлений экстремистской направленности в общеобразовательных учреждениях // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 4. С. 509 – 519. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.509-519

Представлен анализ генезиса и трансформации понятия «имущественные преступления» в российском уголовном законодательстве и уголовно-правовой доктрине, показаны и соотнесены между собой основные воззрения российских правоведов относительно сущности и границ рассматриваемого понятия, объекта посягательства указанных преступлений. Значительное место в статье занимает рассмотрение первого Уголовного кодекса Советской России – УК РСФСР 1922 г., так как именно в этом кодексе впервые в российском уголовном законодательстве появился термин «имущественные преступления» и глава Особенной части с таким же названием. Материал статьи охватывает период с первого упоминания понятия до настоящего времени.

Ключевые слова: имущественные преступления; преступления против собственности; объект преступления; имущественные права; потребности индивида.

Петр Александрович Скобликов, д-р юрид. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права РАН, Москва, Россия;
skoblikov@list.ru

ПОНЯТИЕ «ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Введение

Имущественные блага ценны для человека не только сами по себе. Их наличие обеспечивает удовлетворение разнообразных потребностей и интересов индивида: физиологические, органические (базовые) – нуждаемость в крове, пище, еде, медицинской помощи, личной безопасности и проч.; социокультурные, духовные – потребность в самореализации, запрос на образование, приобщение к культурным ценностям, физкультуре и спорту, интерес к путешествиям и т.д. Соответственно, непреходящее значение имеет уголовно-правовая охрана имущественных прав. При этом отметим, чем менее патерналистским является государство, а также чем глубже проникают в общественные отношения рыночные правила, тем более актуальной является защита имущественных прав. В связи этим полезно изучить и проанализировать появление понятия «имущественные преступления» и его последующую трансформацию в отечественном уголовном законодательстве, а равно в уголовно-правовой доктрине. Выдающийся российский правовед Н. Д. Сергиевский в свое время резонно отметил, что «наука уголовного права не может ограничиться одним действующим уголовным законом, оставив в стороне его прошлое, его историю», поскольку «проследив происхождение известного института или законоположения, мы узнаем те условия, которые породили его и которые

влияти на его развитие» и «получаем возможность решить: должно ли быть это законоположение сохранено, или оно должно уступить место другому <...> в противном случае все наши суждения будут лишены прочного основания» [7, с. 8].

В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента принятия и введения в действие первого Уголовного кодекса Советской России – УК РСФСР 1922 г. Этот кодифицированный акт, помимо прочего, интересен тем, что в нем впервые в истории российского законодательства было использовано понятие «имущественные преступления» и закреплен соответствующий термин.

Основная часть

Глава VI «Имущественные преступления» в первой редакции УК РСФСР 1922 г. включала в себя 20 статей (№№ 180-199), большая часть коих предусматривала ответственность за деяния, которые по классификации современного российского права именуется преступлениями против собственности: кража (ст. 181); грабеж (ст. 182); грабеж, соединенный с насилием (ст. 183); разбой (ст. 184); растрата или присвоение имущества, учиненные частным лицом (ст. 185); мошенничество (ст. 187); мошенничество, причинившее убыток государственному или общественному учреждению (ст. 188); вымогательство (ст. 194); шантаж (ст. 195); умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего учреждению, предприятию или частному лицу (ст. 196); умышленное истребление или повреждение какого-либо имущества общеопасным способом (ст. 197).

Вместе с тем в главу VI помещены также статьи, которые по современной классификации должны были бы находиться в других главах Уголовного кодекса, поскольку предусматривают ответственность за преступления в сфере экономической деятельности (покупка заведомо краденого – ст. 181; самовольное пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке – ст. 198; самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием – ст. 199), преступления против здоровья населения (фальсификация предметов потребления, которая имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов – ст. 191) и т. п.

Если сопоставить и обобщить характеристики перечисленных преступлений с позиции современных правовых представлений, то, как вариант, можно предположить следующее: *основанием для выделения этой группы преступлений в отдельный класс явилось совпадение объекта посягательства; в качестве такового здесь выступают имущественные права в широком (гражданско-правовом) значении этого термина (не только вещные, но и обязательственные, и другие), а также сами имущественные блага и имущественный интерес.*

До принятия УК РСФСР 1922 г. в систематизированных правовых актах российского государства имущественные преступления не выделялись в отдельный класс; более того, в их текстах вообще отсутствовал такой термин.

В частности, в Уголовном уложении 1903 г. – последнем кодифицированном уголовно-правовом акте Императорской России – ответственность за преступления, которые можно было бы отнести к имущественным, предусматривалась в главах XXX (повреждение имущества), XXXI (необъявление о находке, присвоение чужого имущества, злоупотребление доверием), XXXII (воровство, разбой и вымогательство), XXXIII (мошенничество), XXXIV (банкротство, ростовщичество и иные случаи наказуемой недобросовестности по имуществу) и др. [6].

В свою очередь, в предыдущий правовой акт – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – были включены два раздела, так или иначе охватывающие преступления, значительную часть которых можно было бы отнести к имущественным [6]. В этих разделах, в свою очередь, по многим главам были рассредоточены статьи об имущественных преступлениях. Один из них – раздел VII «О преступлениях против имущества и доходов казны», где в главе I «Общие положения» решаются общие вопросы, а все остальные главы раздела построены по отраслевому принципу: «О нарушении уставов монетных» (гл. II), «О нарушении уставов о гербовой бумаге» (гл. III), «О нарушении уставов горных» (гл. IV), «О нарушении уставов о соли» (гл. V), «О нарушениях постановлений по питейному сбору и акцизу» (гл. VI), «О нарушении уставов о выделке и продаже табака» (гл. VII), «О нарушении уставов таможенных» (гл. VIII), «О нарушении уставов о казенных лесах» (гл. IX). Другой – раздел XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц», который содержит пять следующих глав: «О насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захватах и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и истреблении граничных меж и знаков» (гл. I), «Об истреблении и повреждении чужого имущества» (гл. II), «О похищении чужого имущества» (гл. III), «О присвоении и утайке чужой собственности» (гл. IV), «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам» (гл. V). Во всех из них содержались статьи, предусматривающие ответственность за деяния, которые при том или ином подходе можно отнести к имущественным преступлениям.

Означает ли все вышеизложенное, что выделение имущественных преступлений в отдельный класс было впервые обосновано и предложено советскими юристами? Отнюдь. Понятие «имущественные преступления» в доктрине уголовного права появилось, по всей видимости, в конце XIX века. Хотя несомненно, что реализация соответствующих идей в системе уголовного законодательства – это заслуга новой российской власти и сотрудничавших с ней юристов.

В отечественной юридической литературе, изданной в первой половине XIX века, классификация преступлений строилась по иным принципам. Так, в работе П. А. Гуляева преступления, в самом общем виде, делились по признаку публичного интереса: на государственные или общественные и на частные. Среди последних, в свою очередь, выделялись опасные для многих и те, которые лично к кому-либо относились. Более детальная классификация не предлагалась. В соответствии с этим Гуляев отнес к группе «частных, опасных для многих» преступления, которые могли бы считаться имущественными, – поджоги, разбой, грабеж, воров-

ство, мошенничество, незаконная продажа имений, умышленное банкротство и др. [2].

Подготовленный не позже 1891 г. и выдержавший не менее 13 переизданий учебник уголовного права Франца фон Листа (1851 – 1919) – австрийского правоведа, преподававшего уголовное право в Австрии и Германии, одного из основателей международного союза криминалистов – включал раздел IV «Деяния против имущественных прав». К имущественным преступлениям (в прижизненном переводе издания на русский язык использовался именно этот термин) Ф. Лист относил четыре группы деяний: наказуемые деяния против вещных прав; нарушения прав присвоения; наказуемые действия против прав требования; наказуемые деяния против имущества вообще [9, с. 133 – 206]. Все указанные преступления вычленены в отдельный класс вследствие того обобщения, что объектом их посягательства являлись отдельные имущественные права или имущество в целом. При этом в явной форме (через родовое понятие и видовые отличия) определение понятию «имущественные преступления» этим автором не дается.

Примерно в то же время, когда появился труд Ф. Листа, крупным российским правоведом И. Я. Фойницким¹ был подготовлен и опубликован двухтомный курс уголовного права, также выдержавший множество переизданий. Как и предыдущий автор, И. Я. Фойницкий в указанной работе явного определения понятию «имущественные преступления» не давал и, более того, такое словосочетание не использовал. Из пояснений к разделу (отделению) «Посягательства на имущество» можно заключить, что имущество понималось И. Я. Фойницким узко, как отдельные вещи или их совокупность: «Можно нарушить право на имущество или в полном его объеме, образующем право собственности, или только в одной из частей собственности – права владения, распоряжения или пользования» [8, с. 162]. Если так, то имеет место отождествление имущественных преступлений и преступлений против собственности. *Однако изучение предложенной этим автором классификации посягательств на имущество (а также ее наполнения) свидетельствует о более широком понимании как имущества, так и обусловленных им прав, которые не сводятся к одним лишь вещным правам.* В самом общем виде эта классификация охватывала четыре группы деяний: 1) *корыстные посягательства против вещественных предметов имущественного обладания;* 2) *повреждение чужого имущества;* 3) *посягательства на имущественную сферу вообще (за исключением похищений имущества);* 4) *наказуемое пользование чужим и распоряжение собственным имуществом* [8, с. 164]. К третьей группе, помимо прочих, отнесены наказуемые сделки, банкротства, а также посягательства против отвлеченной собственности (под которой подразумевались авторские права и права на изобретения) [8, с. 360 – 408].

За год до начала Первой мировой войны А. Н. Круглевским (с 1914 г. приват-доцент Петроградского университета) было опубликовано крупное монографическое исследование на рассматриваемую тему [5]. В предид-

¹ Заслуженный ординарный профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства в Санкт-Петербургском университете с мая 1896 г.

словии к указанной работе отмечено, что «имущественные преступления представляют собой сферу особенной части уголовного права, подвергшуюся наиболее сильному влиянию со стороны характеризующих нашу эпоху реформаторских течений. Рассматривая содержание вышедших за последние годы кодексов и проектов, легко убедиться, что они не только производят существенные изменения в структуре старых имущественных преступлений, но и создают ряд совершенно новых составов преступлений против имущества, бывших до сих пор неизвестными законодательной практике».

В монографии А. Н. Круглевского, как и в указанных выше трудах, отсутствует явное определение имущественных преступлений. Вместе с тем такое определение можно сформулировать из контекста тезисов автора. Круглевский пришел к выводу, что объектом посягательств любых преступлений являются те или иные правовые блага, а объектом преступлений рассматриваемого вида, соответственно, выступают имущественные блага. Обращаясь к их существу, он призывал различать фактический субстрат благ, – те явления, представления или восприятия которых вызывают удовлетворение эмоций и положительные чувства, и саму психическую реакцию на них – эмоции и чувства [5, с. 49].

Взяв в качестве основания классификации такой объект, автор очертил круг имущественных преступлений весьма широко. *К предмету посягательства при имущественных преступлениях (а термин «предмет преступлений» в книге используется как синоним термина «объект преступлений») отнесены четыре категории явлений: 1) материальное имущество; 2) владение; 3) психические имущественные блага; 4) имущественные действия* [5, с. 72–73]. Исходя из приведенного посыла, в качестве имущественных преступлений представлены не только те деяния, которые позже будут предусмотрены в главе VI УК РСФСР 1922 г., но и многие иные.

В частности, нарушение тайны содержания чужого, не вышедшего в свет, литературного произведения; самовольное публичное исполнение чужого драматического или музыкального произведения; все виды банкротств; посягательства на права кредиторов со стороны третьих лиц; благоприятствование должника одному из своих кредиторов в ущерб прочим; самоуправные действия кредитора; парализование возможности принудительного взыскания долга, незаконная конкуренция; самовольная охота и самовольная рыбная ловля; укрывательство преступно добытого имущества; эксплуатация малолетних и других беспомощных лиц и проч.

Включение в систему отечественного уголовного законодательства в качестве отдельного класса имущественных преступлений послужило толчком для дальнейших исследований по данной теме. В 1925 г. была опубликована довольно объемная и глубокая монография профессора Ленинградского университета А. А. Жижиленко «Имущественные преступления» [3], где содержится следующая интерпретация объекта рассматриваемых посягательств: *особенностью имущественных преступлений является то, что они направляются на правовые блага, могущие принадлежать как индивиду, так и коллективу, как личности, так и обществу,*

причем природа их не меняется от того, является ли в отдельном случае предметом преступления благо, принадлежащее человеку или обществу. Такими правовыми благами являются, с одной стороны, имущество в собственном смысле, с другой, так называемые нематериальные блага, имеющие отчасти личный, отчасти имущественный характер: это результаты интеллектуального творчества человека (авторство) и предметы так называемой промышленной собственности (изобретение, промышленный образец, товарный знак, фирма) [3, с. 7]. Отсюда проступают две подгруппы преступных деяний, относимых к группе имущественных преступлений: 1) преступления против имущества; 2) преступления против нематериальных благ. В переработанном издании 1928 г. А. А. Жижиленко добавил здесь уточнение: «...являющиеся объектом так называемых исключительных прав, посягательства на которые, хотя и имеют соприкосновение с имущественными преступлениями, но вместе с тем отличаются от последних, вследствие чего они должны быть выделены из группы имущественных преступлений», и в соответствии с этим скорректировал название своей работы [4, с. 5].

В Особенной части УК РСФСР 1926 г. глава «Имущественные преступления» сохранилась, она фигурировала там под номером VII и включала в себя 17 статей (ст.ст. 162 – 178). В УК РСФСР 1960 г. имущественные преступления как отдельная группа деяний уже не обособлялась. Также не предусмотрена (и не была предусмотрена) такая группа деяний в ныне действующем УК РФ 1996 г.

Заключение

В современной юридической литературе идея классификации уголовно-наказуемых деяний с выделением объекта имущественных преступлений возродилась в XXI веке, на новом витке развития нашей страны, после смены общественно экономической формации. Ее высказал и определенным образом обосновал А. Г. Безверхов в своей докторской диссертации. Эта идея предполагает и соответствующее реформативное изменение законодательства, исходя из обновленных представлений о родовых объектах преступлений. *Под имущественными преступлениями предлагается понимать умышленные и неосторожные общественно опасные деяния (действия и бездействие), посягающие на имущественные отношения рыночной природы и причиняющие или угрожающие причинением имущественного вреда в виде реального ущерба и (или) неполученных доходов (упущенной выгоды) собственнику, владельцу или иным участникам указанных отношений.* Выделение имущественных преступлений в качестве отдельного класса Безверхов обосновывает развитием рыночной экономики в современной России, расширением круга объектов и появлением новых субъектов общественно опасных посягательств в имущественной сфере, возникновением прежде неизвестных форм преступности в области имущественных отношений, изменением характера и степени общественной опасности отдельных видов преступлений против имущественных

прав, а также возникшей несогласованностью юридических форм выражения гражданско-правового регулирования и уголовно-правовой охраны имущественных отношений [10, с. 9, 10]. Тем не менее российский законодатель пока не оперирует в УК РФ термином «имущественные преступления».

Список литературы

1. **Безверхов А. Г.** Имущественные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2002. 42 с.
2. **Гуляев П. Н.** Российское уголовное право / Составленное из российских государственных узаконений титулярным советником Петром Гуляевым. Москва: Тип. П. Кузнецова, 1826. 209 с.
3. **Жижиленко А. А.** Имущественные преступления. Л.: Наука и школа, 1925. 226 с.
4. **Жижиленко А. А.** Преступления против имущества и исключительных прав. Л.: Рабочий суд, 1928. 208 с.
5. **Круглевский А. Н.** Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. Санкт-Петербург: Типо-лит. С.-Петерб. одинач. тюрьмы, 1913. 560 с.
6. **Новое уголовное уложение**, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. Санкт-Петербург: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 253 с.
7. **Сергиевский Н. Д.** Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. 9-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 397 с.
8. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. 2-е изд., пересм. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 451 с.
9. **Франц фон Лист.** Учебник уголовного права: Особенная часть. Разреш. авт. пер. с 12 и 13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич. Москва: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. XVIII, 409 с.
10. **Уложение** о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отделения собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 898 с.

References

1. **Bezverkhov A.G.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis: 12.00.08, Izhevsk, 2002, 42 p. (In Russ.)*.
2. **Gulyayev P.N.** *Rossiyskoye ugovnoye pravo, Sostavlennoye iz rossiyskikh gosudarstvennykh uzakoneniye titulyarnym sovetnikom Petrom Gulyayevym* [Russian criminal law, Compiled from Russian state legalizations by the titular adviser Peter Gulyayev], Moscow: Tip. P. Kuznetsova, 1826, 209 p. (In Russ.).
3. **Zhizhilenko A.A.** *Imushchestvennyye prestupleniya* [Property crimes], Leningrad: Nauka i shkola, 1925, 226 p. (In Russ.).
4. **Zhizhilenko A.A.** *Prestupleniya protiv imushchestva i isklyuchitel'nykh prav* [Crimes against property and exclusive rights], Leningrad: Rabochiy sud, 1928, 208 p. (In Russ.).
5. **Kruglevskiy A.N.** *Imushchestvennyye prestupleniya. Issledovaniye osnovnykh tipov imushchestvennykh prestupleniy* [Property crimes. Study of the main types of property crimes], Sankt-Peterburg: Tipo-lit. S.-Peterb. odinach. tyur'my, 1913, 560 p. (In Russ.).
6. **Novoye ugovnoye ulozheniye** [New criminal code, vys. approved March 22, 1903: With adj. subject alf. decree], Neofits. izd. Sankt-Peterburg: kn. mag. V.P. Anisimova, 1903, 253 p. (In Russ.).

7. **Sergiyevskiy N.D.** *Russkoye ugolovnoye pravo: posobiye k lektsiyam. Chast' Obshchaya* [Russian Criminal Law: Lecture Guide. Part General], Sankt-Peterburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1911, 397 p. (In Russ.).

8. **Foynitskiy I.Ya.** *Kurs ugolovnogo prava. Chast' osobennaya: Posyagatel'stva lichnyye i imushchestvennyye* [Course of criminal law. Part special: Encroachments on personal and property], Sankt-Peterburg: Tip. M. M. Ctasyulevicha, 1893, 451 p. (In Russ.).

9. **Frants fon List.** *Uchebnik ugolovnogo prava: Osobennaya chast'* [Textbook of criminal law: Special part], Resolution ed. per. from 12 and 13 rev. ed. F. Elyashevich, Moscow: T-vo tip. A. I. Mamontova, 1905. XVIII, 409 p. (In Russ.).

10. **Ulozheniye o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh** [Code of penalties for criminal and correctional], Sankt-Peterburg: Tip. 2 otdeleniya sobstv. Ye. I. V. kantselyarii, 1845, 898 p. (In Russ.).

The Concept of “Property Crimes” in Russian Criminal Legislation and Legal Doctrine: Background

P. A. Skoblikov, *D. Sci. (Law)*,
Leading Research Fellow of the Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Department,
Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
skoblikov@list.ru

The article presents an analysis of the genesis and transformation of the concept of “property crimes” in Russian criminal legislation and criminal law doctrine, shows and correlates the main views of Russian jurists regarding the essence and boundaries of the concept under consideration, the object of encroachment of these crimes. A significant place in the article is occupied by the consideration of the first Criminal Code of Soviet Russia – the Criminal Code of the RSFSR of 1922, since it was in this code that the term “property crimes” and the chapter of the Special Part with the same name appeared for the first time in Russian criminal legislation. The material of the article covers the period from the first mention of the concept to the present.

Keywords: property crimes; crimes against property; the object of the crime; property rights; the needs of the individual.

© П. А. Скобликов, 2022

Статья поступила в редакцию 04.10.2022

При цитировании использовать:

Скобликов П. А. Понятие «имущественные преступления» в российском уголовном законодательстве и правовой доктрине: история вопроса // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 520 – 527. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.520-527

Процесс доказывание, сбор и предоставление доказательств являются одним из основных и важных составных частей различных судебных процессов. Поэтому данные элементов судебного разбирательства имеют основополагающее теоретическое и практическое значение. Тем не менее в научном сообществе мало уделено внимания проблемам определения особенностей доказательственной стадии в зависимости от вида судебного процесса.

Рассмотрены основные вопросы института доказывания в процессе гражданского судопроизводства. Представлены критерии признания доказательств таковыми, виды доказательств, стадии работы с доказательствами в судах по гражданским делам. Рассматриваемая тема сегодня является актуальной и востребованной, так как при помощи доказательств и процедуры доказывания стороны судебного процесса обеспечивают и отстаивают свои права и законные интересы. В связи с этим просто необходимо ориентироваться в комплексе прав и обязанностей участников судопроизводства для их правильной реализации.

Ключевые слова: доказательство; субъекты представления доказательств; доказывание в судопроизводстве; процессуальные доказательства; доказательственная информация; гражданское судопроизводство; права; обязанности.

Светлана Ивановна Молчанова, канд. юрид. наук, эксперт,
АНО «Тамбовский центр судебных экспертиз»;
доцент, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Тамбовский филиал
АНО ВО «Российский новый университет», Тамбов, Россия;
simolchanova@mail.ru

Роман Владимирович Косов, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», Тамбов, Россия;
15641564a@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Введение

Наиболее важной стороной деятельности гражданского процесса является сбор, оценка и представление суду фактической информации о сведениях, подтверждающих правовые отношения сторон в рамках судебного разбирательства, которые служат основанием для выяснения обстоятельств – было ли кем-то нарушено право или законный интерес сторон и

какие последствия наступили от этого нарушения, а также какие последствия должны последовать для виновного.

В. В. Ярков представляет доказательственное право как специфическую правовую совокупность, состоящую из правовых норм, присущих различным институтам и отраслям права. В связи с чем утверждается, что «регулирование доказательств и доказывания носит комплексный характер и в то же время является межотраслевым правовым институтом» [1, с. 226].

Под доказательственным правом другие авторы предлагают считать «нормы, регулирующие доказывание в гражданском и арбитражных процессах, административном судопроизводстве, которые представляют собой обширную совокупность юридических норм, определяющих порядок представления, раскрытия, исследования, оценки доказательств и еще достаточно широкий спектр вопросов, связанных с установлением фактических обстоятельств дела» [3, с. 88].

Основная часть

Процедура доказательств в гражданском разбирательстве основана на законах изучения объективной реальности. Доказательства в гражданском процессе, прежде всего, построены в соответствии с принципом конкурентоспособности. Однако конкурентоспособность в демонстрации сама по себе не является целью, а служит одним из способов узнать фактические обстоятельства дела, что, в конце концов, необходимо, так что суд может осуществлять реальную защиту прав и законных интересов тех, чьи права нарушены. Все это производится судом на основе доказательств, полученных законным путем, и его внутренних убеждений, которые судья получил и оценил на основе беспристрастных, всеобъемлющих и полных исследований.

Судебные доказательства всегда являются результатом противоположных интересов сторон и чаще всего используются в судебном процессе, хотя они не исключаются в других типах судебных разбирательств. В то же время существуют процедуры и логическая деятельность суда, сторон и других участников гражданского процесса. Тем не менее независимо от отдельных элементов, сторона, которая будет представлять более убедительные аргументы (доказательства) в поддержку своих требований или возражений, всегда победит.

Судебное доказывание – специфичная разновидность познания, происходящая в особой процессуальной форме и включающая в себя мыслительную, процессуальную деятельность субъектов судопроизводства, обосновывающих те или иные факты и представляющих на основе этого новые сведения в суде.

Процесс предоставления доказательств в суде осуществляют все субъекты гражданских процедурных юридических отношений, которые признаны такими в соответствии с процедурным законодательством. Например, лица, участвующие в деле, представляют факты и аргументы, которые подтверждают их юридическую позицию по делу, которая может

изменяться в процессе судебного разбирательства под влиянием различных обстоятельств. Суд анализирует представленные факты и аргументы сторон, может предложить сторонам представить по этому делу дополнительные доказательства и способствовать сбору необходимых доказательств. Результатом рассмотрения представленных фактических данных является специфичное умозаключение, которое отражается в решении.

Во время процесса доказывания суд и лица, участвующие в деле, предоставляют обстоятельства, которые необходимо установить с помощью доказательств, что должно привести к формированию новых сведений, которые важны для разрешения спора.

Законодатель определил следующие средства доказывания:

- 1) исследование объяснений лиц, участвующих в деле (ст. 174 ГПК РФ);
- 2) показания свидетелей (ст. 177, 179, 180 ГПК РФ);
- 3) письменные доказательства (ст. 181 ГПК РФ);
- 4) вещественные доказательства (ст. 183 ГПК РФ);
- 5) аудио- или видеозаписи (ст. 185 ГПК РФ);
- 6) заключение эксперта (ст. 187 ГПК РФ);
- 7) консультация специалиста (ст. 188 ГПК РФ)

Особенности судебных доказательств также связаны с тем, что это в основном косвенное, опосредованное знание обстоятельств дела, потому что эти факты совершены в прошлом. Суд чаще всего имеет дело именно с изучением фактов прошлого. Относительно редко суд напрямую изучает факты. Это возможно при изучении фактов состояния, например, при изучении размера жилища, расположения помещений и т. д.

Сбор доказательств является деятельностью суда, участвующего в деле лиц и их представителей, которые направлены на обеспечение доступности необходимых доказательств на момент рассмотрения дела на судебном слушании.

Собирание доказательств в основном происходит на стадии подготовки дела для судебного разбирательства, и, в первую очередь, его осуществляют стороны и другие лица, участвующие в деле, но могут выполняться, при необходимости, судьей. В процессе судебного разбирательства сбор доказательств может продолжаться.

В соответствии со ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ доказательства оцениваются судом по внутреннему убеждению, на основе комплексного, полного, объективного и прямого изучения доказательств, имеющихся в этом деле. Никакие доказательства не имеют предварительной определенной силы для суда.

Доказательства не имеют заранее установленной силы, а суд, фиксируя результаты оценки имеющихся доказательств в соответствующем решении, в том числе анализирует их во взаимосвязи между собой с точки зрения непротиворечивости и достоверности, поскольку они будут применимы судом [5].

Законодательство, которое устанавливает критерии доказательств, обращается к суду. Суд дает оценку доказательств, представленных сторонами и рассмотренных в суде.

Суд оценивает доказательства на основе сформированного внутреннего убеждения. Нет никаких официальных требований к тому, какие доказательства должны быть признаны надежными и достоверными. Суд оце-

нивает доказательства независимо от внешнего влияния, основываясь на полноте и комплексе имеющихся доказательств, каждое из которых не имеет предварительно установленной силы, то есть оценивает доказательства по внутренней убежденности. Внутреннее убеждение формируется в зависимости от мировоззрения судьи, важным элементом которого является правосознание. Уровень правосознания помогает правильно понять и интерпретировать норму права, оценивать доказательства, собранные в деле и т.д. Юридическое осознание важно для тех, кто участвует в деле и также оценивает доказательства с точки зрения их юридической позиции.

Внутренние убеждения основаны на полном, всестороннем и объективном изучении доказательств, доступных в определенный момент.

Объективным рассмотрением доказательств принято считать отсутствие интереса суда по разрешаемому делу, предвзятости и предрассудков при оценке доказательств. Что касается сохранения возможности объективных исследований и доказательства, законом предусмотрена возможность отстранения судьи. Отсутствие заинтересованности в результате дела позволяет суду всесторонне рассматривать доказательства. Если представители сторон действуют в контексте своих собственных юридических интересов и расследуют доказательства в соответствии с их требованиями или возражениями, то суд, который не заинтересован в результатах спора, всесторонне изучает доказательства и истца, и ответчика. Всесторонность означает принятие во внимание аргументов всех лиц, вовлеченных в дело, изучение и оценку доказательств, которые не могут поддерживать точку зрения одной из сторон, а должны стоять в положении независимого арбитра.

Полное рассмотрение доказательств означает наличие доказательств, достаточных для вывода суда по делу, и оценка всего набора доказательств, доступных по делу. В то же время суд может предложить лицам, участвующим в деле, предоставить дополнительные доказательства.

Непосредственное исследование судом доказательств полностью обеспечивает принцип непосредственности рассмотрения дела.

Часть 3 ст. 67 ГПК дополняет требования к доказательствам, оцениваемым судом, указывая на то, что суд оценивает относимость, достоверность каждого доказательства индивидуально, а также достаточность и взаимосвязь доказательств в их совокупности.

Вышеупомянутая характеристика оценки доказательств используется для окончательной оценки доказательств. Суд обязан отразить результаты оценки доказательств в решении, в котором представляются мотивы, которые обосновывают, почему некоторые доказательства были взяты в качестве таковых, и почему суд отклонил другие доказательства, а также причины, по которым у доказательств установлен приоритет перед другими (ч. 4 ст. 67 ГПК).

Оценка доказательств может быть окончательной или промежуточной, что может относиться к доказательствам, которые оправдывают необходимость совершения отдельных процессуальных действий [2].

Почти все субъекты доказывания участвуют в оценке доказательств. Действия сторон по оценке рассмотренных доказательств не предусмотрены в Гражданском процессуальном кодексе РФ. Однако это не означает,

что стороны и другие лица, участвующие в деле, не оценивают доказательства. Опытный представитель на любом этапе разбирательства может оценить перспективу своей правовой позиции. Прокурор, государственные органы, местное самоуправление, организации и граждане, которые защищают нарушенные или оспариваемые права, свободы и интересы других, защищенные законом, имеют право отказаться от иска.

Таким образом, оценка доказательств является сложной процедурой и в то же время проявлением мыслительной деятельности судей, а также тех, кто участвует в деле. Суд оценивает доказательства по внутреннему суждению на основе комплексного, полного, объективного и непосредственного их изучения. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы для суда.

Согласно Гражданскому процессуальному законодательству Российской Федерации, доказательство будет иметь доказательственную силу, если оно соответствует определенным критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Определение относимости доказательств является функцией суда. Суд должен учитывать только связанные с делом доказательства. Относимость доказательств означает объективную связь между информацией о факте и обстоятельствами дела, подлежащими установлению в соответствии с законодательством. На протяжении всего процесса суд постоянно оценивает доказательства с точки зрения их относимости [6, с. 56].

Доказательство имеет доказательственную силу, если оно получено, изучено и оценено в соответствии с требованиями, закрепленными в законе. Таково общее и естественное требование закона относительно допустимости доказательств. В некоторых случаях доказательства, которые обладают вышеупомянутыми свойствами, допустимыми не могут считаться. Положения, определенные ст. 60 ГПК РФ, устанавливают общий характер и заявляют, что определенные факты могут быть подтверждены только определенными доказательствами.

Заключение

Достоверность доказательств можно охарактеризовать главным образом как признак источника – носителя информации. Если источник информации можно поставить под сомнение, то суд должен устранить, отклонить его; если суд не может устранить это сомнение, то необходимо оценивать доказательства из сомнительного источника в сочетании с другими доказательствами, находящимися в деле. По сравнению с арбитражным процессом, гражданский процесс приписывает суду более активную роль в устранении сомнений в источнике информации. В соответствии со ст. 79 ГПК РФ суду предоставляется право собственной инициативы, например, на назначение экспертизы для решения вопросов, возникающих у суда, в то время как арбитражное процедурное законодательство (ст. 82) устанавливает возможность назначения экспертизы исключительно по ходатайству сторон.

Достаточность доказательств есть свойство совокупности информации создавать образ спорного материального правоотношения [4, с. 88].

Истинность сформированных суждений суда об обстоятельствах дела зависит также от вида доказательств.

Правильность судебного решения как способ восстановления нарушенного права и отношения к судебной системе в целом зависит от того, насколько судом правильно определена суть спорных правовых отношений во всех необходимых аспектах. По этой причине доказывание как основной механизм создания судебной истины считается центральным институтом гражданского процесса. В этой связи доказательство надо понимать как сведение о факте, выраженное определенными процессуальными средствами доказывания.

Список литературы

1. **Актуальные** проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др.; под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021. 460 с.
2. **Александров А. С., Терехин В. В.** К вопросу о новой теории уголовно-процессуального доказывания // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1. С. 9 – 18.
3. **Курс** доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова и др.; под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.
4. **Матюшин Б. Т.** Внутреннее убеждение судей и оценка доказательств // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1977. № 3. С. 87 – 91.
5. **Нахова Е. А.** К вопросу о процессуальных полномочиях суда при определении предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 4 (8). С. 78 – 87.
6. **Силина Е. В., Колесникова М. М.** Понятие, признаки и классификация судебных доказательств в гражданском процессе // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 1. С. 52 – 57.

References

1. **Abushenko D. B., Branovitskiy K. L., Zagaynova S. K. et al.; Yarkov V.V. (Ed.).** *Aktual'nyye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva* [Actual problems of civil and administrative proceedings], Moscow: Statut, 2021, 460 p. (In Russ.).
2. **Aleksandrov A.S., Terekhin V.V.** [On the issue of a new theory of criminal procedure proof], *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2015, no. 1, pp. 9-18. (In Russ.).
3. **Afanas'yev S.F., Baulin O.V., Luk'yanova I.N. et al.; Fokina M.A. (Ed.).** *Kurs dokazatel'stvennogo prava: Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyy protsess. Administrativnoye sudoproizvodstvo* [Course of evidence law: Civil procedure. arbitration process. Administrative proceedings], Moscow: Statut, 2019, 656 p. (In Russ.).
4. **Matyushin B.T.** [Inner conviction of judges and assessment of evidence], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11], 1977. № 3. S. 87 – 91. (In Russ.).
5. **Nakhova Ye.A.** [To the question of the procedural powers of the court in determining the subject of proof in civil proceedings], *Tsivilistika: pravo i protsess* [Civil law: law and process], 2019, no. 4(8), pp. 78-87. (In Russ.).

6. **Silina Ye.V., Kolesnikova M.M.** [The concept, signs and classification of judicial evidence in civil proceedings], *Vestnik Sankt-Peterburgskoy Yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy], 2018, no. 1, pp. 52-57. (In Russ.).

Some Issues of Evaluating Evidence in the Process of Legal Proceedings

S. I. Molchanova, *Cand. Sci. (Law), Expert,*
ANO "Tambov Center for Forensic Expertise";
Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines,
Tambov branch of ANO VO "Russian New University", Tambov, Russia;
simolchanova@mail.ru

R. V. Kosov, *Cand. Sci. (History), Associate Professor,*
Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
15641564a@mail.ru

The process of proving, collecting and providing evidence is one of the main and important components of various trials. Therefore, these elements of the trial are of fundamental theoretical and practical importance. Nevertheless, in the scientific community little attention has been paid to the problems of determining the features of the evidentiary stage, depending on the type of trial.

The main issues of the institution of proof in the process of civil proceedings are considered. The criteria for recognizing evidence as such, the types of evidence, and the stages of working with evidence in civil courts are presented. The topic under consideration today is relevant and in demand, since with the help of evidence and the procedure of proof, the parties to the trial ensure and defend their rights and legitimate interests. In this regard, it is necessary to navigate the complex of rights and obligations of participants in legal proceedings for their proper implementation.

Keywords: proof; subjects of presentation of evidence; evidence in legal proceedings; procedural evidence; evidentiary information; civil litigation; rights; responsibilities.

© С. И. Молчанова, 2022

© Р. В. Косов, 2022

Статья поступила в редакцию 17.05.2022

При цитировании использовать:

Молчанова С. И., Косов Р. В. Отдельные вопросы оценки доказательств в процессе судопроизводства // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 4. С. 528 – 534. doi: 10.17277/pravo.2022.04.pp.528-534